

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

Г.Ш. Григорян

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

Размещение и численность
в конце XIX – первой четверти XX вв.

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ РАН

Г.Ш. Григорян

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

Размещение и численность
в конце XIX — первой четверти XX вв.

Научные редакторы
А.Г. Новожилов, А.Н. Ямсков

Москва
Старый сад
2022

УДК 314.15(470-25)
ББК 63.5(2)+60.72
Г83

*Книга подготовлена и издается
в рамках Государственного задания Института этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Рецензенты

д.и.н. О.Е. Казьмина, д.и.н. Т.А. Титова

Григорян Г.Ш.

Г83 Этнические меньшинства на территории Москвы: размещение и численность в конце XIX – первой четверти XX вв. / Научн. ред.: А.Г. Новожилов, А.Н. Ямсков / Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН – М.: Старый Сад, 2022. – 249 с.

ISBN 978-5-89930172-8

DOI: 10.33876/978-5-89930-172-8/1-249

Монография посвящена анализу динамики численности и расселения наиболее многочисленных этнических меньшинств Москвы с конца XIX в. до 1923 г.: немцев, поляков, евреев, украинцев, татар, армян, белорусов, латышей, литовцев, эстонцев. Автор проследил изменения в размещении этнических меньшинств на территории Москвы и установил ареалы их концентрации. Подобные ареалы не были статичны, за четверть века их расположение и направление смещения менялись, в том числе благодаря росту удельного веса большинства этнических меньшинств за счёт притока мигрантов из своей этнической среды. Вместе с тем, в начале XX в. в характере расселения большинства этнических меньшинств на территории Москвы все еще отражалось расположение мест их первоначального компактного проживания в XVII–XVIII вв. В работе подробно анализируется влияние миграций периода Первой мировой войны и послереволюционного времени на численность и расселение этнических меньшинств города. Произведена оценка изменений этнического и конфессионального состава населения Москвы в период Первой мировой войны. Автор проследил тенденции в динамике убыли и прироста удельного веса разных этнических групп в населении города за 1918–1921 гг., а также зависимость этих изменений от региона выхода мигрантов. В процессе анализа домовых книг подробно описана структура их формуляра, содержание записей, особенности их ведения после 1917 года, установлено количество сохранившихся экземпляров источника. Проанализированы возможности использования информации, содержащейся в домовых книгах, в качестве антропонимического источника. Основой исследования явились материалы переписей 1897–1926 гг., в которых учтено население Москвы, а также данные домовых книг за 1918–1921 гг. из ряда районов города, впервые вводимые в научный оборот в качестве массового источника статистических данных.

ISBN: 978-5-89930172-8

9 785899 301728

**УДК 314.15(470-25)
ББК 63.5(2)+60.72**

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2022
© Г.Ш. Григорян, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	----------

ГЛАВА 1

Источники сведений об этническом составе населения Москвы в конце XIX — первой четверти XX вв.	23
--	-----------

Общероссийские и городские переписи населения Москвы как основа для определения этнического состава жителей города	23
---	----

Языковой, конфессиональный и этнический состав населения Москвы в общероссийских и местных переписях	34
---	----

Домовые книги как новый массовый источник сведений о населении Москвы	46
--	----

Данные домовых книг о жителях города из пяти участков Москвы.....	60
--	----

ГЛАВА 2

Домовые книги как антропонимический источник	68
---	-----------

Дискуссии о взаимосвязи антропонимических и этнографических данных в массовых источниках	68
---	----

Языковые и культурные особенности формирования антропонимических моделей у этнических групп Москвы	73
---	----

Антропонимы в домовых книгах Москвы как основа для определения этнического состава жильцов	87
---	----

ГЛАВА 3

Пространственное распределение этнических меньшинств на территории Москвы до Первой мировой войны.....	96
---	-----------

Этнические меньшинства на территории Москвы в XVII—XIX вв.	96
--	----

Концентрация этнических меньшинств на территории Москвы в 1897—1912 гг.	106
---	-----

ГЛАВА 4

Влияние миграций военного и послереволюционного времени на численность и расселение этнических меньшинств Москвы в 1915–1923 гг.	131
--	------------

Беженцы в населении Москвы во время Первой мировой войны	131
--	-----

Особенности динамики этнического состава населения Москвы в первые годы советской власти (1918–1921 гг.)	143
---	-----

Тенденции в размещении этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х гг.	158
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
-------------------------	------------

ИСТОЧНИКИ	186
------------------------	------------

ЛИТЕРАТУРА.....	192
------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Картосхемы концентрации этнических меньшинств на территории Москвы в 1897 г., 1912 г. и 1923 г.	206
---	------------

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	245
--------------------------------	------------

ВВЕДЕНИЕ

Для исследования выбран один из определяющих периодов истории Москвы — конец XIX — первая четверть XX вв., когда под воздействием миграций мирного и военного времени этническая структура города претерпела резкие трансформации. В основу работы положен анализ динамики расселения этнических меньшинств¹ на территории Москвы, а также определение миграционных потоков, формировавших население города. Основными источниками для исследования явились переписи населения и домовые книги Москвы.

Всего же за период с 1897 г. по 1926 г. различные переписи населения учли в Москве от 34 до 190 этнических групп. Абсолютное большинство в населении города составляли русские, доля которых, однако, существенно снизилась под влиянием миграций из западных регионов России за время Первой мировой войны и в первые годы советской власти. Наиболее многочисленными этническими меньшинствами Москвы в первой четверти XX в. являлись: немцы, поляки, евреи, латыши, литовцы, белорусы, украинцы, татары, эстонцы, армяне. Обращаясь к Москве того периода, важно учитывать, что ее территория находилась в пределах Окружной железной дороги² и была гораздо меньше ее современной площади даже в границах МКАД³.

Исследование расселения этнических групп на территории Москвы является составной частью этнографии/антропологии города. Существенное влияние на формирование городской антропологии оказала Чикагская школа социологии, зародившаяся в 1920–1930-е годы. Ее представители называли свои исследования работами в области экологии человека, изучая городские районы как своеобразные природные зоны, выделяющиеся по различным признакам. Чикагские ученые широко применяли в своих исследованиях количественные методы обработки демографических и иных статистических данных⁴.

¹ Здесь и далее выражение «этнические меньшинства» используется в качестве сопоставления с русским большинством.

² Современное название — «Малое кольцо Московской железной дороги» (МК МЖД).

³ Московская кольцевая автомобильная дорога (МКАД).

⁴ Prato G.B., Pardo I. *Anthropology in the City: Methodology and Theory*. Surrey: Ashgate, 2012. P. 82.

Лидер чикагской группы ученых Р.Э. Парк сформулировал основные принципы и перспективные направления исследований городской экологии, изучая поведение человека в урбанистической среде, а также элементы городского пространства. Он рассматривал город как структуру, соединяющую в себе как физическую, так и моральную составляющие. Касаясь сегрегации городского населения, Р.Э. Парк обращал внимание на роль стихийных процессов, обусловленных личными пристрастиями, профессиональными и экономическими интересами. В качестве основных элементов территориальной окраски автор выделял соседства и приходящие им на смену сегрегированные ареалы, соединяющие в себе людей из разных «миров»⁵.

Другие представители Чикагской школы следовали различным направлениям в рамках городской экологии. Э.У. Берджесс разработал модель концентрических кругов, выделив пять зон, присущих малым и большим городам. Постепенно расширяясь, каждая зона стремится проникнуть в следующую внешнюю зону, в результате чего происходит их последовательная смена, отражающая городскую экспансию⁶. Р.Д. Маккензи развивал понятия экологии человека сопоставляя ее с экологией растений и животных, выделяя влияние пространственного фактора на поведение человека в городе⁷. Применяя модель концентрических кругов, П. Крейси проанализировал разные варианты расселения мигрантов и местных жителей Чикаго в первой трети XX века. Автор подробно описал взаимосвязь пространственного размещения с ассимиляцией этнических и расовых групп мигрантов, проходящих этапы вторжения, конфликта, уступки и реорганизации⁸.

Л. Вирт развил идеи предшественников в своей теоретической работе об урбанизме, где определил город как крупное и плотно населенное образование с гетерогенным населением. По Л. Вирту, различия жителей города ведут к отбору, дифференциации и пространственной

⁵ Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 19–56.

⁶ Берджесс Э.У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 20–34.

⁷ Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Чикагская социология: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 35–51.

⁸ Cressey, P.F. (1938) Population Succession in Chicago: 1898–1930. American Journal of Sociology, vol. 44, no 1, pp. 59–69.

сегрегации по расовому, этническому, экономическому и социальному признакам. Большое число контактов между индивидами в городе стимулирует рост рационализма и вместе с тем способствует созданию социального вакуума⁹. Р. Редфилд в своих исследованиях делал упор на контрасте и поиске взаимосвязей между традиционным «народным обществом» и урбанизированным, чтобы понять общество в целом¹⁰.

Чикагская школа оказала влияние на последующее развитие всей городской антропологии. В 1960-х годах в сферу советских этнографических исследований были включены город и городское население в целом, прежде всего как очаги активных этнических процессов¹¹. Значительная культурная неоднородность и многовариантность процессов, характерные для города, представляли определенную сложность, но позволяли подойти к пониманию городского образа жизни¹².

Интенсивность этнических процессов, происходивших в городе, побудила этнографов обратить свое внимание на семью как среду, формирующую этническое самосознание. Исходя из предпосылок образования единой общности, интерес у исследователей вызывали этнически смешанные браки как микросреда для процессов интеграции и ассимиляции¹³. Именно в городе рост доли смешанных семей происходил наиболее явно, однако этот процесс имел разную интенсивность в зависимости от той или иной этнической группы¹⁴. Кроме того, чаще вступали в смешанные браки представители этнических меньшинств, но на основе культурной и конфессиональной близости¹⁵. Данные об этническом самосознании лиц, произошедших из смешан-

⁹ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Луис. Избранные работы по социологии: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 89–113.

¹⁰ Редфилд Р. Народное общество // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 10. № 5–6 (44–45). С. 99–113.

¹¹ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Этнографическое изучение города в СССР // Советская этнография. 1977. №6. С. 22, 26.

¹² Рабинович М.Г., Шмелева М.Р. К этнографическому изучению города // Советская этнография. 1981. №3. С. 23–34.

¹³ Ганцкая О.А. Этнос и семья в СССР // Советская этнография. 1974. № 3. С. 20–30.

¹⁴ Соловей Л.С. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии // Советская этнография. 1969. № 5. С. 88–90.

¹⁵ Борзых Н.П. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах // Советская этнография. 1970. № 4. С. 87–96.

ных браков, указывали на сложность и многофакторность расширяющихся ассимиляционных процессов¹⁶.

Отдельным направлением стала этносоциология, в рамках которой этническое и социальное изучалось путем их соотнесения в различных средах. Одним из способов представления такой взаимосвязи являлись социальные процессы, облеченные в оболочку этнических интересов¹⁷. Исследования этносоциальных процессов происходили в городе под влиянием экономики и социальной политики. Социологический подход в этнографии предполагал изучение массовых процессов, освещение общих закономерностей общественной жизни и групповых взаимосвязей¹⁸. Примером такого подхода может служить исследование социально-демографической структуры этнодисперсной группы, расселенной в городской иноэтнической среде¹⁹. Одной из основных научных парадигм этносоциологов являлась установка на постепенное сближение наций, которому способствовал социалистический строй. Процессы сближения этнических групп, наиболее интенсивно протекавшие в городах, прежде всего наблюдались в экономической сфере, однако были противоречивы в быту и духовной жизни²⁰.

В современных работах по городской антропологии преобладающей тенденцией становится подход к этничности как одному из многих культурных элементов, особенно в условиях нарастания миграций и мультикультурализма²¹. Характерной чертой исследований города является как преемственность, так и расширение проблематики. В условиях роста численности городов за счет внешнего притока населения, интерес современных исследователей вызывает взаимодействие мигрантов

¹⁶ Евстигнеев Ю.А. Национально-смешанные браки в Махачкале // Советская этнография. 1971. № 4. С. 80–85.

¹⁷ Арутюнян Ю.В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской ССР) // Советская этнография. 1968. №4. С. 3–13.

¹⁸ Дробизева Л.М. Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6. С. 64–73.

¹⁹ Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки. Л: Наука, 1987. 174 с.

²⁰ Холмогоров А.И. Интернациональные черты советских наций: (На материалах конкретно-социологических исследований в Прибалтике). М.: Мысль, 1970. 222 с.

²¹ Шабаетов Ю.П., Жеребцов И.Л. Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 7.

с принимающим сообществом²². Особую актуальность в работах приобретает этнический фактор и его влияние на процессы трансформации²³. Одним из подходов к изучению адаптации мигрантов к новой для них городской среде является учет качественной специфики, предполагающей либо приоритет социокультурных ценностей принимающей стороны, либо их использование в качестве экономического ресурса²⁴. Исходя из предпосылок интеграции разнородных сообществ в городской среде, исследуется позитивное влияние совместных практик на сближение мигрантов и местных жителей на уровне локальных групп²⁵.

Рост внешней и внутренней миграции в города способствует изменению и усложнению этнического состава их населения, вследствие чего повышается роль количественных характеристик в исследованиях по городской этнографии/антропологии. В этом смысле численное представление о динамике этнических процессов позволяют получить этнодемографические данные, в качестве источников для которых привлекаются материалы переписей населения, данные административного и церковного учета, другие массовые документы. Необходимость в этнодемографических данных продиктована зависимостью демографического поведения населения от его этнической принадлежности, что выражается в особенностях воспроизводства, динамике численности, расселении, миграционной активности и др.

Этническая демография начала формироваться в начале XX в. с работы М.В. Птухи, в которой ставился вопрос о взаимосвязи смертности и этнической принадлежности на территории Европейской России²⁶. Во второй половине XX в. существенный вклад в развитие этнодемографии, в том числе и городской, внесли советские ученые. Б.В. Андрианов подробно охарактеризовал этнический состав населения регионов и отдельных стран Африки в середине XX в., привел сведения о числен-

²² Деминцева Е.Б. Мигранты в постсоветском городе // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 1. С. 5–14.

²³ Гастарбайтерство. Факторы адаптации. Сост. Н.А. Дубова. Под общей ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2008. 387 с.

²⁴ Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН, 2005. 51 с.

²⁵ Савин И.С. Практики локальной интеграции разнородных сообществ как поле экспериментов (на примере Москвы) // *Вестник антропологии*. 2019. № 1(45). С. 54–66.

²⁶ Птуха М.В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. Киев: ЦСУ Украины, 1928. 58 с.

ности, миграциях, расселении, плотности, занятиях населения, выделил крупные области, в которых шли различные этнические процессы²⁷. И.И. Пучков использовал методы этнодемографии в своих работах о населении Австралии и Океании. В частности, определяя этнический состав населения и описывая этническое расселение в Австралии, в качестве этнических признаков автор использовал косвенные данные, такие как страна рождения, раса, религия²⁸. Следуя парадигме сближения этнических общностей, Э.К. Васильева исследовала семейные различия среди этнических групп Казани с помощью сравнения этнодемографических характеристик²⁹. Привлечение этнодемографических данных о населении позволило Н.Г. Волковой проследить динамику развития городов Закавказья в конце XIX – XX веках, охарактеризовать влияние миграций, выявить общие черты слияния некоторых этнических общностей, а также указать на рост моноэтнизации³⁰.

Рост исследований на стыке этнографии и демографии стимулировал теоретическое оформление этнодемографии с конца 1960-х годов. В.В. Покшишевский развивал методы этнодемографии применительно к городскому населению с учетом его этнической неоднородности, анализируя сложные и разнонаправленные процессы как интеграции, так и роста этнического самосознания³¹. Л.Ф. Моногарова разработала методику определения индекса этнической мозаичности, характеризующего уровень многоэтничности города на основе этнодемографических данных³². В.И. Козлов обосновал логику возникновения этнодемографии и ее место в системе наук, определил ее объект и основные задачи, наметил базовые направления развития, описал источники, содержа-

²⁷ Андрианов Б.В. Население Африки (Этностатистический обзор). М.: Наука, 1964. 276 с.

²⁸ Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М.: Наука, 1987. 194 с.; Пучков П.И. Население Океании. Этногеографический обзор. М.: Наука, 1967. 258 с.

²⁹ Васильева Э.К. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования) // Советская этнография. 1968. № 5. С. 13–24.

³⁰ Волкова Н.Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX–XX века // Советская этнография. 1968. № 6. С. 39–51.

³¹ Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. № 5. С. 3–15.

³² Моногарова Л.Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения // Советская этнография. 1972. № 6. С. 52–63.

щие этническую информацию, проанализировал этнические факторы, влияющие на естественное воспроизводство народонаселения³³.

В последующем, в рамках этнодемографического направления работали С.И. Брук и В.М. Кабузан, исследовавшие изменения этнического состава России в XVIII — XIX вв. Авторам удалось проследить динамику процесса за 200 лет, в период, когда границы русского государства расширялись вследствие включения территорий с этнически пестрым населением³⁴. Н.В. Юхнева реконструировала этнический состав населения Санкт-Петербурга второй половины XIX — начала XX века, используя сочетание косвенных признаков, содержащихся в переписях. Полученные данные позволили автору проследить динамику этнической топографии города на уровне мелких административно-территориальных единиц³⁵.

Рост миграций актуализировал современные этнодемографические исследования, стимулируя расширение их проблематики и подходов. Н.В. Мкртчян проанализировал влияние миграций на изменение этнического состава населения в постсоветской России, сравнивая переписи и текущий административный учет. Автор пришел к выводу о региональных особенностях качества подсчетов этнического состава населения, завышении численности некоторых этнических групп Кавказа и занижении — русских³⁶. С.А. Хрущев проанализировал роль влияния принятой этнической дифференциации на процесс депопуляции населения в Балтийском макрорегионе, которую необходимо учитывать при изучении негативного характера воспроизводства населения³⁷.

Наиболее близкими к теме монографии, являются работы о населении Москвы, ставшем предметом самостоятельных исследований

³³ Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика. 1977. 240 с.

³⁴ Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719—1917 гг.) // Советская этнография. 1980. №6. С. 18—34.

³⁵ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX — нач. XX в. Л.: Наука, 1984. 223 с.; Юхнева Н.В. Об этнических аспектах изучения населения дореволюционного Петербурга // Советская этнография. 1980. №1. С. 20—33.

³⁶ Мкртчян Н.В. Демографическая ситуация и этнические процессы в России как базисные условия формирования перспективной миграционной политики // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2005. Т. 3. С. 418—439.

³⁷ Хрущев С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4(6). С. 91—102.

со второй половины XX в. Советские авторы, обращавшиеся к периоду конца XIX — первой четверти XX вв., зачастую исследовали демографические показатели населения Москвы в контексте позитивных изменений послереволюционного развития. Е.О. Кабо проанализировала московскую статистику о рождениях и смертях в пореформенное время, что позволило ей уточнить завышенные данные о естественном приросте населения в городе³⁸. М.Я. Выдро привел демографические данные о населении Москвы по результатам переписей за 1871–1970 гг., где в том числе фигурирует его этнический состав, который до 1920 г. определен по языку³⁹. И.В. Дзарасова проанализировала динамику демографических характеристик населения Москвы в 1871–1978 гг. в тесной связи с развитием экономики и социальной политики⁴⁰. А.А. Трифонов исследовал факторы пополнения московского населения в дореволюционный период, а также другие демографические показатели, привлекая различные источники⁴¹. Уже в постсоветский период В.М. Кабузан коснулся изменения этнического состава населения Москвы в контексте динамики численности ее русского населения в XVIII — XX веках⁴². В.И. Козлов произвел краткий обзор этнического состава московского населения с конца XIX по конец XX вв., обращая внимание, что после 1917 г. в Москву возрос приток иноэтнических групп⁴³.

Современные авторы глубже изучают демографическую структуру населения Москвы, а также расширяют круг исследовательских тем, включая в них миграции, пространственную составляющую и др. Наиболее подробно московское население конца XIX — первой чет-

³⁸ Кабо Е.О. К вопросу о естественном движении населения в пореформенной Москве // Ученые записки по статистике. Т. 10. М.: Наука, 1966. С. 323–333.

³⁹ Выдро М.Я. Население Москвы: (По материалам переписей населения 1871–1970 гг.). М.: Статистика, 1976. 54 с.

⁴⁰ Дзарасова И.В. История воспроизводства населения столицы // О населении Москвы. М.: Статистика, 1980. С. 23–38.

⁴¹ Трифонов А.А. Формирование населения Москвы в дореволюционный период // Русский город. Вып. 7. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 189–198.

⁴² Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. С. 268–270.

⁴³ Козлов В.И. Население Москвы (Историко-демографический обзор) // Москва: народы и религии. М., 1997. С. 7–9.

верти XX вв. исследовано в работе И.Н. Гавриловой. Автор проследила динамику численности населения Москвы во взаимосвязи с факторами, на нее повлиявшими, особо отмечая негативное влияние Первой мировой войны. Касаясь существенной роли миграционного прироста для численности населения города, И.Н. Гаврилова анализирует его как фактор влияния на возрастно-половой, этнический и социальный состав населения Москвы⁴⁴. О.М. Ульянов, исследуя пространственную структуру населения Москвы по результатам его переписи конца XIX в., применил кластерный анализ и выделил городские районы, характеризующиеся сходным сословно-профессиональным составом населения⁴⁵. М.Б. Денисенко и А.В. Степанова проанализировали динамику численности населения Москвы с конца XIX по начало XXI вв., привлекая переписи и данные текущего учета. Авторы определили степень влияния естественного и миграционного прироста на численность населения города во взаимосвязи с расширением его территории⁴⁶. На основе массива статистических данных городской переписи населения Г.В. Былов выявил и картографировал пространственную сегрегацию сословных групп Москвы начала XX века. Для анализа территориальной структуры города автор использовал индекс локализации, отражающий относительное преобладание того или иного сословия на территории отдельного участка в сравнении с его удельным весом по всему городу⁴⁷.

Также заслуживают внимание исследования, посвященные отдельным этническим меньшинствам Москвы периода конца XIX — первой четверти XX вв. Такие работы проливают свет на особенности образования соответствующих этнических групп города, их состав, расселение, источники пополнения. Большинство исследователей определяли чис-

⁴⁴ Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. 480 с.

⁴⁵ Ульянов О.М. Население Москвы в конце XIX в.: пространственно-типологическая характеристика по данным переписи Москвы 1882 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2006. № 3. С. 293–298.

⁴⁶ Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.

⁴⁷ Былов Г.В. Пространственная сегрегация сословий Москвы на рубеже XIX — XX веков // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сургут, 2015. С. 324–335.

ленность конкретной этнической группы Москвы по языку на основе переписей населения. Описывая этапы формирования еврейского населения Москвы за XV – XX вв., М.С. Куповецкий охарактеризовал его численность, социально-профессиональный состав, особенности преодоления «черты оседлости», а также районы наибольшего сосредоточения⁴⁸. В том же сборнике В.Г. Садур проследил особенности увеличения доли татар в населении Москвы во второй половине XIX – начале XX веков, изменения их социального и полового состава, а также расселения по частям города⁴⁹.

Демографические характеристики московских немцев в конце XIX – начале XX вв. приводит В. Деннингхаус, анализируя их численность, подданство, вероисповедание, соотношение полов, семейное положение, а также влияние Первой мировой и Гражданской войн на удельный вес в населении города⁵⁰. Формирование белорусского населения Москвы в XVII – XX вв. исследует О.В. Солопова, указывая, что сложное переплетение локальной, конфессиональной и этнической составляющих в его самоидентификации имело место наряду с ассимиляцией белорусов среди русского большинства. Автор отмечает, что рост этнического самосознания особенно проявился у белорусов Москвы после начала Первой мировой войны с прибытием большой массы беженцев из Северо-Западного края России⁵¹. В.Б. Бархударян, исследуя становление армянской колонии Москвы, анализирует динамику ее численности в конце XIX – начале XX вв., привлекая данные церковного учета и переписей населения⁵².

Стоит также обратить внимание на этносоциологические исследования современного населения Москвы, опубликованные за последние

⁴⁸ Куповецкий М.С. Еврейское население Москвы (XV–XX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 58–71.

⁴⁹ Садур В.Г. Татарское население Москвы (1860 – 1905 гг.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 26–39.

⁵⁰ Деннингхаус В. Московские немцы в зеркале дореволюционной статистики // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М.: Готика, 2000. С. 31–41.

⁵¹ Солопова О.В. Белорусы Москвы: Очерки этносоциальной истории XVII – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. М., 2005. 26 с.

⁵² Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2015. 428 с.

десятилетия и затрагивающие вопросы миграций, а также расселения этнических групп на ее территории. В этом смысле значительная работа проделана учеными Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, в том числе в рамках программы «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия (2005–2007 гг.)». Например, на основе материалов переписей и этносоциологических исследований Л.В. Остапенко и И.А. Субботина провели комплексное изучение этнического состава населения Москвы, размещения наиболее многочисленных этнических групп на ее территории, миграций и их влияния на межэтнические отношения в мегаполисе. Авторы выявили не только снижение удельного веса русских в населении Москвы за постсоветский период, но и явные признаки роста концентрации отдельных этнических меньшинств в определенных районах города⁵³. М.Ю. Мартынова исследовала особенности взаимовлияния коренного населения Москвы и мигрантов, принадлежащих к этническим меньшинствам, в условиях открытости повседневной культуры к иному. Красной нитью анализа автора явился вопрос об унификации культур или их параллельном существовании в крупных городах⁵⁴. Исследуя резко изменившееся поликультурное пространство Москвы, В.К. Малькова проанализировала степень влияния инокультурных мигрантов на городскую инфраструктуру в процессе их адаптации⁵⁵. Используя материалы статистики, Ю.В. Арутюнян исследовал феномен «москвичи» как следствие трансформации этнических меньшинств Москвы под влиянием полиэтнической среды⁵⁶.

Авторы из других научных коллективов также развивают тему о современных мигрантах Москвы и их влиянии на расселение этнических групп в городе. Согласно исследованию О.И. Вендиной, А.Н. Панина и В.С. Тикунова этническая пестрота районов Москвы как в центре, так и на окраинах, не обязательно является следстви-

⁵³ Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: РУДН, 2007. 353 с.

⁵⁴ Мартынова М.Ю. Миграционные процессы и повседневная культура москвичей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 274–304.

⁵⁵ Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2014. Вып. 235. 107 с.

⁵⁶ Арутюнян Ю.В. Москвичи: этносоциологическое исследование. М.: Наука, 2007. 271 с.

ем стремления мигрантов к компактному проживанию, а зачастую обусловлена их разными финансовыми возможностями. С другой стороны, рост этнической сегрегации района только опосредованно влияет на его конфликтный потенциал, но зависит также от степени его вовлечения в общегородскую среду⁵⁷. Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева, Н.С. Иванова и др. попытались ответить на вопрос о причинах возникновения мест концентрации мигрантов на примере города-спутника непосредственно примыкающего к Москве⁵⁸. В.М. Пешкова проанализировала факторы, влияющие на освоение социального пространства Москвы мигрантами из Средней Азии, основными из которых явились дисперсность их расселение и уровень самоорганизации⁵⁹.

Таким образом, с середины XX в. проведено немало исследований о населении Москвы, а за последние десятилетия интерес авторов все более привлекают вопросы адаптации мигрантов и создания этнических анклавов на ее территории. Однако, что касается периода конца XIX — первой четверти XX вв., то в большинстве работ он затронут как один из этапов внутри определенных хронологических рамок, что ограничило подробное его изучение. В современной историографии стали появляться работы о социальной сегрегации в Москве конца XIX — первой четверти XX вв., однако в них не рассматриваются вопросы размещения этнических меньшинств в городском пространстве. Демографические характеристики некоторых этнических групп Москвы также освещаются в публикациях, однако из основных показателей в них преобладает лишь анализ численности населения. В итоге, в условиях нарастания интереса ученых к населению Москвы, совершенно недостаточно работ, которые бы включали вопросы изучения истории его формирования и этнического состава, направления и объема миграций, расселения этнических групп, посвященных периоду конца XIX — первой четверти XX вв.

⁵⁷ Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17

⁵⁸ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 2. Т. 19. С. 225–253.

⁵⁹ Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5(287). С. 24–49.

Сочетание в данной работе этнографического источниковедения с исследованием населения Москвы конца XIX — первой четверти XX вв. определило привлечение широкого круга источников, основными из которых явились переписи населения, проводившиеся в 1897—1926 гг., и домовые книги Москвы 1918—1921 гг. Из материалов переписей получены сведения о численности и этнической принадлежности населения Москвы в 1897—1926 гг. За этот период оно было учтено в восьми переписях: всеобщих — 1897, 1920 и 1926 гг., городских — 1917 и 1923 гг., местных — 1902, 1912 и 1918 гг. До революции 1917 г. основными этнодифференцирующими признаками в переписях населения являлись родной язык и вероисповедание, в советские переписи была включена национальность (народность). Если численность населения Москвы в переписях не вызывает у исследователей особых вопросов, то данные об этнической принадлежности отличаются разной степенью достоверности.

Во-первых, этнический состав населения на основе родного языка по определению не тождественен национальности из-за процессов языковой ассимиляции. Во-вторых, организаторы всеобщей переписи 1897 г. старались приблизить трактовку родного языка к национальности, в результате чего доля некоторых этнических групп Москвы по языку оказалась выше, чем в местных переписях 1902 и 1912 гг. Не обладая высокой точностью, данные о родном языке в совокупности с вероисповеданием, тем не менее, дают представление об этническом составе населения Москвы и позволяют анализировать динамику расселения этнических меньшинств. В отличие от родного языка и вероисповедания, национальность (народность) в советских переписях 1920, 1923 и 1926 гг. основана на самоопределении опрашиваемых, поэтому значительно более точно воспроизводит этнический состав населения Москвы. Однако, он имеет некоторые отличия в трех указанных советских переписях, как по причине повышения точности учета в 1926 г., так и вследствие наличия существенной доли лиц, не указавших национальность в 1920 г. Наибольшей полнотой сведений об этническом составе населения Москвы обладают изданные результаты дореволюционных переписей 1897 и 1912 гг., содержащие информацию о распределении этнических групп по частям и участкам города. Изданные результаты остальных переписей содержат только сведения об этническом составе населения по городу в целом.

Вводимые в научный оборот домовые книги явились источником сведений о непрерывной динамике этнодемографических показателей за 1918–1921 гг., недоступной для переписи, представляющей собой единовременный срез. Ценность домовых книг как источника проявляется и во взаимосвязи множества признаков, что позволяет по-разному их комбинировать. Так, в одной таблице переписи связаны, как правило, два-три признака, что ограничивает количество возможных комбинаций, домовые же книги позволяют анализировать в комплексе не менее шести признаков. Материалы источника позволяют получить оценочные сведения об этническом составе жильцов московских домов в пяти участках города и использовать их совместно с переписями населения. Книги существенно дополняют исследование сведениями о динамике формирования населения Москвы в 1918–1921 гг., а также позволяют получить оценочные сведения о локализации этнических меньшинств в пяти участках Москвы в 1920 г.

Возможное снижение полноты сведений в домовых книгах преодолено в исследовании путем отбора наиболее заполненных экземпляров. Наряду с тем, что контроль за регистрацией в домовых книгах осуществлялся органами милиции, повышению учета в них способствовало внесение записей о временных жителях, а также привязка регистрации к выдаче продовольственных карточек в 1918–1921 гг. Важным фактором повышения точности данных также является отсутствие принципиальных расхождений в показателях динамики численности населения Москвы в домовых книгах 1918–1921 гг. с результатами переписей того же периода. Тем не менее, опора на специфику выборки из домовых книг обязывает нас относиться с осторожностью к интерпретации результатов расчетов, а также соотносить их с данными из других источников.

Данные книг использовались как для анализа размещения этнических групп на территории Москвы, так и для изучения формирования ее этнического состава. В первом случае, понимая недостаточность объема данных домовых книг для экстраполяции полученных результатов на все население города, ставилась задача соотнести их с данными переписей, в результате чего были выявлены как схожие тенденции, так и особенности. Во втором случае, благодаря непрерывной динамике за четыре года, данные домовых книг позволили выявить тенденции в направлениях новых миграционных потоков, которые формировали этнический состав Москвы во время Гражданской войны. Именно

в этом проявилась наибольшая ценность домовых книг как этнодемографического источника.

Источником для оценки изменений в этническом составе второй столицы во время Первой мировой войны явились ведомости о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1916 гг. Ведомости являлись разновидностью текущего административного учета населения и составлялись Московским столичным и губернским статистическим комитетом на основе сводных данных, полученных из канцелярии московского градоначальника, городской полиции и уездных приставов. Необходимо учитывать, что данные текущего учета завышали численность населения Москвы в сравнении с переписями, а в части конфессионального состава не вполне точно отражали долю католиков, старообрядцев, протестантов и мусульман. Помимо общей численности населения и конфессионального состава, Ведомости содержат данные о числе жителей по сословиям и другие сведения, однако в них отсутствует или не сохранилась информация о родном языке или национальности.

В дополнение к текущей статистике привлечено периодическое издание «Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны», где публиковались сведения об этническом составе беженцев, прибывавших в Москву во время войны. Сравнение данных о беженцах с общегородскими данными текущей статистики и переписей позволило уточнить долю некоторых этнических групп Москвы, в том числе тех, которые существенно пополнились в военное время. При этом необходимо учитывать, что Татьянинский комитет учитывал только официально зарегистрированных беженцев, которым оказывалась материальная помощь, поэтому существенная часть вынужденных мигрантов оставалась вне его статистики. Комитет был создан после начала войны и публиковал в «Известиях» наиболее актуальные статистические данные о численности, регионах выхода, а также этническом и возрастно-половом составе беженцев, расселившихся в тех или иных губерниях России. Последние численные данные Известий о беженцах датируются 1 февраля 1917 года и, хотя после падения самодержавия Татьянинский комитет продолжал работу под другим названием, последующие его номера уже не содержали статистической информации.

Для решения задач исследования было необходимо извлечь из источников информацию об этническом составе населения и регионах

выхода мигрантов, что определило выбранные методы. Особо важны для исследования такие категории как «родной язык» и «национальность», определения которым даны в инструкциях для переписей населения конца XIX и первых десятилетий XX века. Содержательный анализ позволил выявить особенности их трактовки при разработке переписного материала, чтобы объяснить различия относительных показателей в результатах разных переписей.

Также был осуществлен источниковедческий анализ домовых книг Москвы как особого типа документа регистрации населения в первые годы советской власти. Определены особенности формирования структуры и содержания домовых книг при практическом применении общероссийских норм на местном уровне до и после 1917 года. Метод контент-анализа позволил установить наиболее употребительные понятия, характеризующие социальный, этнический, конфессиональный статус жильцов. На основе такого массового источника информации как домовые книги была сформирована база данных жильцов 21 дома, которые локализуются на территории пяти милицейских участков Москвы в период с 1918 по 1921 гг. Таким образом, материалы были сгруппированы, систематизированы и подготовлены для дальнейшего статистического анализа.

Опираясь на общую методологию исследования ономастического материала, произведена его языковая атрибуция в соответствии с антропонимическими системами, присущими наиболее многочисленным этническим группам Москвы в конце XIX — первой четверти XX вв. Это позволило оценить этнический состав жильцов на основе анализа антропонимов в совокупности с вероисповеданием, регионом выхода, родственными связями, социальным положением.

В рамках сравнительно-исторического метода воспроизведена история формирования этнических меньшинств на территории Москвы до конца XIX в. Выявлены разные направления их расселения в пределах города, выделены первоначальные и последующие места их концентрации.

Переписи населения и домовые книги явились основой для сбора данных, проанализированных с использованием статистических методов. Так, рассчитан индекс локализации, характеризующий относительное преобладание этнической группы в определенном районе Москвы в сравнении с ее удельным весом в городе в целом. На основе данных о локализации рассчитано стандартное отклонение, являю-

щееся статистическим показателем, позволившим оценить, насколько скученно или равномерно этническая группа расселена по территории города. С помощью статистических методов удалось проследить изменения локализации этнических групп на территории Москвы в период с 1897 по 1912 год, описать динамику их соотношения в 1918–1921 годах с учетом регионов происхождения, выявить тенденции в размещении этнических меньшинств на территории города в начале 1920-х годов.

В основу анализа динамики расселения этнических меньшинств на территории Москвы положено сопоставление картосхем за разные периоды, составленных на основе планов города 1897, 1913 и 1925 годов, воспроизводящих его административно-территориальную структуру. В них отражены пояса Москвы, городские части, полицейские участки, отделения милиции, а также границы пяти районов, обследованных по домовым книгам 1918–1921 годов. В Приложение вынесено 38 картосхем, на которых с помощью цветного фона выделены части, участки и районы Москвы, что позволяет наглядно представить степень локализации каждого из обследованных этнических меньшинств в 1897, 1912 и 1923 гг.

На некоторые особенности построения данной работы оказали влияние поставленные задачи и характер источников. Это определило анализ переписей населения, а также домовых книг первой четверти XX в. как нового массового источника о населении Москвы, вводимого в научный оборот. Поэтому объем источниковедческой части работы занял две первые главы, первая из которых посвящена анализу сведений об этнической принадлежности жителей Москвы в переписях конца XIX – первой четверти XX вв., а также содержанию домовых книг. Во второй главе домовые книги проанализированы в качестве антропонимического источника, на основе чего получены оценочные сведения об этническом составе жильцов. Работа, сделанная в двух первых главах, позволила перейти к анализу динамики численности и расселения этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв., который произведен в третьей и четвертой главах.

Выбранные хронологические рамки работы охватывают период конца XIX – первой четверти XX вв., в который произошла резкая трансформация этнического состава населения Москвы, формировавшегося в предыдущие столетия. Указанный период включал: быстрый рост населения Москвы начала XX в., приток в нее беженцев во время

Первой мировой войны, продовольственный кризис и отток населения из города во время Гражданской войны, переход к мирной жизни и восстановление численности столичного населения. Для этого начальной датой выбран 1897 г., когда Первая Всеобщая перепись Российской империи отразила демографические характеристики населения Москвы еще относительно спокойного периода на рубеже XIX–XX вв., а конечной — 1926 г., когда после череды бурных событий была проведена Всесоюзная перепись, а миграции вновь приобрели черты, характерные для мирного времени.

ГЛАВА 1

Источники сведений об этническом составе населения Москвы в конце XIX — первой четверти XX вв.

Общероссийские и городские переписи населения Москвы как основа для определения этнического состава жителей города

Привлечение переписей населения Москвы позволяет получить ценную статистическую информацию об этнической структуре ее жителей, в том числе по дробным административно-территориальным единицам города. Сведения из переписей, совместно с данными домовых книг используются в работе для получения данных о динамике расселения этнических меньшинств в конце XIX — первой четверти XX вв. Всего с 1897 по 1926 гг. население Москвы учитывалось переписями восемь раз: в рамках всеобщих переписей 28 января 1897 г., 28 августа 1920 г. и 17 декабря 1926 г.; при проведении городских переписей по всей стране 17 сентября 1917 г. и 15 марта 1923 г.; во время местных переписей Москвы 31 января 1902 г., 6 марта 1912 г. и 21 апреля 1918 г. Переписи периода 1897–1926 гг. исследованы с разной степенью подробности, что обусловлено значимостью их результатов и наличием источников.

Перепись населения представляет собой единовременный срез и является наиболее полным и точным источником сведений о социальном, демографическом, языковом, этническом составе определенного региона. С 1718 по 1859 гг. население России учитывалось с помощью ревизий, которые определяли численность только податных сословий, а также имели существенный недостаток — растянутость во времени. Социально-экономические перемены во второй половине XIX в. привели власти к осознанию необходимости полного учета населения, приуроченного к определенному критическому дню. Ревизии уже не удовлетворяли новым потребностям государства, поэтому в России все острее ощущалась потребность во всеобщей переписи населения. Первоначально такая ситуация способствовала проведению большого числа местных переписей в городах. Однако со времен последней ревизии 1859 г., источником сведений о населе-

нии во всероссийском масштабе еще почти 40 лет оставались данные текущего административно-полицейского учета, не отражавшие его реальную численность⁶⁰.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи состоялась в 1897 году. Ее организаторы руководствовались западноевропейскими образцами проведения переписей, а также имели собственный опыт местного значения. Отсутствие опыта в масштабах всей империи стало причиной недостатков, проявившихся в ходе Первой всеобщей переписи и получивших освещение в исследованиях дореволюционных, советских и современных авторов. Их работы показали, что научная ценность переписи во многом определяется качеством ее проведения и последующей разработки.

Дореволюционные историки подробно исследовали перепись населения 1897 г. Общим местом их критики стало недоверие со стороны ее организаторов к общественным и научным силам, приведшим к бюрократизации комиссий, непосредственно управлявших процессом в центре и на местах. Авторы также отмечали завышенное количество вопросов в переписи, некоторые из которых были сформулированы неудачно, что порождало их произвольное толкование на местах⁶¹. Например, особенности определения родного языка способствовали тому, что «лица, принадлежащие к одним и тем же национальностям, отмечали своим родным языком совершенно различные языки»⁶². Кроме того, имели место неясные вопросы о профессиональном и социальном составе, что привело к неточностям в результатах, недостаткам в методах разработки и путанице с профессиями⁶³.

⁶⁰ Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М.: изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. С. 185—186; Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. С. 44—45.

⁶¹ См., например: Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898. 378 с.; Котельников А.Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб., 1909. 124 с.; Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года: Критико-статистический этюд. СПб., 1909. 110 с.

⁶² Котельников А.Н. История производства и разработки ... 1909. С. 33.

⁶³ Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения ... 1909. С. 1—19.

Советские исследователи 1930–1950-х годов вслед за дореволюционными историками указывали на обилие непрофессионалов, руководивших переписью, плохое взаимодействие центральных и местных органов статистики, неподготовленность населения и сокрытие информации в ряде случаев, неточность формулировок переписного листа, путаницу с учетом наличного, постоянного и юридического (приписного) населения, а также недостатки в методологии. Тем не менее, большинство исследователей отмечали, что перепись 1897 г. является единственным достоверным источником о населении России на рубеже веков⁶⁴. Известный советский статистик А.И. Гозулов, касаясь данных о распределении населения по родному языку, указал, что они были призваны отразить национальный состав, однако «понятие родного языка, которое введено было в производстве переписи 1897 г., для целого ряда национальностей, как увидим ниже, не воспроизводило этот признак»⁶⁵. Другие исследователи обращали внимание, что в программу переписи не был включен вопрос о национальности, отмечая, что «определение национального состава населения России на основании ответов о родном языке давало извращенную картину, особенно в отношении сравнительно небольших народностей, в частности кавказских»⁶⁶. Н.Я. Воробьев выражал мнение, что перепись не дает возможность правильно распределить население по социальному составу⁶⁷.

В 1970–80-х авторы использовали материалы переписи 1897 г. для исследований по определенной тематике. Б.В. Тихонов, изучая миграции населения России по материалам переписи 1897 г., обнаружил ошибки в таблицах о неместных уроженцах из губернских томов. Н.В. Юхнева, анализируя этнографию Петербурга, пришла к заключению, что во всеобщей переписи 1897 г. языковая принадлежность в ряде случаев оказалась ближе к этнической, чем в городских переписях Петербурга 1890 и 1900 годов⁶⁸.

⁶⁴ См., например: Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М.: изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 588 с.; Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения: (Их история и организация). М.-Л.: Соцэкгиз, 1940. 160 с.; Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Госстатиздат, 1957. 107 с.

⁶⁵ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. С. 197.

⁶⁶ Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения ... 1940. С. 99.

⁶⁷ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 7–10.

⁶⁸ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 10.

Авторы 1990-х исследовали отдельные проблемные вопросы переписи 1897 г. К.Б. Литвак признавал достаточной степень достоверности ее первичных материалов, однако подверг критике методику их обработки и некоторые полученные результаты, например в типологии хозяйств и занятий населения⁶⁹. Е.А. Семенова сделала вывод, что определение этнического состава по языковой принадлежности искажает реальную картину. Однако, она обратила внимание, что в результатах переписи данные о языке представлены в комплексе с вероисповеданием, занятием, сословием, территориальной принадлежностью, что позволяет уточнять численность некоторых этнических групп⁷⁰. По мнению О.Е. Казьминой, в переписи 1897 г. отличаются подробностью данные по вероисповеданию, автор проанализировала их корреляцию с этнической принадлежностью на основании родного языка⁷¹.

Современные авторы вновь обращают внимание на перепись 1897 г. На ее материалах по Курской губернии Н.Д. Борщик пришла к выводу, что разработка переписи обстояла хуже, чем ее проведение. Однако автор не согласилась со скептическим подходом к переписи в работе А.Н. Котельникова начала XX в., полагая, что тот не имел представления о трудностях производства переписи, с которыми можно столкнуться на местах⁷². Другие исследователи указывают на слабую продуманность формулировок некоторых вопросов, а также недоразумения и волнения в ходе переписи в среде неграмотных крестьян, старообрядцев, униатов западных губерний, мусульман Поволжья и Урала⁷³. В.В. Акунович обратил внимание на сложности, которые могут возникнуть при определении белорусов на основе родного языка в переписи 1897 г. в связи с затрудненностью их этнической самоидентификации.

⁶⁹ Литвак К.Б. Перепись 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. № 1. 1990. С. 115, 119–120.

⁷⁰ Семенова Е.А. Этническая информация в материалах переписей населения (источниковедческий аспект) // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М., 1994. С. 78–90.

⁷¹ Казмина О.Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // Этнографическое обозрение. № 5. 1997. С. 156–161.

⁷² Борщик Н.Д. История Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: На примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Курск, 2003. С. 5, 18–19, 23.

⁷³ Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в. ... С. 61–66, 72–93, 259.

Например, многие крестьяне Витебской губернии определяли себя как «тутэйшы», то есть люди, проживающие в данной местности⁷⁴.

В начале XX в. население Москвы было учтено в двух местных переписях 1902 г. и 1912 г., которые исследовал А.И. Гозулов. К сожалению, в опубликованных результатах переписи 1902 г. отсутствует информация о характере ее производства и программе, что усложняет работу с отдельными характеристиками населения⁷⁵. Однако, в сравнении с предыдущей местной переписью 1882 г., в 1902 г. вопросы о демографических показателях и о родном языке, не подверглись особым изменениям. Из-за начала войны разработка переписи 1912 г. не была завершена, а наиболее подробные данные опубликованы в сокращенном виде в 1913 и 1915 годах⁷⁶.

После 1897 г. учет населения во всероссийском масштабе был осуществлен только в ходе Первой мировой войны. В 1916 и 1917 гг. одна за другой были проведены сельскохозяйственные переписи в целях повышения эффективности продовольственного снабжения и для подготовки будущей аграрной реформы. В 1917 г., наряду с сельскохозяйственной и поземельной переписью, прошла Всероссийская городская перепись, во время которой было учтено население Москвы. Городскую перепись 1917 г. исследовали советские авторы. В переписи отсутствовали такие наиболее важные вопросы как вероисповедание, родной язык, национальность. Она проводилась поспешно, не во всех городах и без привязки к определенным срокам, в связи с чем может использоваться лишь как локальный исторический источник⁷⁷. Некоторые авторы считали, что перепись 1917 г. точнее учитывала городское и сельское население, чем предыдущие. В условиях мировой войны перепись учитывала нетипичные для мирного времени категории населения: призванных в армию, военнопленных, беженцев. Однако, в силу различных обстоятельств, она не охватила всей территории России и материалы о ее результатах имеются только по 32 губерниям

⁷⁴ Акуневич В.В. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. как источник для изучения этно-конфессиональных процессов (на примере Витебской губернии) // На пути к гражданскому обществу. 2018. № 3 (31). С. 73–74.

⁷⁵ Гозулов А.И. Местные переписи населения до революции (1861–1917) // Ученые записки РФЭИ. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1941. С. 282–288.

⁷⁶ Гозулов А.И. Местные переписи населения ... 1941. С. 289–290.

⁷⁷ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. С. 214–216.

из 85. Процесс производства переписи растянулся на длительный срок, что могло исказить численность наличного населения⁷⁸.

В 1918 г. состоялась Всероссийская промышленная и профессиональная перепись, наряду с которой были проведены местные переписи населения в отдельных городах, в том числе и в Москве. Среди исследований советских авторов, в основном изучавших промышленную и профессиональную составляющие переписи 1918 г., выделяется статья Б.И. Карпенко, подробно описавшего перепись населения Петрограда, которое стремительно сокращалось, поэтому выяснения его точной численности являлось острой необходимостью для решения задач по продовольственному снабжению города. Из недостатков переписи автор отметил некоторые части программы, которые слишком громоздки, а также сложные комбинации многих признаков в табличных результатах⁷⁹.

В 1920 г. на территории РСФСР была проведена всеобщая перепись⁸⁰, в рамках которой было учтено и население Москвы. Советские историки 1930–1970-х годов отмечали, что перепись 1920 г. проходила в сложных условиях, а ее разработка была существенно сокращена в сравнении с исходным вариантом. Первоначальная программа переписи 1920 г. была обширнее и глубже, чем у переписи 1897 г., но проект разработки не состоялся из-за крайней сложности ее программы и излишней детализации. Перепись отличалась неполным охватом населения в условиях Гражданской войны, специфическим содержанием программы и узкими интересами, отражавшими время, в которое проводилась⁸¹. В итоге она затянулась и не была закончена, однако сыграла существенную роль для подготовки к мирному развитию страны⁸². Видное место в переписи 1920 г. занимали вопросы о занятости, а также учет наличного населения⁸³.

⁷⁸ Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. №6. 1961. С. 99, 110, 112–113, 115.

⁷⁹ Карпенко Б.И. Перепись населения г. Петрограда 2 июня 1918 года // Вопросы статистики. №6. 1998. С. 84–93.

⁸⁰ Ее точное название: Всеобщая перепись 1920 г. Демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная с учетом промышленных предприятий.

⁸¹ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. 231–242.

⁸² Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения ... 1940. С. 106–112.

⁸³ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 11–16.

Для разработки ее материалов внедрялись новые подходы, получившие развитие уже в последующие годы⁸⁴.

Современные ученые обращаются к особенностям переписи 1920 г. в контексте региональных проблем. Исследование Орловской губернии по данным переписи показало, что, несмотря на трудности проведения, она дала удовлетворительные сведения о сложных социальных и демографических процессах⁸⁵. Анализируя первичные материалы переписи 1920 г. по Уфимской губернии, М.И. Роднов пришел к выводу о высокой достоверности содержащихся в ней данных об этнической принадлежности⁸⁶.

В 1923 г. состоялась Всесоюзная городская перепись, специфика которой состояла в изучении городского населения, более всего подвергшегося влиянию НЭПа. Переписи подлежали городские поселения вместе с пригородами, не входившими в городскую черту, но связанными с ней экономически. Перепись довольно точно воспроизвела численный состав наличного городского населения и выявила всплеск рождаемости. Одной из ее особенностей явилась формулировка вопроса о главном занятии, которая могла привести к его субъективному толкованию⁸⁷. В 1923 г. во многом был воспроизведен опыт переписи 1920 г.⁸⁸. Э.С. Халимова, исследуя городское население Сибири по материалам переписи 1923 г., обратила внимание на сокращение ее программы, а также поспешность проведения, сказавшегося на качестве материалов⁸⁹.

Уже через три года после городской переписи была проведена Всесоюзная перепись населения 1926 г. Советские исследователи 1930–1950-х годов, отмечали ее качественную подготовку в цен-

⁸⁴ Павлов Г.А. Советские переписи населения (1920–1959) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.). Вып. 2. 1972. С. 12, 15.

⁸⁵ Левин Ю.А. Демографическая перепись 1920 года в Орловской губернии: особенности организации и проведения // Стратегия статистического и демографического развития: роль науки и образования. Материалы статей международной заочной научно-практической конференции. Орел, 2014. С. 30–31.

⁸⁶ Роднов М.И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2014. С. 9–16, 22.

⁸⁷ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. С. 243–247.

⁸⁸ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 16–17.

⁸⁹ Халимова Э.С. Социальная типология городского населения Сибири по материалам демографической переписи населения 1923 года // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Вып. 1. 1991. С. 189–192.

тре и на местах, а также продуманную программу, считая ее лучшей в нашей стране. Программа переписи выгодно отличалась от предыдущих целостностью и целеустремленностью, а разработка велась по схеме: этническая составляющая — отношение к труду — семейное состояние — миграции⁹⁰. На стадии ее подготовки споры вызвал вопрос о народности и национальности, первая понималась как принадлежность к определенной этнической группе, вторая отражала гражданство одной из республик, сформировавшихся в ходе самоопределения молодых наций Советского Союза. В итоге было решено использовать в переписи термин народность и определить этнографический (племенной) состав населения, основанный на самоопределении опрашиваемых. Для полученных сведений о народности организаторами были прописаны четкие инструкции, не допускавшие исправлений и искажений результатов в процессе их разработки⁹¹.

После некоторого перерыва интерес к переписи 1926 г. повысился у советских ученых в конце 1980-х гг. В частности, по материалам переписи, касавшихся принципов ее организации, структуры аппарата, формуляров переписных листов, изучались жилищные условия рабочих⁹². Касаясь дискуссии о народности-национальности, В.Б. Жиромская отметила, что Центральным статистическим управлением СССР был выбран вариант, предполагавший наиболее полный учет этнического состава, в противовес национальному, основанному на узком перечне титульных наций соответствующих регионов Советского Союза. Из недостатков переписи автор выделила переучет населения на 1%, произошедший из-за разницы в сроках ее проведения на селе и в городе⁹³.

В постсоветский период интерес к переписи 1926 г. не спадает. Современные ученые обращаются к традиционным вопросам о подготовке, проведении и разработке переписи, а также формулируют

⁹⁰ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. С. 261–263, 265–270.

⁹¹ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 27–30, 38, 54–55.

⁹² Евсеева Е.Н. Жилищные условия рабочих (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Социальная политика советского государства и рабочий класс. Вопросы методологии, историографии, источниковедения: Сборник трудов. М., 1988. С. 102–113.

⁹³ Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР. №3. 1990. С. 84, 86–87, 93–94.

новый круг вопросов для ее исследования. В целом перепись отобразила рост численности городского населения⁹⁴. В процессе ее проведения осуществлен подробный учет национальностей, дополнительно уточнявшихся с помощью эндо- и экзоэтнонимов. Поэтому не удивительно, что этнический состав на основе народности в переписи 1926 г. был выявлен точнее, чем по родному языку в переписи 1897 г. В переписи устранено слишком размытое понятие «инородец», а русская этническая группа четко отграничена от украинской и белорусской⁹⁵. Определение народности в переписи 1926 г. подробно прописывала инструкция, исключая различные варианты его толкования, так как по практике прошлых лет народность часто смешивалась с религией или родным языком⁹⁶. Однако, в результатах переписи 1926 г. весь перечень народностей увязан только с родным языком и общей грамотностью, тогда как в комплексе с другими признаками фигурируют лишь наиболее многочисленные, главные народности региона⁹⁷. В отличие от остальных исследователей этой переписи, И.В. Скрипина обратила внимание на некоторые переписные формы, которые были недостаточно точны, что приводило к внесению сведений о населении в произвольной форме⁹⁸.

На проблему этнической идентичности в отечественных переписях населения обратил внимание С.В. Соколовский. Именно в первых советских переписях 1920-х годов произошел переход от языкового и конфессионального подхода к принципу национального самоопределения. Тогда же сложилась ныне действующая двухступенчатая процедура учета национального состава, предполагающая

⁹⁴ Салеева Л.В. Из истории проведения первой Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. // Шестые Гродековские чтения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Т. 2. Хабаровск, 2009. С. 81.

⁹⁵ Семенова Е.А. Этническая информация в материалах переписей населения ... 1994. С. 81–85.

⁹⁶ Дерябин А.В. Некоторые аспекты проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года // Телескоп: Научный альманах. Вып. 3. Самара, 2003. С. 25–30.

⁹⁷ Плоских В.В. Источниковедческий анализ всеобщей переписи населения 1926 г. // Вопросы Истории Кыргызстана. № 2-3. 2012. С. 256–257.

⁹⁸ Скрипина И.В. Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. как источник о численности и социальном составе населения (на материалах Тобольского округа Уральской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 7. Ч. 2. 2015. С. 79–83.

определение всего многообразия национальностей на первом этапе и его упрощение на втором до заранее заданного перечня. Автор отметил, что такое искусственное сокращение этнических категорий приводит к искажению реальности и создает почву для возникновения сомнений в научной и практической ценности получаемых данных⁹⁹.

Итак, обзор историографии восьми переписей показал, что наиболее изученными из них являются переписи 1897 и 1926 гг. Так как в России до 1897 г. не было опыта проведения всеобщей переписи, то неудивительно, что первая попытка привлекла пристальное внимание ученых и породила множество критических отзывов. Выявлять ошибки в переписи 1897 г. начали еще ее современники до революции. По мнению большинства исследователей, основные недостатки переписи 1897 г. проистекали из методологии, что особенно проявилось при разработке ее материалов и в перекосах некоторых результатов. К сожалению, несмотря на стремление ее организаторов приблизить понятие родного языка к национальности, им не удалось выявить в полной мере этнический состав населения. В то же время, большинство исследователей считают, что в сравнении с другими источниками, результаты переписи 1897 г. наиболее адекватно отражают состав населения России конца XIX — начала XX вв.

В отличие от Первой всеобщей переписи Российской империи, советская перепись 1926 г. имеет минимум недостатков и удостоена самых высоких оценок. Следует учесть, что ее организаторами являлись статистики еще дореволюционной школы, опиравшиеся на опыт предыдущих переписей населения всероссийского масштаба. По мнению большинства исследователей, основные достоинства переписи 1926 г. заключались в ее качественной методологии. Перепись отличалась продуманностью всех этапов, начиная с проработки ее программы и заканчивая разработкой и публикацией результатов. Многие авторы отмечают, что в переписи наиболее полно и точно определен этниче-

⁹⁹ Соколовский С.В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // Доклад на международном семинаре «Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России в XX веке» Института этнологии и антропологии РАН и Центра демографии и экологии человека, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, 27–28.02.2002 (место депонирования http://old.ica.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm, дата обращения: 02.09.22 г.).

ский состав нашей страны. Интерес к ее изучению не спадает и у современных историков.

Менее изучены переписи 1917, 1920 и 1923 годов. В 1917 г. совместно с сельскохозяйственной проведена перепись, призванная учесть и городское население России. Она имела ограниченную программу, ориентированную на сбор данных о потребляющем населении. Условия военного времени не позволили организаторам переписи охватить всю территорию России, а затянувшиеся сроки проведения могли исказить ее результаты. Вследствие этого, советские авторы указывали, что перепись населения 1917 г. является скорее локальным источником.

Изучая Всероссийскую перепись населения 1920 г. исследователи отмечали, что ее программа оказалась слишком обширной и трудоемкой в сравнении с возможностями, имевшимися у статистиков в сложных условиях Гражданской войны. Указанные факторы стали причиной неполного охвата территории и существенного сокращения программы разработки переписи. Тем не менее, в 1920 г. были применены новые подходы, получившие свое развитие в последующих советских переписях.

Особенностью Всесоюзной городской переписи 1923 г. историки называли изучение влияния НЭПа на городское население. Перепись довольно точно определила численность городского населения и выявила рост рождаемости. Основным в переписи являлся вопрос о занятиях, однако авторы отметили, что сама его постановка могла исказить полученные результаты.

Наименее исследованы местные переписи населения Москвы 1902, 1912 и 1918 гг. В 1902 г. перепись состоялась на высоком уровне, в ней использовался предыдущий опыт местного значения, а результаты были разработаны и изданы в течение шести лет. К сожалению, в них отсутствуют сведения о программе переписи, хотя имеются сведения, что вопросы о демографических характеристиках не подверглись существенному изменению по сравнению с местной переписью 1882 г. касаясь переписи 1912 г., исследователи отмечают, что ее разработка не была завершена из-за начала войны, а особенности остаются слабо изученными. Недостаточно изучена и перепись населения Москвы 1918 г., когда городское население стремительно сокращалось. Некоторое представление о ней дает исследование переписи Петрограда 1918 г., проведение которой было вызвано необходимостью решения продовольственных проблем.

Языковой, конфессиональный и этнический состав населения Москвы в общероссийских и местных переписях

Для анализа сведений о населении Москвы, содержащихся в переписях, необходимо представлять динамику его численности, которая в конце XIX — первой четверти XX вв. колебалась. До начала 1917 г. число жителей города постоянно возрастало, что требовало увеличения его территории, которая в период с 1897 по 1926 гг. увеличивалась два раза: 6 мая 1906 г. и 23 мая 1917 года¹⁰⁰. В 1906 г. площадь Москвы вместе с пригородами была расширена на 29%, что ненадолго снизило плотность ее населения, которая, однако, продолжала расти и к началу 1917 г. достигла максимума за исследуемый период (табл. 1). В начале XX в. население Москвы росло в основном за счет притока мигрантов, число которых еще более возросло в связи с прибытием беженцев после начала Первой мировой войны¹⁰¹. Бурный рост населения второй столицы способствовал последующему расширению ее территории, которая в 1917 г. увеличилась еще на 32%, достигнув 233 кв. км.

В дальнейшем, до 1926 г. площадь Москвы менялась незначительно, так как после февральской революции 1917 г. происходил отток жителей из города и снижение плотности его населения. К 1920 г. половина жителей покинула Москву, а плотность населения упала в 2,6 раза по сравнению с началом 1917 г. Восстановление численности населения Москвы последовало после окончания Гражданской войны и введения НЭПа. В 1923 г. в городе уже был зарегистрирован значительный прирост численности населения, которая в последующем продолжала увеличиваться, а в 1926 г. превысила 2 млн. человек. Однако, несмотря на то, что в 1926 г. численность населения сравнилась с показателями 1917 г., ее плотность все еще оставалась на уровне 1902 года (табл. 1).

Для исследования этнической структуры населения Москвы из переписей 1897, 1902 и 1912 гг. использованы сведения о родном языке и вероисповедании, а из ранних советских переписей 1920, 1923 и 1926 гг. — о национальности и народности. Остальные переписи и исчисления исследуемого периода не содержат сведений об этническом составе населения и используются в качестве вспомогательных источников.

¹⁰⁰ Исчисление населения г. Москвы в феврале 1907 года. Вып. 1. М., 1907. С. 2; Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате за 1917 г. Отдел 1-й. №141. 20 июня 1917 г. Ст. 754. С. 1221.

¹⁰¹ Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911—1913. М., 1916. С. 105.

Чтобы оценить, насколько языковая принадлежность соответствовала этнической, стоит обратиться к значениям понятия «родной язык» в переписях 1897, 1902. и 1912 гг. В правилах для проведения всеобщей переписи 1897 г. о родном языке сказано: «Отмечается название того языка, который каждый сам считает для себя родным»¹⁰². Согласно данному определению родной язык не равен этнической принадлежности, тем

Таблица 1. Динамика численности населения Москвы в сравнении с ростом ее территории в 1897–1926 гг., по разным источникам

Даты переписей и исчислений	Число жителей Москвы с пригородами*, чел.	Площадь Москвы с пригородами, кв. км.	Плотность населения Москвы, чел./кв. км.
1897 г.	1 038 591	137**	7 581
1902 г.	1 174 673	137	8 574
1907 г. исчисл.	1 345 749	177	7 603
1912 г.	1 617 700	177	9 140
1915 г. исчисл.	1 983 716	177	11 207
II/1917 г. исчисл.	2 017 173	177	11 400
IX/1917 г.	1 854 426	233	7 959
1918 г.	1 716 022	233	7 365
1920 г.	1 027 336	233	4 409
1923 г.	1 542 874	233	6 622
1926 г.	2 025 947	233	8 657

* Для переписей и исчислений 1897, 1902, 1907, 1912, 1915 и II/1917 гг. Так как пригороды были тесно связаны с Москвой, то приводится объединенная статистика. Начиная с 23 мая 1917 г. все пригороды включены в муниципальную черту и более не выделялись в переписях как отдельная категория.

** В переписи 1897 г. площадь пригородов Москвы не определена. Но численность населения пригородов в 1897 г. (60 054 чел.) и 1902 г. (82 313 чел.) вполне сопоставима с учетом роста его численности за пять лет. Значит и общая площадь Москвы с пригородами в 1897 г. и 1902 г. была схожей.

Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 1. СПб., 1901. С. 1; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 1. М., 1904. С. 55; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 8, 9, 104; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 1, 9, 12; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 1. 1906–1907. М., 1908. С. 4, 27; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 3. 1909–1910. М., 1913. С. 4; Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии 1927 г. М., 1928. С.1.

¹⁰² Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898. С. 343.

не менее организаторы переписи поясняли: «Так как однако графа о родном языке при производстве переписи имела главной целью выяснить именно национальность населения, то во многих случаях при разработке переписного материала было признано целесообразным подвергнуть показания означенной графы соответствующим поправкам, пользуясь при этом другими указаниями и признаками, имевшимися в тех же переписных листах»¹⁰³. Иными словами, во время разработки переписи 1897 г. ее материалы, касающиеся родного языка, подверглись корректировке с привлечением косвенных данных для того, чтобы приблизить результаты к реальному этническому составу.

К сожалению, в местных переписях 1902 и 1912 гг. понятие «родной язык» не раскрыто, так как в изданных результатах не содержится описание порядка ее производства и организации работ¹⁰⁴. Однако известно, что в переписи Москвы 1902 г. вопрос о родном языке не имел принципиальных отличий от переписи 1882 г., где он формулировался так: «Следует обозначить язык, который каждый сам считает родным»¹⁰⁵. В то же время опыт петербургской переписи населения 1869 г., где применялось схожее определение, показал, что понятие родной язык понималось как «язык детства», а не как разговорный и наиболее употребительный в семье¹⁰⁶. При таком подходе языковой состав неточно учитывал этническую принадлежность детей в тех семьях, где шли процессы ассимиляции, так как родным языком детей уже являлся русский, а языком родителей — другой язык, на котором они говорили в своем детстве. Из такого определения родного языка следует, что языковая принадлежность не полностью соответствовала этнической.

Таким образом, в понятие «родной язык», содержащееся в дореволюционных переписях, их организаторы вкладывали разные смыслы, что могло привести к некоторым отличиям в языковом составе населения Москвы в разные годы. Оценить эффект от такой разницы в подходах позволяет сравнение языкового состава населения Москвы по переписям 1897, 1902 и 1912 гг. Динамика языкового состава Москвы

¹⁰³ Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб., 1905. С. I.

¹⁰⁴ Гозулов А.И. Местные переписи населения ... 1941. С. 275.

¹⁰⁵ Источники: Массальский В.И. Однодневные переписи г. Москвы // Народное хозяйство. Книга VII. 1902. С. 84, 94; Перепись Москвы 1882 года. Вып. 1. М., 1885. С. 11–12.

¹⁰⁶ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 9.

в 1897–1912 гг. позволяет установить, что для большинства языковых групп наблюдается постепенное повышение или понижение относительных значений, без значительных колебаний (табл. 2). На общем фоне выделяются только носители белорусского и украинского языков, доля которых во всеобщей переписи 1897 г. в несколько раз выше, чем по результатам местных переписей Москвы 1902 и 1912 гг. Причиной такого расхождения могло быть уже упомянутое стремление организаторов переписи 1897 г. приблизить значение родного языка к этничности. Однако эти корректировки не оказали заметного влияния на сближение остальных языковых групп с этническим составом, что также наглядно демонстрирует существенная разница в численности евреев по языку (5 070 чел.) и по вероисповеданию (7 979 чел.) в переписи 1897 года¹⁰⁷.

Таблица 2. Языковой состав населения Москвы в 1897–1912 гг., по переписям, %

Родной язык	1897 г.	1902 г.	1912 г.
Русский*	95,04	95,29	95,19
Немецкий**	1,71	1,55	1,32
Польский	0,89	0,94	1,06
Еврейский	0,49	0,42	0,41
Украинский	0,43	0,14	0,18
Татарский***	0,41	0,47	0,60
Армянский	0,15	0,15	0,20
Белорусский	0,10	0,01	-
Латышский	0,07	0,08	0,17
Литовский****	0,04	0,05	0,08
Эстонский	0,03	0,05	0,09
Прочие	0,64	0,85	0,70

* Для 1912 г. русский с белорусским языком.

** Для 1912 г. немецкий с голландским и фламандским.

*** Для 1912 г. татарский (кумыкский, ногайский и др.).

**** Для 1902 и 1912 гг. литовский и жмудский.

Судя по переписи населения Москвы 1897 г., доля носителей основного языка преобладала: русский составлял 99,9% в своей группе, немецкий — 99,9%, литовский — 99,1%, татарский — не менее 92%¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 63, 69.

¹⁰⁸ Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 62–65.

Таким образом, в местных переписях населения Москвы 1902 и 1912 гг. понятие «родной язык» понималось как «основной язык общения», что сближало языковой состав с этническим. Стремление организаторов переписи 1897 г. еще более приблизить значение родного языка к этнической принадлежности повлияло главным образом на долю носителей белорусского и украинского языков, которая оказалась в несколько раз выше, чем в последующих местных переписях (табл. 2). Разница в учете населения по родному языку возникла в разных переписях вследствие особенностей понятия «родной язык», содержание которого было особенно значимо для его учета в тех семьях, где шли процессы ассимиляции, на стадии перехода с языка своего этноса на русский язык. В таких семьях в качестве родного языка детей назывался русский, а их родители отмечали язык своего этноса, на котором говорили в детстве. Несмотря на то, что интенсивность языковой ассимиляции зависела от конкретной этнической группы и в подсчетах между разными языковыми группами могли быть расхождения, они все же не были столь значительны, чтобы проявиться при сравнении относительных значений языкового состава (табл. 2). Значит, данные переписей 1897, 1902 и 1912 гг. по языковому составу можно считать сопоставимыми, с учетом некоторой особенности переписи 1897 г.

Чтобы привлечь результаты переписей по родному языку для определения этнического состава, необходимо представлять степень их различия, которая зависит от конкретной этнической группы. Такая работа была проведена при определении этнического состава Петербурга конца XIX – начала XX вв. на основе анализа переписей населения¹⁰⁹. Автор реконструировала и уточнила численность наиболее многочисленных этнических групп Петербурга, используя данные переписей о родном языке, вероисповедании, месте рождения, подданстве. Важным условием для привлечения данного исследования является совпадение изучаемого периода и схожесть списков преобладающих этнических групп в Петербурге и Москве.

Сравнение этнического и языкового состава Петербурга по переписям населения 1897, 1900 и 1910 гг. показало, что доля русских по языку выше реконструированной на 7–8%¹¹⁰, в то время как удельный вес

¹⁰⁹ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 223 с.

¹¹⁰ Рассчитано автором на основании: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 141; Санкт-Петербург по переписи 15 декабря

остальных этнических групп занижен. Наибольшее несоответствие выявлено у белорусов и украинцев по языку, доля которых оказалась ниже реконструированной в разы¹¹¹. Процент носителей других языков занижен в сравнении с уточненной этнической принадлежностью и составил для немцев 1–4%, поляков – 6–11%, литовцев – 8–10%, латышей – 23–24%, эстонцев – 14%¹¹².

Отдельно стоит сказать о трех этнических группах: татарах, евреях, армянах. Благодаря низкой степени ассимиляции и конфессиональной обособленности татар, родной язык довольно точно отражал их этническую принадлежность¹¹³. При определении численности евреев и армян в качестве основного признака выступило вероисповедание, как религия, исповедуемая представителями одного этноса. Почти полное совпадение этнической и конфессиональной принадлежности позволяет точнее определить численность евреев (иудеев) и армян (армяно-григориан), в отличие от родного языка, вносящего существенную погрешность из-за роста их языковой ассимиляции в конце XIX – начале XX веков¹¹⁴.

Для остальных выбранных этнических групп вероисповедание использовано при необходимости, в качестве вспомогательного этно-

1900 года. Вып. 1. СПб., 1903. С. 48; Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года: население. Ч. 1. Вып. Петроград, б. г. С. 3.

¹¹¹ В 1900 г.: белорусов – в 46 раз, украинцев – в 7 раз. В 1910 г.: белорусов – в 31 раз, украинцев – в 6 раз. Рассчитано автором на основании: Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 141.

¹¹² Рассчитано автором на основании: Юхнева Н.В. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 182, 195, 201.

¹¹³ Численность в Москве жителей с родным татарским языком только на доли процентов отличалась от численности мусульман с татарским и русским языками, что свидетельствует о почти полном совпадении языковой и этнической принадлежности. В 1897 г. численность носителей татарского языка составляла 4 228 человек, мусульман с татарским и русским языками – 4 298 чел. (в т. ч. мусульман с русским языком – 108). В 1902 г. татарский язык как родной указали 5 535 чел., мусульман с татарским и русским языками было 5 538 чел. (в т. ч. мусульман с русским языком – 85). Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 66–69; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161.

¹¹⁴ Юхнева Н.В. К методике использования петербургских переписей населения конца XIX – начала XX вв. в этнографических исследованиях // Этнография Петербурга-Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 65–68.

дифференцирующего признака. В то же время некоторые дореволюционные авторы считали, что организаторы переписи 1897 г. не смогли получить удовлетворительные сведения о соотношении православных, сектантов и униатов, даже вопреки ясной формулировке понятия, содержащегося в правилах для заполнения переписного листа: «Обозначается сокращенно. Лица русского происхождения, не считающие себя православными, отмечают тот толк или исповедание, к которому себя причисляют». По мнению В.В. Пландовского, с одной стороны в православные записывались сектанты, не доверявшие властям, с другой — униаты некоторых губерний Привисленского края против воли были записаны как православные¹¹⁵.

Так как удельный вес большинства языковых групп сопоставим с их реконструированной этнической принадлежностью, то родной язык может являться базовым ориентиром для определения этнического состава населения Москвы, с учетом существенного занижения доли белорусов и украинцев.

Другого подхода требуют ранние советские переписи 1920, 1923 и 1926 гг., содержащие сведения о национальности и народности. Эти термины точнее отражали этнический состав, чем родной язык в переписях Российской империи, так как в их основу был положен принцип самоопределения опрашиваемого. В то же время, вопрос о содержании термина «национальность» имел свою непростую предысторию в некоторых российских переписях местного уровня еще до революции¹¹⁶. В ходе переписи национальность понималась жителями не всегда как этническая принадлежность. Например, термин «национальность» в переписи Варшавы 1882 г. никак не разъясняется, между тем многие жители восприняли его не как этническую принадлежность, а как принадлежность к месту рождения¹¹⁷. Поэтому неудивительно, что в последующих переписях разъяснению термина «национальность» уделялось больше внимания.

Вопрос о национальности получил широкое распространение в советских переписях населения начиная с 1920 г. Однако сравнение

¹¹⁵ Пландовский В.В. Народная перепись. СПб., 1898. С. 343.

¹¹⁶ См. например: Перепись Баку 1913 года. Ч. 3. Вып. 1. Баку, 1916. 103 с.; Перепись населения в г. Риге и Рижском патримониальном округе от 5 декабря 1913 г. Вып. 1. Рига, 1914. 36 с.

¹¹⁷ Результаты однодневной переписи населения города Варшавы в 1882 году. Ч. 1. Варшава, 1883. С. 37.

указаний к составлению ответов на вопросы в переписях 1920 и 1923 гг. показывает, что «национальность» формулировалась с разной степенью подробности, выражая смысл термина исходя из данного исторического контекста. В наставлении к переписи 1920 г. говорится: «Под национальностью разумеется группа населения, объединенная общностью национального самосознания, так что национальность не смешивается с гражданством (подданством)»¹¹⁸. За этой формулировкой содержатся два основных посыла. Во-первых, акцент в определении национальности делается на самосознании опрашиваемого, выражением чего являлось его самоопределение. Во-вторых, организаторы переписи уточняют, что национальность и гражданство это не одно и то же. Понять, почему такая подмена была теоретически возможна, и о каком гражданстве идет речь, позволяет следующий пункт наставления: «Граждане республик, входящих в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, иностранцами не считаются и на вопрос 5 не отвечают»¹¹⁹. В свою очередь пятый вопрос в личном листке переписи касался иностранных граждан и формулировался так: «Если иностранец, какого государства гражданин (подданный)»¹²⁰.

Исходя из этого, можно утверждать, что пояснения о разнице гражданства и национальности, сделанные в инструкции для ответов, адресовались республиканским властям и переписчикам на местах, которые без таких подробностей могли понять новый термин «национальность» как принадлежность к гражданству вновь образованной республики в составе РСФСР и причислить опрашиваемых граждан своей республики к титульной нации, что могло привести к нарушению принципа самоопределения и искажению результатов. В переписи 1923 г. «Под национальностью разумеется та, к которой каждый себя относит»¹²¹. Данная формулировка однозначно подразумевает самостоятельный выбор этнической принадлежности, однако в ней отсутствуют какие-либо уточнения. Значит, организаторы посчитали, что дополнительных пояснений для правильного понимания термина «национальность» в той ситуации не требуется.

¹¹⁸ Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий. М., 1920. С. 14.

¹¹⁹ Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная ... 1920. С. 14.

¹²⁰ Гозулов А.И. Переписи населения СССР ... 1936. Приложение 3.

¹²¹ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 90.

В переписи 1926 г. национальность была заменена термином «народность», в графе о которой значилось: «Здесь отмечается к какой народности причисляет себя отвечающий. В случаях, если отвечающий затрудняется ответить на вопрос, предпочтение отдается народности матери»¹²². Как и в переписи 1923 г., гражданин сам определял свою национальность. Однако, за приведенной формулировкой следовало подробное уточнение, позволяющее получить сведения именно об этнической принадлежности: «Так как перепись имеет целью определить племенной (этнографический) состав населения, то в ответах на вопрос 4 не следует заменять народность религией, подданством — гражданством или признаком проживания на территории какой-либо республики. Ответ на вопрос о народности может и не совпадать с ответом на вопрос 5 о родном языке»¹²³.

Религия и родной язык вполне логично упомянуты как признаки, с которыми не следует путать народность. Однако, как и в переписи 1920 г. в вопросе о национальности, снова упоминается гражданство и территориальная принадлежность. Объясняется такой факт дискуссий, возникшей в процессе подготовки к переписи 1926 г. из-за двух разных подходов в определении этнической принадлежности¹²⁴, предпосылки к которой брали свое начало по меньшей мере с конца XIX в. Один из подходов предполагал использование в переписи термина «национальность», который понимался его сторонниками как принадлежность к одной из наций, выделившихся при создании СССР с образованием соответствующих республик¹²⁵.

Однако, такая постановка вопроса игнорировала принцип самоопределения для большого числа этносов и означала включение их в узкий круг советских наций, что привело бы к искажению реального этнического состава населения. Другой вариант, принятый в итоге волевым решением Центрального статистического управления

¹²² Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4. М., 1928. С. III.

¹²³ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4. М., 1928. С. III.

¹²⁴ Всесоюзный IV съезд статистиков 1926 г. Постановления съезда по вопросам переписи 1926 г. М., 1926. С. 10; Приложение №1 к Протоколу Пленума №5 от 9 февраля // Протокол №5 заседания Пленума IV Съезда статистиков 1926. М.: ЦСУ, 1926. С. 5–6.

¹²⁵ Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения ... 1957. С. 27.

(ЦСУ) СССР, предполагал наиболее полный учет всех этнических групп. Поэтому был выбран другой термин — «народность», который был нагружен смыслом, определяющим этническую принадлежность человека с помощью подробных уточнений, внесенных в противовес понятию «национальность». Именно поэтому в определении народности отмечено, что не только гражданство не может быть ее признаком, но также и проживание на территории какой-либо республики.

В итоге, если в 1920 и 1923 гг. в Москве учтено от 42 до 46 национальностей, то по переписи 1926 г. их было не менее 100 ввиду наиболее полного учета малочисленных этносов¹²⁶. Например, в 1926 г. отдельно от латышей были учтены латгальцы, составлявшие всего 0,3% от численности первых, а от общей массы татар мишари составили всего 0,04%¹²⁷. То есть более тщательный учет этнических групп в переписи 1926 г. не привел к сколько-нибудь заметному снижению доли наиболее многочисленных народностей Москвы, перечисленных в табл. 3.

Дополнительную информацию о влиянии понятий «национальность» и «народность» на этнический состав по материалам разных переписей, можно получить путем их сравнения (табл. 3). Анализ таблицы позволяет установить, что динамика удельного веса большинства этнических групп не имеет существенных перекосов, а значит, результаты переписей сопоставимы. В то же время сравнение позволяет выявить некоторые особенности результатов переписи 1920 г., связанные с завышенной долей не указавших этническую принадлежность — 7,34%, тогда как в 1926 г. этот показатель снизился до приемлемых 0,28%. Так как за тот же период удельный вес «Прочих» изменился незначительно, то можно сделать вывод, что большинство не указавших этническую принадлежность в 1920 г. приходилось на те национальности, которые составляли наибольшую долю в общей численности, то есть на русских и евреев. Это объясняет, что заниженные показатели доли русских и евреев в 1920 г. не являлись следствием изъяна переписи в методах определения этнической принадлежно-

¹²⁶ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Выпуск 2-й. Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М., 1927. С. 16; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. М.: ЦСУ ССР, 1928. С. 135—137.

¹²⁷ Рассчитано автором на основании: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. М.: ЦСУ ССР, 1928. С. 135—137

сти, а скорее были вызваны техническими вопросами, связанными с первым опытом применения термина «национальность» при учете населения Москвы.

Итак, анализ инструкций и наставлений в переписях 1920, 1923 и 1926 гг. показал, что несмотря на различия в формулировках, раскрывающих термины «национальность» и «народность», они схожи по смыслу, основаны на самоопределении опрашиваемых и не ограничивали их выбор узким набором вариантов. Особенностью переписи 1926 г. явилось значительное расширение списка учтенных этнических групп, что, однако, не оказало особого влияния на соотношение наиболее многочисленных этнических групп Москвы. Анализ динамики этнического состава в 1920, 1923 и 1926 гг. позволил установить сопоставимость результатов переписей, вместе с необходимостью учитывать влияние завышенной доли лиц, не указавших этническую принадлежность в 1920 г.

Таблица 3. Этнический состав населения Москвы в 1920–1926 гг., по переписям, %

Этнические группы	1920 г.	1923 г.	1926 г.
Русские	84,77	87,23	87,45
Евреи	2,73	5,59	6,48
Поляки	1,42	1,16	0,84
Латыши	0,91	0,63	0,50
Немцы	0,59	0,52	0,43
Литовцы	0,39	0,16	0,14
Белорусы	0,32	0,21	0,65
Украинцы	0,23	0,37	0,79
Татары	0,23	0,80	0,84
Эстонцы	0,21	0,11	0,09
Армяне	0,20	0,30	0,31
Прочие	0,66	0,82	1,20
Не указанные	7,34	2,10	0,28

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Выпуск 2-й. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. М., 1928. С. 135–137.

Таким образом, можно обобщить сведения, полученные о населении Москвы из переписей 1897–1926 гг. В конце XIX – начале XX вв.

население города стремительно росло, что вело к необходимости расширения его границ. К 1917 г. плотность населения повысилась настолько, что границы Москвы решено было расширить до пределов Окружной железной дороги, после чего ее размеры значительно увеличились. Однако вскоре начался спад численности населения, что затормозило рост территории города и во время переписи 1926 г. его площадь оставалась почти той же, что и в 1917 г.

Переписи 1897–1926 гг., в которых учтено население Москвы, содержат такие сведения об этнической принадлежности как: родной язык, вероисповедание, национальность, народность. Отличительной особенностью дореволюционных переписей, в которых фигурировало московское население, является отсутствие данных о национальности, поэтому для определения этнического состава могут применяться косвенные сведения о родном языке и вероисповедании. Анализ определений родного языка в переписях 1897, 1902 и 1912 гг. показал, что они схожи по смыслу. Однако в 1897 г. организаторы переписи постарались приблизить языковой состав населения к этническому на стадии разработки ее материалов, что привело к некоторому расхождению с аналогичными данными 1902 и 1912 гг.

Вместе с тем, сравнение соотношения наиболее многочисленных языковых групп позволяет установить, что данные об этническом составе в указанных трех переписях сопоставимы. Погрешность при определении этнического состава по родному языку и вероисповеданию имеет разные значения у каждой отдельной языковой группы, но для большинства из них не превышает 24%. Исключение составили белорусская и украинская языковые группы в переписях 1902 и 1912 гг., занижающие их реальную численность в несколько раз. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что в дореволюционных переписях языковая принадлежность в сочетании с вероисповеданием позволяют определять этнический состав населения Москвы с известными допущениями.

В советских переписях 1920, 1923 и 1926 гг. содержатся данные о национальности и народности населения Москвы. Основанные на самоопределении опрашиваемого, они точнее определяли этническую принадлежность, чем родной язык. Отличие народности от национальности выразилось в том, что перепись 1926 г. полнее учла малочисленные этнические группы, чем переписи 1920 и 1923 гг.

Однако для соотношения наиболее многочисленных народностей такая разница в подходах оказалась не принципиальной, что позволяет говорить о сопоставимости этнического состава по данным этих переписей.

Домовые книги как новый массовый источник сведений о населении Москвы

Совместно с переписями населения к исследованию привлекаются домовые книги Москвы 1918–1921 гг., вводимые в научный оборот как первичный источник массовых данных. В начале XX в. они являлись документом обязательного административного, общегражданского учета и находились при каждом домовладении. В книги заносились различные сведения о прибывших и убывших лицах всех сословий, их заполнение было обязанностью домовладельцев, арендаторов или заведующих домами. С приходом к власти большевиков в 1917 г. прежняя паспортная система была отменена, но принцип регистрации граждан в домовых книгах сохранился.

Несмотря на то, что к домовым книгам как к источнику ученые уже обращались, тем не менее комплексного исследования на его основе еще не проводилось. А.И. Гозулов анализировал перепись населения Петербурга 1864 г., в которой подсчет жителей фактически производился по домовым книгам. Однако тогда таким способом не удалось учесть всех жильцов, что послужило причиной внесения уточнений в домовые книги, а следующая перепись Петербурга 1869 г. производилась поквартирно¹²⁸. В работе Ю. В. Аргудяевой о заселении Приморья написано о домовых книгах, фактически бывших похозяйственными¹²⁹. Данный тип массового источника использовался в СССР для регистрации сельского населения с 1934 г., то есть за пределами временных рамок настоящего исследования. А.С. Сухорукова упомянула о домовых книгах как об элементе контроля и учета населения в системе доходных домовладений Петербурга. На основе большого числа архивных материалов

¹²⁸ Гозулов А.И. Местные переписи населения ... 1941. С. 257.

¹²⁹ Аргудяева Ю. В. Этнодемографическая история сельских семей Приморья: по материалам метрических и домовых книг // Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии «Этнодемография и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методы их анализа»: сб. ст. Вып. 4, ч. 1. Сыктывкар, 2007. С. 133.

автор описала содержание формуляра и особенности заполнения некоторых граф домовых книг периода 1899–1918 годов¹³⁰.

В других случаях исследователи касались домовых книг эпизодически. Д.М. Демидович указала, что в Петербурге на рубеже XIX–XX вв. домовладельцы подвергались серьезным штрафам со стороны полиции за отсутствие записей в домовых книгах, однако случаи нарушения этих правил были нередки¹³¹. Е.А. Кириллова упомянула о домовых книгах, которые вели жилтоварищества Петрограда в начале 1920-х годов, подобно тому, как это делали домоуправители до прихода к власти большевиков¹³². В исследовании Е.Д. Юхневой написано о недовольстве домовладельцев Петербурга в конце XIX в. из-за необходимости иметь и вести домовые книги, что способствовало смягчению жестких мер к нарушителям требований¹³³. Д.Н. Понуждаев отметил, что в первой половине 1920-х годов домовые книги Гомельской губернии использовались как документ регистрации граждан на основе локальных актов местной милиции вследствие отсутствия единой нормативно-правовой базы¹³⁴.

В большинстве случаев отечественная историография обращается к другим массовым первичным источникам о населении — метрическим книгам и исповедным росписям (ведомостям), использовавшимся в Российской империи с начала XVIII до начала XX веков¹³⁵. Такого рода документы церковно-приходского учета велись не только в право-

¹³⁰ Сухорукова А.С. Петербургский доходный дом как элементарное звено городской административно-полицейской системы // Петербургские исследования: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 184–185.

¹³¹ Демидович Д.М. Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение. 2014. № 9-3. С. 85.

¹³² Кириллова Е.А. Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей // Новый исторический вестник. 2013. № 3(37). С. 76.

¹³³ Юхнева Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: на материалах Петербурга конца XIX века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. СПб., 2004. С. 26–27.

¹³⁴ Понуждаев Д.Н. Деятельность органов милиции Беларуси по учету, регистрации и документированию населения в первой половине 20-х гг. XX в. // Вестник Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. № 2(48). 2016. С. 34.

¹³⁵ Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 32.

славных, но и в католических¹³⁶, лютеранских¹³⁷, мусульманских¹³⁸, иудейских¹³⁹ приходах. В записях метрических книг отражена информация о рождениях, бракосочетаниях, смертях, на определенную дату, в исповедных росписях — о численности населения прихода за год. Их материалы содержат сведения о естественном движении населения, его численном, конфессиональном, половозрастном, социальном, этнографическом составе, а также миграциях¹⁴⁰.

В то же время источникам церковного происхождения свойственна такая специфическая особенность как конфессиональная узость, влиявшая на их содержание. Хотя православные исповедные росписи фиксировали в том числе инославное население, но основной акцент в них делался на представителей своего вероисповедания¹⁴¹. Кроме того,

¹³⁶ Недзелюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 3(15). С. 129; Билотас В. Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. №9. С. 183.

¹³⁷ Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2016. С. 375.

¹³⁸ Перинов В.В. Метрические книги Верхнеудинской татарской мечети как исторический источник // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. СПб, 2009. № 117. С. 78.; Калимуллина А. Татарские мусульманские метрические книги в фондах национального архива Республики Татарстан // Восточный архив. М., 2009. № 1(19). С. 90.

¹³⁹ Вишневский В.В. Еврейские метрические книги в объединенном государственном архиве Челябинской области // Архив в социуме — социум в архиве. Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2018. С. 93.

¹⁴⁰ См., например: Дьячков В. Л., Канищев В. В., Орлова В. Д. Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII — начала XX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 50–51; Федорец А.И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 1. С. 67–68.

¹⁴¹ Александрова Т.М. Материалы церковно-приходского учета как этнографический источник // Этнография Петербурга–Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб: МАЭ РАН, 2004. С. 41–42.

исповедные росписи недоучитывали временное население, особенно в столичных городах, где его доля была высока¹⁴². Стоит также упомянуть, что начиная с 1918 г. происходило нарушение церковного учета вследствие перехода его функций к структурам светской власти¹⁴³.

В отличие от церковных документов, домовые книги регистрировали население по месту жительства и одинаково учитывали всех граждан, вне зависимости от их конфессиональной принадлежности, фиксируя даты прибытия и убытия, регион выхода, вероисповедание, социальное происхождение, пол, возраст и другие данные. Тем не менее, домовые книги еще не становились объектом отдельного научного исследования и не применялись как источник для получения массовых данных о населении. Существуют только отдельные работы, в которых преобладают упоминания о домовых книгах Петербурга, использовавшихся в конце XIX — начале XX вв.

Для анализа домовых книг в качестве исторического источника необходимо проследить историю формирования их формуляра во взаимосвязи с документами, которые регламентировали их обиход. В начале XX в. правила ведения домовых книг устанавливались Московским Градоначальником, а после Октябрьской революции 1917 г. эта функция перешла к Моссовету. Обязанность содержать особые книги при домовладениях Санкт-Петербурга и Москвы для учета прибывающих и выбывающих была предусмотрена еще в общероссийском уставе «О паспортах и беглых» 1842 года¹⁴⁴. Положения относительно домовых книг конкретизировались на местном уровне: в Москве посредством обязательных постановлений генерал-губернатора, а после 1905 г. — градоначальника. Например, в 1881 г. вскоре после реформы московской полиции, вышло постановление гене-

¹⁴² Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 24–25, 28; Тициан А. Московские приходы конца XIX — начала XX в.: соотношение между православными жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М., 2018. Т. 36. № 2. С. 325, 337–338.

¹⁴³ Смирнова С. С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX — начале XX в. Опыт компьютерного анализа метрических книг: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.09. СПб., 2002. С. 88.

¹⁴⁴ Устав «О паспортах и беглых» изд. 1842 г. // СЗРИ. Т. 14. Ч. 3. Раздел 2. Отд. 2. Ст. 319. СПб., 1842. С. 59.

рал-губернатора, регламентирующее порядок регистрации в домовых книгах лиц, прибывающих на жительство¹⁴⁵. Постановление действовало до 1917 г., периодически в него вносились незначительные изменения и уточнения¹⁴⁶.

Суть законов и постановлений о домовых книгах до революции октября 1917 г. сводилась к следующему. В Москве при домовладениях надлежало иметь особые книги для регистрации жильцов. Человек, вселявшийся в дом, был обязан сразу же обратиться к домоправителю и предъявить вид на жительство. О прибывшем вносилась запись в домовую книгу, которую затем отмечали в участковом управлении полиции, таким же образом регистрировалось убытие. Контроль по ведению книг осуществлялся в участковых управлениях, имевшихся в каждом полицейском участке города¹⁴⁷. За нарушение правил прописки в домовое книжке с домовладельцев взымались высокие штрафы, однако, судя по приказам московской полиции, в которых упоминается нарушения режима регистрации, такие случаи носили не единичный характер¹⁴⁸.

Форма домовых книг, приложенная к общегосударственному уставу «О паспортах», имела всего шесть граф и в неизменном виде сохранилась во всех его изданиях, вплоть до Октябрьской революции 1917 года¹⁴⁹. Утверждение формуляра домовых книг в Москве осуществлял Обер-полицмейстер — чиновник, непосредственно руководивший полицией¹⁵⁰. Устав о паспортах предполагал минимальный набор

¹⁴⁵ Россия. Департамент полиции. О преобразовании Московской городской полиции. 28 февраля 1881 года. М., 1881; Букуновский А.Н. Сборник обязательных постановлений и распоряжений по московской городской полиции. М., 1905. С. 213–214.

¹⁴⁶ См. например: Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1910. № 121. С. 1; 1911. № 40. С. 1; 1912. № 62. С. 1; 1913. № 72 С. 1; 1913. № 95 С. 1; 1913. № 114. С. 1; 1913. № 268. С. 1.

¹⁴⁷ Устав «О паспортах» изд. 1903 г. // СЗРИ. Т. 14. Раздел 1. Ст. 158–159. СПб., 1903. С. 19–20; Букуновский А.Н. Сборник обязательных постановлений ... 1905. С. 213–214.

¹⁴⁸ См. например: Ведомости московской городской полиции. 1882. №67. С. 1.; 1882. №76. С. 1.; 1894. №194. С. 1.; №195. 1894. С. 1.; Ведомости московского градоначальства. 1911. №3. С. 1.; 1911. №16. С. 1.

¹⁴⁹ См. например: Устав «О паспортах и беглых» изд. 1842 г. // СЗРИ. Т. 14. Ч. 3. Раздел 2. Отд. 2. Приложение к ст. 319. СПб., 1842. С. 157; Устав «О паспортах» изд. 1903 г. // СЗРИ. Т. 14. Раздел 1. Приложение к ст. 158. СПб., 1903. С. 55.

¹⁵⁰ Букуновский А.Н. Сборник обязательных постановлений ... 1905. С. 213.

сведений о жильцах, который мог быть дополнен на местах. Например, в 1903 г. московской полицией в домовые книги была внесена 11-я графа «о сроках, на которые даны виды на жительство»¹⁵¹. К 1917 году формуляр домовых книг Москвы содержал уже 12 граф.

После отмены прежней паспортной системы в 1917 г. домовые книги сохранились в качестве элемента регистрации населения Москвы. Об этом свидетельствует само наличие большого числа книг, хранящихся в московском архиве¹⁵², которые продолжали заполнять в первые годы советской власти, а также циркуляры и переписка новой власти¹⁵³. Один из первых документов, упоминавший на общероссийском уровне о домовых книгах после революции, был утвержден только 8 августа 1921 г. Советом народных Комиссаров РСФСР и назывался «Положение об управлении домами». Положение, в частности, постановляло выбирать на общем собрании жильцов заведующего домом, одной из обязанностей которого значилась «своевременная прописка и выписка граждан и учреждений и ведение домовой книги»¹⁵⁴.

В Москве после революции 1917 г. функции правового регулирования и обращения домовых книг перешли к Моссовету, который Постановлением своего президиума от 28 февраля 1923 г. подробно определил порядок их ведения¹⁵⁵. Эти новые советские правила во мно-

¹⁵¹ Керстич И.Г. Алфавитный сборник руководящих приказов и циркулярных распоряжений по московской полиции с 1881 года по 1 сентября 1907 года. Ч. 1. М., 1907. С. 268.

¹⁵² ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 1–8.

¹⁵³ Уже в начале 1918 г. приказ комиссара по гражданским делам Москвы ограничивал въезд в Москву и требовал от домовладельцев доставлять в местные участковые комиссариаты сведения о прибывших и выбывших на установленных листках для прописки. В письме из Бутырской районной управы Москвы в Петровско-Разумовский комиссариат от 12 апреля 1918 г. содержится информация о домовых книгах, необходимых для домовладельцев. О соблюдении правил прописки в Москве и внесении записей в домовые книги говорится в циркуляре Московской чрезвычайной комиссии для начальников отделов милиции Москвы от 28 сентября 1920 г. Источники: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 364. Л. 11; Оп. 4. Д. 364. Лист без пагинации; Оп. 6. Д. 548. Л. 21; Оп. 7. Д. 32. Л. 59.

¹⁵⁴ СНК РСФСР «Положение об управлении домами» от 8 августа 1921 года. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1043.htm (дата обращения: 02.09.2022 г.).

¹⁵⁵ Систематический сборник декретов, постановлений Московского Совета и распоряжений правительственной власти по жилищному вопросу. М., 1923. С. 63–67.

гом повторяли дореволюционную модель с некоторыми уточнениями. Каждый гражданин, прибывший на жительство, был обязан немедленно предъявить администрации дома документы для прописки, после чего факт его явки заносился в домовую книгу. Одновременно сведения о гражданине вносились в адресные листки, которые вместе с домовой книгой представлялись в местное отделение милиции для проверки, о чем делалась отметка. Та же процедура повторялась и при выписке. В Постановлении упоминается, что домовые книги имеют 10 граф и изготавливаются в типографии Отдела Управления Моссовета, где их могут приобретать домоуправители¹⁵⁶. Значит, в начале 1920-х годов новые советские экземпляры домовых книг существовали и использовались.

Тем не менее, просмотр 151 домовой книги в Центральном государственном архиве Москвы (ЦГАМ) показал, что сохранились только старые образцы, изготовленные в типографии Московской Городской Управы в 1916–1917 гг. Всего в ЦГАМ в фонде 1331 «Отделения московской советской рабоче-крестьянской милиции (1–48 отделения)» хранится 7 226 домовых книг¹⁵⁷, основная масса которых велась в период 1917–1924 гг. Фонд 1331 содержит девять описей, в восьми из которых документы распределены по 48 отделениям милиции (о/м) – территориальным единицам Москвы первых лет советской власти, пришедшим на смену прежним полицейским участкам. Книги сохранились не по всем отделениям милиции, а только для тридцати пяти из них, и в разном количестве¹⁵⁸.

По инструкции домовую книгу предназначалось использовать один год, после чего в следующем году было необходимо перенести записи о жильцах в новую книгу¹⁵⁹. Тем не менее, множество сохранившихся книг велось по нескольку лет, причиной чего могло быть отсутствие новых образцов книг, соответствующих изменениям, произошедшим в государственном устройстве и системе учета населения.

Домовая книга имеет габариты 22х33 см и мягкий переплет, по центру ее титульного листа находится печатный текст в виде шаблона с про-

¹⁵⁶ Систематический сборник декретов, постановлений Московского Совета ... 1923. С. 62.

¹⁵⁷ Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 1–8.

¹⁵⁸ Например, для 48 о/м сохранилось две домовые книги, а для 36 о/м – 2 528 книг.

¹⁵⁹ Керстич И.Г. Алфавитный сборник ... С. 266.

пусками, в который вписывались сведения о доме: «Книга для записывания лиц, проживающих в доме *фамилия, инициалы владельца дома* под № *номер дома*, по *название улицы и городской части* части *наименование полицейского участка* участку», ниже обозначен год ведения книги «на 191... год» (рис. 1). В правом верхнем углу обложки начинается нумерация листов с цифры «1» и проставлена первая буква алфавита «А». По тому же принципу нумеруются все последующие листы книги, на каждую букву алфавита отводится от двух до шести листов. Каждая домовая книга снабжалась уникальным номером, регистрировалась в Московской Городской Управе, была прошнурована и скреплена сургучной печатью.

Формуляр московских книг, отпечатанных в 1916–1917 гг., состоит из 12 граф: «Откуда и когда прибыл в дом», «Фамилия, имя, отчество и звание, холост или женат», «Лета», «Вероисповедание», «Каким учреждением, какого года, месяца и числа и за каким № выдан предъявленный на жительство документ», «Срок больничного сбора и № больничной квитанции», «Название правления больничной кассы. № и время выданного удостоверения участнику кассы», «На квартире или в услужении и если на квартире, то чем занимается», «№ квартиры», «Срок паспорта», «Год, месяц и число явки и прописки видов; подпись полицейского чиновника», «Куда и когда выбыл; подпись полицейского чиновника» (рис. 2). Таким образом, домовые книги Москвы содержат множество потенциально ценной персональной информации, позволяющей использовать их как массовый источник и формировать базу данных о жильцах.

В домовую книгу жена обычно записывалась при муже, дети — при родителях или взрослых родственниках¹⁶⁰. Сведения о жене, записанной при муже, часто содержали только имя, отчество и возраст, тогда как детям, как правило, отмечали только имя и возраст. Значит, предполагалось, что остальные данные о жильцах, записанных «при нем/ней» можно получить в случае необходимости из основной записи. Принцип семейной иерархии при прописке сохранялся в домовых книгах Москвы и после Октябрьской революции 1917 г.

В первые годы советской власти использовались старые образцы книг, отпечатанные еще в царское время, что привело к измене-

¹⁶⁰ В таких случаях после основной записи о жильце шло продолжение, например: «при нем жена: Фиона Павловна», «при ней дочь: Людмила», «при нем племянник: Николай».

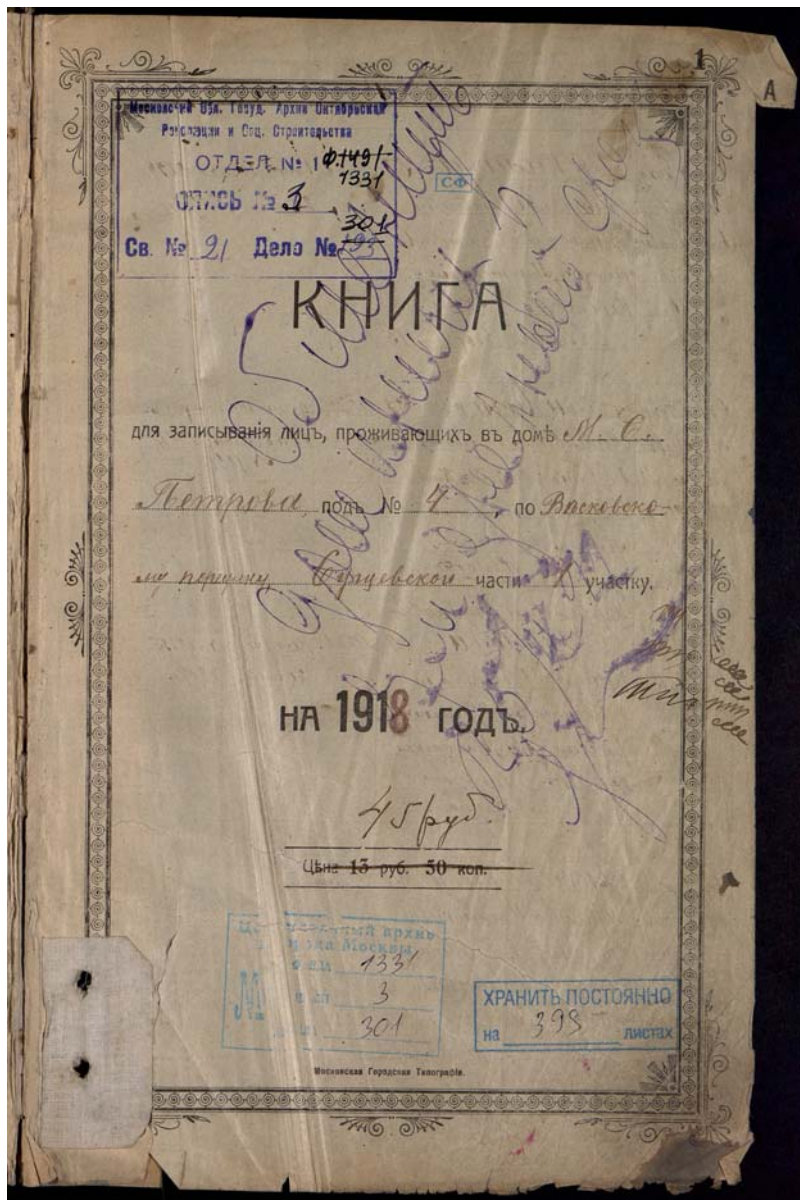

Рисунок 1. Титульный лист домовой книги на 1918 год.

Источник: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп.3. Д. 301. Л. 1.

нию в заполнении некоторых граф их формуляра и способствовало формированию специфического содержания источника, отразившего на своих страницах сложный переходный период. С 1919 г. точность некоторых сведений, вносимых в книги, снижалась. Так, если в 1917–1918 гг. первый слева пункт формуляра обычно содержал подробную информацию о месте, из которого прибыло лицо¹⁶¹, то уже в 1919–1920 гг. эта графа зачастую оставалась пустой или в ней ставилась короткая запись: «из Москвы». Адрес, из которого прибыл гражданин, мог быть временным, поэтому не всегда совпадал с его постоянным местом жительства, отмечавшемся в следующей графе. Во второй графе домовых книг, кроме фамилии, имени, отчества и семейного положения, содержались сведения о звании, вносившемся в соответствии с сословной принадлежностью, для подданных Российской империи в формате «сословие и место приписки», для иностранцев указывалось «подданство». Сословная система предполагала приписку крестьян и казаков к сельским обществам, а дворян, мещан, купцов, ремесленников и духовенства — к городским. Поэтому сведения о звании включали не только название сословия, но и место приписки жильца¹⁶². После 1917 г. вместо звания во второй графе все больше встречается общий термин «гражданин». Хотя после революции приписка к сословным обществам была отменена, но в последующие годы формат записи адреса не изменился, поэтому можно сделать вывод, что он стал восприниматься как постоянное место жительства, как регион, из которого происходил человек.

Третьим и четвертым пунктами следовали возраст и вероисповедание. Сведения о вероисповедании продолжали заполнять в домовых книгах и после октября 1917 г.¹⁶³ В пятый столбец вносились сведения о виде на жительство, то есть документе, который предъявлялся для прописки. Несмотря на отмену паспортной системы, старые паспорта использовались в первые годы советской власти

¹⁶¹ Например: «Сущевский участок, д. №21 по Долгоруковской ул., 10 июля 1918 г.».

¹⁶² В качестве звания писари также вписывали чин, военное звание, место службы, статус обучающегося, родственную принадлежность к человеку с указанием его социальной принадлежности.

¹⁶³ Большинство населения Москвы составляли православные, помимо которых в домовых книгах отмечены: старообрядцы, римо-католики, евангелисты-лютеране, армяно-григориане, англикане, иудеи, караимы, мусульмане. В единичных случаях вместо конфессии указывался этноним или термин, отрицающий принадлежность к религии.

Откуда и когда прибыл в дом.	Фамилия, имя, отчество и звание, холост или женат.	Возраст и звание	Наименование, место жизни, места и числа и за ка- ким № издать представле- ний на жительство по месту.	Срок безлич- ного збора и № бланкетной кли- тинки.
С. 442 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 443 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 444 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 445 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 446 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 447 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 448 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 449 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 450 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 451 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 452 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 453 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 454 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 455 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 456 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 457 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 458 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 459 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 460 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 461 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 462 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 463 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 464 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 465 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 466 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 467 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 468 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 469 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 470 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 471 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 472 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 473 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 474 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 475 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 476 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 477 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 478 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 479 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 480 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 481 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 482 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 483 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 484 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 485 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 486 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 487 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 488 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 489 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 490 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 491 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 492 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 493 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 494 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 495 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 496 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 497 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 498 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 499 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	
С. 500 1918	С. КИМОВСКИЙ	53 лет	Кол. 1918 г. 20 июля, 1918 г.	

Рисунок 2. Разворот домовой книги на 1918 год.

Источник: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп.3. Д. 301. Л. 106.-2.

наряду с новыми удостоверениями личности разного образца. Кроме даты выдачи и номера вида на жительство, важной информацией для исследователя может являться наименование учреждения, выдавшего документ, содержащее сведения о регионе, из которого прибыл гражданин.

Шестая и седьмая колонки домовых книг посвящены уплате больничного налога и участию в больничной кассе. Восьмая графа информировала о профессиональной принадлежности, разделяя граждан на проживавших на квартире и тех, кто жил в качестве прислуги¹⁶⁴. Для первой категории было необходимо указать род занятий, но зачастую запись делалась без уточнения — «на квартире»¹⁶⁵. Если человек не имел определенного места работы или поселялся временно, то в графу о занятии старались внести хоть какую-то информацию, характеризующую его состояние¹⁶⁶.

Номер квартиры, где проживал человек, вписывался в девятую графу. В десятый столбец до 1917 г. вносился срок действия паспорта, а позже — любого удостоверения личности. И старые и новые документы могли иметь срок действия или быть бессрочными. Судя по записям в домовых книгах, сроки документов часто не соблюдались, и человек с просроченным видом на жительство продолжал проживать в доме. Книги содержат наименования множества различных документов, удостоверяющих личность, на основании которых граждан прописывали в Москве¹⁶⁷.

Наконец в 11-ю и 12-ю графы домовой книги вносились даты прописки и убытия, а также информация о том, куда выбыл жилец. Обе записи удостоверялись подписью полицейского чиновника, а после

¹⁶⁴ Прислуга именовалась терминами: в услужении, горничная, гувернантка, домашняя настоятельница, няня, прислуга.

¹⁶⁵ Наиболее распространенные виды деятельности в домовых книгах: агент, военнослужащий, домохозяйка, инженер, конторщик, курьер, рабочий, санитар, служащий, учитель, фабричный (то есть рабочий на фабрике), шофер и др.

¹⁶⁶ Например: без занятий, больной, в комнате, в отпуске, в учении, временно, жена врача, инвалид, проездом, у родных и др.

¹⁶⁷ Например: паспорт Российской империи, трудовая книжка, метрики, удостоверение, билет военнопленного, временный билет, командировочное удостоверение, учетная карта, явочная карта и др. Кроме того, вместо названия документа и его срока, в 10-й графе зачастую значилось: без вида, в паспорте мужа, до особого распоряжения, до призыва, не определен, не указан, по виду мужа, утерян.

1917 г. — сотрудника милиции. Совместно с датой убытия ставилась отметка о месте, куда направился выписавшийся человек, которая содержала довольно сухую информацию¹⁶⁸. В случае переезда в Москву, сведения о новом месте жительства могли содержать название улицы и номер дома или короткую отметку «в Москву». Однако жильцы, покидавшие квартиру, зачастую предпочитали не указывать место своего убытия¹⁶⁹.

В домовую книгу записывались и временные жильцы¹⁷⁰, а также отмечалось временное отсутствие постоянных жителей¹⁷¹. По возвращении человека в дом из временной отлучки, в книге делалась новая запись в порядке очередности фамилий на данную букву алфавита. Поэтому, записи о прибытии и убытии некоторых квартирантов встречаются несколько раз¹⁷².

Итак, описан новый источник, домовые книги Москвы первых лет советской власти — документ учета населения, находившийся при домовладении. Специфическая особенность домовых книг 1917–1924 гг. состоит в том, что имея формуляр времен империи, они использовались уже в условиях смены общественно-политического строя, и отражали происходившие изменения в графах и строках своих страниц. Несмотря на обилие ценной информации о гражданах, домовые книги конца XIX — первой четверти XX вв. упоминались только в нескольких исторических исследованиях, их потенциал в качестве массового источника о населении оставался невостребованным.

Еще в первой половине XIX в. домовые книги использовались в Москве для регистрации прибывающих и выбывающих жильцов. Имперское законодательство устанавливало общие принципы их

¹⁶⁸ Например: в Барнаул, в армию, в больницу, в ВЧК, в Германию, в колонию, в санаторий, вышла замуж, в командировку, на дачу, на родину, ст. Сходня, умер и др. Наиболее распространенными были записи «на родину» или содержащие название города, например «в Тверь».

¹⁶⁹ В таких случаях в домовой книге делалась запись «не указав адреса».

¹⁷⁰ Например, командированные в Москву из другого города, военные отпускники, лица, гостившие у родных, находящиеся на излечении, учащиеся.

¹⁷¹ Например, при отъезде на дачу или в командировку.

¹⁷² Тот же принцип наблюдался и в домовых книгах Петербурга: Сухорукова А.С. Петербургский доходный дом как элементарное звено городской административно-полицейской системы // Петербургские исследования: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 184.

использования в двух столицах, которые конкретизировались на местном уровне постановлениями Московского градоначальника вплоть до Октябрьской революции 1917 г. На заре советской власти правила ведения и форму книг устанавливал Моссовет. До и после революции контроль над ведением домовых книг осуществлялся в территориальных органах правопорядка — полиции или милиции, а порядок регистрации жильцов не претерпел принципиальных изменений. При заселении в квартиру или комнату жилого дома человек предъявлял удостоверение личности, предоставлял о себе необходимые сведения, вносившиеся в домовую книгу, после чего запись регистрировалась в местном отделении милиции.

В первые годы советской власти логика заполнения некоторых граф домовых книг менялась: с отменой сословий происходил переход на общее для всех гражданство, все меньше ставилось отметок о вероисповедании, вместо паспортов предъявлялись множественные удостоверения личности, исчезла запись об уплате больничного налога, в числе прибывших год от года снижалась доля прислуги. На эти процессы влияли общественно-политические перемены в стране, отмена прежней паспортной системы, национализация доходных домов. В фонде 1331 ЦГАМ домовые книги распределены по территориальному принципу, согласно их принадлежности к одному из 48 отделений милиции Москвы, в большинстве своем совпадавшими с полицейскими участками царского времени. Множество экземпляров книг, хранящихся в ЦГАМ, использовалось по несколько лет из-за отсутствия нового советского формуляра. Тысячи домовых книг Москвы периода 1917–1924 гг. содержат ценные сведения о жителях Москвы, что позволяет использовать их в качестве массового источника о населении.

Данные домовых книг о жителях города из пяти участков Москвы

Предварительный осмотр домовых книг, которые велись в 1917–1924 гг., позволил выявить особенности их использования, состоявшие в снижении качества их заполнения, а также отсутствии в некоторых записях необходимых сведений. Кроме того, выявлены экземпляры книг, использовавшиеся не один год, что позволяет проследить динамику исследуемых признаков за несколько лет. На этом основании выработаны критерии отбора домовых книг:

- наличие минимального набора необходимых сведений в большинстве записей о жильцах (ФИО, постоянного места жительства, дат прописки и выписки, возраста);
- адекватное соотношение прибывающих и выбывающих, а также постепенное изменение их численности за каждый год, так как значительные колебания указанных параметров означали снижение качества учета жильцов;
- использование без перерыва с 01.01.1918 г. по 30.12.1921 г. — тот максимальный период, который возможно выделить у некоторых экземпляров домовых книг, соответствующих вышеперечисленным критериям.

В архиве домовые книги Москвы распределены по отделениям милиции, поэтому необходимо представлять, как образовались эти административно-территориальные единицы. До 1917 г. Москва делилась на 17 городских частей, включавших по 2–3 полицейских участка. Также, к городу примыкали пригородные участки и местности, находившиеся в ведении московской полиции, но не входившие в муниципальную черту. Городские и пригородные участки учитывались в переписях населения Москвы конца XIX — начала XX вв.

К началу 1917 г. общее число городских и пригородных полицейских участков Москвы составляло 57 единиц¹⁷³. После февральской революции 1917 г. границы города были расширены до пределов Окружной железной дороги, общее количество участков города снизилось до 53, а сами они из полицейских переименованы в комиссариатские. После Октябрьской революции 1917 г. участки вновь переименованы, их границы уточнены, в результате чего образовано 49 отделений милиции, по которым распределялось население Москвы в ранних советских переписях начиная с 1920 года¹⁷⁴. В результате изменений большинство отделений милиции сохранилось в границах комиссариатских участков, что делает статистику по ним сопоставимой¹⁷⁵.

¹⁷³ Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 104.

¹⁷⁴ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 13; Статистический справочник г. Москвы и Московской губ. 1927 г. М., 1928. С. 19.

¹⁷⁵ Статистический атлас Москвы и Московской губернии 1924 г. Вып. 1-й. Население. 1924. С. 1–2.

Выбор домов для исследования осуществлялся по принадлежности к участкам, входившим в 17 городских частей Москвы, которые к началу XX в. представляли собой наиболее сложившееся и застроенное городское пространство. Напротив, обширные пригородные местности, включенные в городскую черту только в начале XX в., имели низкоэтажную застройку и находились на стадии перехода от сельских территорий к городским окраинам¹⁷⁶. Ориентиром для степени застройки городской территории также являлся план Москвы 1925 г. (рис. 3). Первым участком, случайным образом определено отделение милиции №16, остальные четыре (№№ 32, 39, 41, 45) выбраны с учетом их расположения в разных районах города и наличия в архиве сохранившихся домовых книг, соответствующих вышеперечисленным критериям.

В итоге удалось отобрать по несколько домов из пяти отделений милиции, расположенных в разных частях наиболее застроенного и развитого городского пространства (одно в центре, остальные примыкают к Садовому кольцу). Можно сказать, что собранные таким образом материалы репрезентативны именно для этой центральной и средней, наиболее застроенной части города Москвы, но не для ее окраин первой четверти XX в.

Учитывая совместимость территориального деления Москвы до и после революции, база данных исследования формировалась с привязкой домовых книг к советским отделениям милиции. В процессе исследования была просмотрена 151 домовая книга из 3, 7, 16, 32, 39, 41, 45, 46 отделений милиции, потенциально соответствовавших критериям исследования по данным архивных описей¹⁷⁷. Это позволи-

¹⁷⁶ В 1918 г. на территории 17 городских частей Москвы на одно жилое владение приходилось в среднем по 11 квартир, в то время как на территории пригородов этот показатель составлял всего 4 квартиры, что указывает на почти трехкратную разницу между ними в плотности и/или высотности застройки. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 10, 11.

¹⁷⁷ ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 1. Д. 88, 100, 116–118; Оп. 2. Д. 382–390, 392; Оп. 3. Д. 301, 315–317, 321, 322, 324, 345, 357, 365, 371, 377–380, 390; Оп. 6. Д. 11–13, 15–18, 20, 23, 25, 28, 30, 32, 35, 36, 38–40, 42, 45–47, 50–53, 56, 58–60, 62, 66, 69, 71–74; Оп. 7. Д. 382–390, 392, 424, 428, 432, 433, 435, 454–457, 464, 468, 469, 474–476, 493, 518–520; Оп. 8. Д. 98, 101, 104–109, 119, 122, 124, 125, 129–131, 136, 137, 139, 140, 144, 146, 149, 157, 159, 160, 169, 185–187, 189, 191–194, 196, 199, 204, 208, 210, 211, 220, 221, 224, 226–232, 234, 235, 237, 240.

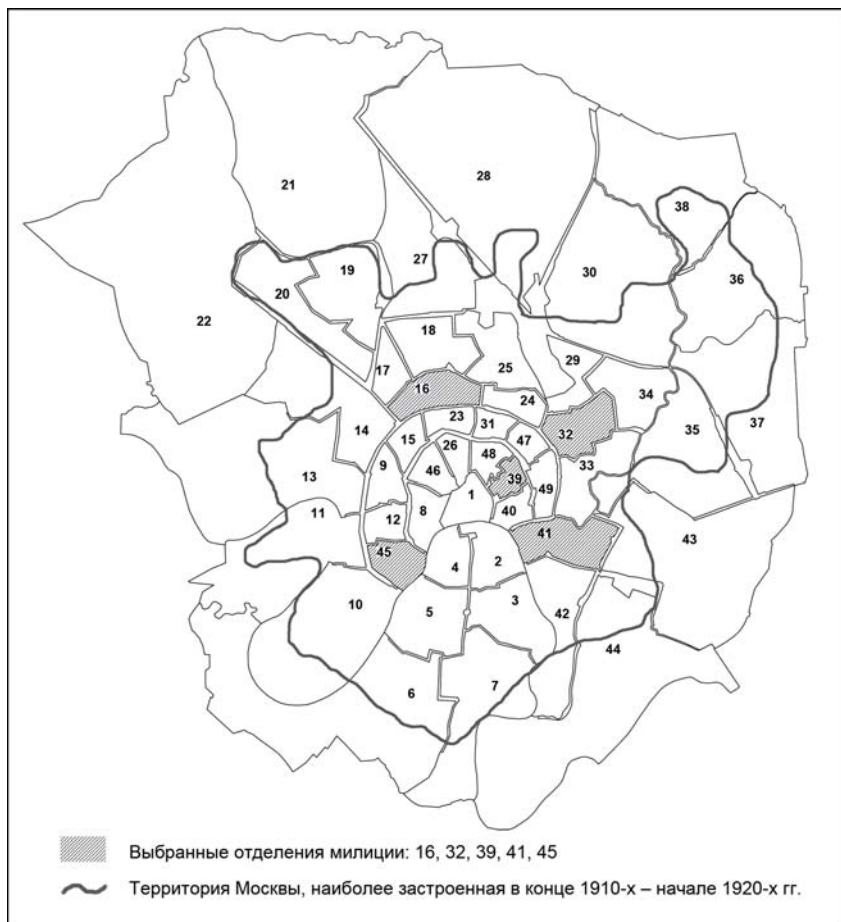

Рисунок 3. Схема отделений милиции Москвы, по плану 1925 года.

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. // URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022 г.).

ло отобрать 21 домовую книгу¹⁷⁸ из 16, 32, 39, 41, 45 отделений милиции и сформировать базу данных на основе 7 325 записей о жильцах, проживавших в Москве с 1 января 1918 г.¹⁷⁹ по 30 декабря 1921 г. На каждое

¹⁷⁸ ЦГАМ. Ф. 1331. Оп.3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

¹⁷⁹ По старому стилю.

отделение милиции пришлось от 1277 до 1632 записей в домовых книгах. В общей численности населения каждого из пяти милицейских участков доля жильцов из домовых книг составила от 1,1% до 3,1% на дату переписи 28 августа 1920 года¹⁸⁰.

Задачи исследования предполагают получение из домовых книг сведений о регионе выхода жильцов, а также их этнической принадлежности, прямого указания на которую в источнике не содержится. Поэтому для ее определения и решения других задач использованы такие косвенные данные как: фамилия, имя, отчество, социальное происхождение, постоянное место жительства, вероисповедание, даты прописки и выписки, родственные связи. Учитывая такой перечень признаков, необходимых для исследования, а также неполноту сведений в записях о жильцах и необходимость их последующего восстановления, было решено извлечь из домовых книг максимальное количество информации. Исключением явились две графы о больничном сборе, которые неполны и непригодны для уточнения информации, содержащейся в других графах книг.

Для удобства обработки данных, записи о жильцах были перенесены в электронные таблицы и снабжены общим перечнем информации для всех домовых книг: фонд, опись, дело, год книги на обложке, полицейский участок, отделение милиции, улица, номер дома. Для каждой отдельной записи извлекались признаки, содержащиеся в следующих графах:

Откуда прибыл в дом	
Дата прибытия в дом	
Фамилия, имя, отчество	
Социальное положение (звание, сословие, гражданство и т.д.)	
Постоянное место жительства	губерния/область/край
	Город
	Уезд
	Волость
	село/деревня/местечко/усад
Семейное положение	
Возраст	

¹⁸⁰ Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 13; ЦГАМ. Ф. 1331. Оп.3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

Источники сведений об этническом составе населения Москвы

Вероисповедание
Учреждение, выдавшее вид на жительство
Чем занимается
№ квартиры
Срок паспорта
Дата прописки
Куда убыл
Дата выписки

Дальнейшая работа с базой данных показала, что не все записи о жильцах содержали полный набор признаков, необходимых для решения задач исследования. Это наиболее характерно для лиц, внесенных в домовую книгу при муже, при родителях и т.д., в результате чего получались записи, которые можно условно причислить к первому и второму уровню. Запись первого уровня предполагала наличие у поселяющегося собственного вида на жительство и внесение в домовую книгу всех предусмотренных сведений для прописки. Второй уровень записи означал, что данные о личности гражданина содержались в виде на жительство его родственника, а в домовую книгу вносилось меньшее количество сведений. Использование электронных таблиц существенно упростило исправление и восстановление большинства недостающих или неточных данных, полученных из домовых книг. Тем не менее, большая часть работы проделана вручную посредством:

- дублирования сведений из записей первого в записи второго уровня;
- сопоставления признаков, относящихся к одной записи;
- сравнения записей, относящихся к одному и тому же лицу;
- выявления неочевидных родственных связей.

При переносе данных из домовых книг в электронные таблицы не все ячейки оказались заполнены, в большинстве случаев из-за неполноты сведений в записях второго уровня. Основой для их восстановления явились записи первого уровня, из которых продублированы признаки, необходимые для решения задач исследования: фамилия, отчество, постоянное место жительства, вероисповедание, даты прописки и выписки. В большинстве случаев дублирование перечисленных признаков не вызывает вопросов, однако стоит учесть, что постоянное место жительства и вероисповедание в записях первого уровня, не всегда совпадают с теми же признаками в записях второго уровня. Например,

в случае если дети мигрантов родились и проживали несколько лет в Москве, то приравнивать их происхождение к родительскому можно только с некоторой долей условности. Что касается восстановления данных о вероисповедании, то оно определялось по матери, если родители ребенка принадлежали к разным конфессиям.

Часть сведений удалось восстановить, сопоставляя признаки, относящиеся к одной записи. В отдельных случаях отсутствие данных о постоянном месте жительства, восполнено с помощью информации об учреждении, выдавшем вид на жительство, так как зачастую такой документ выдавался организацией, находившейся по месту прописки, а после отмены сословий — по месту постоянного жительства гражданина. Кроме того, сопоставление признаков из одной записи позволило определить дату прописки с помощью схожего признака — «даты прибытия в дом», содержавшего первоначальную дату поселения жильца, без учета последующих отлучек и повторной прописки в домовую книгу. Хотя дата первоначального прибытия и дата прописки были не идентичны по смыслу, в большинстве записей они совпадали. Случаи повторной прописки жильцов в домовую книгу также позволили дополнить недостающие сведения путем сопоставления признаков в одноименных записях.

Отдельно стоит сказать о родственных связях, часть которых оказалась неочевидной, так как не все жены записаны при мужьях, а дети при родителях. Электронная база данных позволила распределить жильцов одного дома по алфавиту, выявить одинаковые фамилии и установить близких родственников, сопоставляя такие данные как: имя, отчество, семейное положение, возраст, № квартиры, даты прописки и выписки. Установление родственных связей некоторых жильцов способствовало восстановлению сведений об их постоянном месте жительства.

Итогом обработки базы данных стал набор необходимых признаков, присущих большинству записей о жильцах, использующихся для решения задач исследования. Так, данные о ФИО содержатся в 100% записей, о социальном положении — в 80%, о постоянном месте жительства — в 98%, о вероисповедании — в 55%, о дате прописки — в 100%. Удобство работы с полученными электронными таблицами состоит в том, что в процессе анализа можно по-разному группировать записи о жильцах, например, по милицейским участкам, отдельным домам, региону выхода мигрантов, периодам. Кроме того, полученный

материал позволяет делать срезы на конкретную дату в течение четырех лет с 01.01.1918 г. по 30.12.1921 г. Обработка и анализ базы данных позволяют проследить динамику миграционных процессов, оценить степень локализации этнических меньшинств в пяти отделениях милиции и сравнить их с результатами переписей московского населения в 1897–1926 гг.

ГЛАВА 2

Домовые книги как антропонимический источник

Дискуссии о взаимосвязи антропонимических и этнографических данных в массовых источниках

Для задач исследования необходима информация об этнической принадлежности жильцов, записанных в домовые книги Москвы. При этом, в книгах содержатся косвенные сведения об этнической принадлежности человека: фамилия, имя, отчество, вероисповедание, регион выхода, социальное происхождение, родственные связи. Из всего перечисленного этнокультурной информацией в наибольшей степени нагружены фамилия, имя и отчество. Поэтому, чтобы выделить этнические группы в сформированной базе данных, необходимо обратиться к антропонимике, изучающей антропонимы — имена людей в различных формах (личные имена, фамилии, отчества, прозвища и т.д.).

Взаимосвязи антропонимов с этнической принадлежностью посвящено множество работ. Ученые обращались к различным аспектам языковых и этнических особенностей имен собственных. Выдающийся советский лингвист и этнограф В.А. Никонов писал, что «антропонимия может служить ценным источником для других наук»¹⁸¹, отмечая, что изучение личных именований позволяет решать различные этнографические задачи. Например, используя массовые источники по антропонимии XVIII–XIX вв., он выделял этнографические различия населения на территории Украины, а также обращал внимание на консерватизм фамилий в указанном регионе за последний 200 лет¹⁸². Рассматривая связь ономастики и социологии, советский и российский лингвист А.В. Суперанская отмечала, что в имени как части языковой системы «всегда, независимо от воли называющих, отражаются культура и социальная жизнь общества»¹⁸³.

¹⁸¹ Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. С. 5.

¹⁸² Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины) // Советская этнография. 1971. №5. С. 25–27.

¹⁸³ Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. С. 21–22.

Современные авторы продолжили развивать это направление. Анализируя имена собственные, Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров отметили, что антропонимы обладают обширным лексическим фоном и «яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно от истории и культуры народа — носителя языка»¹⁸⁴. О.В. Кисель обратил внимание на высокую степень коннотации имен собственных, то есть их сопутствующие значения, отражающие, в частности, этнические и культурные компоненты¹⁸⁵. Л.Н. Алешина сравнила русские, польские и английские антропонимы, выявив разницу их ментальных особенностей. Автор считает, что антропонимическая система любого языка «предстает как окультуренное мировидение, предоставляющее возможность охарактеризовать этнос»¹⁸⁶.

Г.Б. Мадиева и В.И. Супрун проанализировали отдельные компоненты (личные имена, фамилии, отчества) в антропонимических формулах современных этнокультурных сообществ. Ученые отметили, что сами вариации моделей имен «являются проявлением национальной культуры, отражают диахронию функционирования полных антропонимов у того или иного народа»¹⁸⁷, а также приходят к выводу, что «имена не только историчны, но и глубоко национальны»¹⁸⁸. Исследуя шведские личные имена, фамилии, прозвища, У.П. Природина подробно описала этнокультурные особенности именования человека в разных аспектах, высказав мнение, что изучение антропонимии является одним из эффективных способов выявления этнического компонента в языке. Автор указала, что «Народ вырабатывает собственную систе-

¹⁸⁴ Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик, и сапиентемы. М.: «Индрик», 2005. С. 98, 103.

¹⁸⁵ Кисель О.В. Коннотативный аспект семантики личных имен // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №19. С. 356–357.

¹⁸⁶ Алешина Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных антропонимических системах // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. №1. С. 60.

¹⁸⁷ Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6(50). С. 99.

¹⁸⁸ Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения ... 2010. № 6(50). С. 101.

му именования, формирует обычаи наречения, что дает возможность определить функцию имени собственного как национального и социального знака в языковом строе»¹⁸⁹.

Одним из важных направлений в антропонимике является изучение трансформации имен в результате этнических контактов. Исследования показывают, что в процессе заимствования чужие антропонимы адаптируются к собственному этноязыковому сознанию. В.А. Никонов, изучая распространение фамилий на территории СССР, писал о механизме их изменения в русском языке: «Обычно искажение фамилий в иноязычной среде, где неизвестно не только слово, от которого они образованы, но и нет никаких родственных слов. Фамилия в чужом языке одинока и беззащитна»¹⁹⁰. Касаясь истории православных имен, перенесенных в Россию из Византии, А.В. Суперанская отмечала: «Почти все календарные имена в результате многовекового «обкатывания» в русском языке сделались чем-то похожими друг на друга и на прочие слова русского языка, как становятся похожими друг на друга морские камешки в результате работы волн»¹⁹¹.

Трансформацию антропонимов зарубежных китайцев изучал А.М. Решетов, отмечая, что она происходила постепенно, в течение нескольких поколений. Он заключил, что процессы адаптации фамилий у китайцев за границей шли повсеместно и зависели от интенсивности контактов с соседями и длительности пребывания в иной среде¹⁹². В. Васченко, работая с массивом статистических данных, сравнивал фамилии русских старообрядцев (липован), переселившихся в Румынию из Российской империи в XVIII — нач. XIX вв., с фамилиями в общерусской этнической системе XX в. Он пришел к выводу, что фамильная система липован за два века трансформировалась и, сохранив генетическую связь с материнской русской антропонимией, она, тем не менее, значительно отличается от ее современного состояния¹⁹³.

¹⁸⁹ Природина У.П. Этнокультурное пространство антропонимов в языке : на материале шведских личных имен, фамилий, прозвищ : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. С. 5.

¹⁹⁰ Никонов В.А. География фамилий. М.: Издательство ЛКИ, 2008. С. 11.

¹⁹¹ Суперанская А.В. Имя — через века и страны. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 46.

¹⁹² Решетов А.М. Антропонимические трансформации в инациональной среде // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 62—64.

¹⁹³ Васченко В. О специфике фамилий липован (русских старообрядцев в Румынии) // Этнография имен. М., 1971. С. 91—92.

Под интересным углом зрения изучают трансформацию антропонимов современные исследователи. С.И. Гарагуля исследовал изменения в личных именах россиян, произошедшие со времени их иммиграции в США в начале 1980-х гг. Автор отметил, что под действием норм английского языка, этнические имена иммигрантов трансформируются. Причем адаптация оригинальных российских имен происходит по нескольким направлениям, в зависимости от их написания, звучания, структуры, схожести с английскими вариантами и т.д. Чем больше изменений претерпевает имя, тем выше степень ассимиляции иммигранта в новый социум, а значит, такое имя постепенно утрачивает функцию маркера этнокультурной идентичности¹⁹⁴.

Анализируя родословную двух немецких семей за период с первой половины XIX по начало XXI вв., З.М. Богословская, Р.А. Малкова, Ю.В. Щеголихина выявили сложные процессы ассимиляции в течение нескольких поколений. Исследование показало, что уже в середине XIX в. российские немцы отдавали предпочтение русским личным именам. В то же время, наиболее консервативным антропонимом у немцев оставалась фамилия, сохранение которой в большинстве случаев было взаимосвязано с немецкой этнокультурной идентичностью ее носителей¹⁹⁵.

Данные антропонимии позволяют подойти к определению этнического состава населения. Например, И.Л. Жеребцов и Л.Н. Жеребцов исследовали антропонимию Коми края, используя такой массовый источник как писцовые и переписные книги XVI–XVIII вв. Авторы указали, что исследование контактов между этническими группами «требуется привлечения разнообразных источников, в число которых входит антропонимика и в первую очередь фамилии»¹⁹⁶. Весь массив ономастического материала был разделен ими на пять типов фамилий,

¹⁹⁴ Гарагуля С.И. Имя личное в иноязычной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 33–34, 38.

¹⁹⁵ Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 336–347.

¹⁹⁶ Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края (XVI–XVII века): Доклад на заседании президиума Коми науч. центра УрО АН СССР 5 июля 1990 г. Сыктывкар, 1990. С. 10.

что позволило сосредоточиться на трех из них, наиболее интересных для определения коми. Анализ фамилий, образованных от названий географических объектов, этнических групп и коми слов, позволил выделить не только народность коми, но и наметить контуры расселения ее этнографических групп¹⁹⁷.

А.Г. Новожилов использовал антропонимы из писцовых книг северо-запада Новгородской земли XV–XVI вв. для установления контуров проживания прибалтийско-финского населения. Привлечение имен, отчеств и прозвищ позволило автору не только выявить локализацию анклавов инокультурного языческого населения, но и оценить степень его ассимиляции среди православных русских. Кроме того, А.Г. Новожиловым предпринята попытка определить по прозвищам этнически окрашенные территориальные группы прибалтийско-финского населения, одни из которых сохранились до наших дней, а другие растворились среди соседей. Принципиально, что в ходе всего исследования автор подкреплял полученные результаты путем их сопоставления с параллельными письменными источниками, а также археологическими и топонимическими данными¹⁹⁸.

И.А. Кюршунова, используя источники, фиксировавшие налогооблагаемое население Новгородской земли в XV–XVII вв., исследовала взаимовлияние славянских и прибалтийско-финских антропонимов, в которых отразились их этнические контакты. Выявляя имена с прибалтийско-финской основой, автор установила, что писцы с той и другой стороны адаптировали антропонимы иноязычного происхождения к своей ономастической системе. Анализируя переплетение русских и прибалтийско-финских элементов в именовании, И.А. Кюршунова предположила, что большая часть их носителей принадлежала неславянскому населению. Происходил и обратный процесс, когда русские переселенцы пользовались атропонимами прибалтийско-финских этнических групп¹⁹⁹. Проведенное исследование позволило автору ука-

¹⁹⁷ Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций ... 1990. С. 12, 15.

¹⁹⁸ Новожилов А.Г. Этническая ситуация на северо-западе Новгородской земли XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2004. № 1–2. С. 79–92.

¹⁹⁹ Кюршунова И.А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимиконе Карелии донационального периода // *Carelica*. 2014. № 1(11). С. 22–30.

зять на существование целого пласта неоднозначных антропонимов, и сделать вывод о том, что «осмысление многих актуальных вопросов исторической антропонимии региона следует решать в территориально-социальном плане»²⁰⁰.

Проведенный обзор исследований показывает, что существует широкое дискуссионное поле по вопросам взаимосвязи антропонимики и этнографии, в формирование которого внесли существенный вклад советские ученые начиная с 1970-х гг., а также многие современные авторы. В общей массе работ за полвека содержатся вопросы о культурной и этнической специфике антропонимов, особенностях их трансформации и адаптации в результате этнических контактов, а также исследования по определению этнического состава с привлечением массовых источников. В то же время ряд авторов отмечает, что наряду с использованием антропонимов, решения указанных вопросов требует привлечения дополнительных сведений с учетом исторического контекста.

Языковые и культурные особенности формирования антропонимических моделей у этнических групп Москвы

Чтобы перейти к определению этнического состава жильцов используя имена собственные, содержащиеся в домовых книгах, необходимо обратиться к специфике антропонимических систем исследуемых этнических групп Москвы: русских, белорусов, украинцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, немцев, евреев, татар, армян. Период ведения домовых книг Москвы (1918–1921 гг.) и анализ регионов выхода мигрантов, позволяют утверждать, что большинство записей отражают антропонимические модели, бытовавшие на территории Российской империи в начале XX в. К этому времени они прошли долгий исторический путь от одноименной формулы к трехчленной (имя, отчество, фамилия) или двухчленной (имя, фамилия). Антропонимы изменялись под влиянием иных языков и культур, одновременно приспосабливая чужие имена к своей языковой системе.

Русская, белорусская и украинская антропонимические модели до своего обособления входили в единую восточнославянскую систему, состоявшую из личного имени — в большинстве случаев нарицательного слова. В именовании восточных славян существовали соци-

²⁰⁰ Кюршунова И.А. Отражение процессов этнического взаимодействия ... 2014. № 1(11). С. 24.

альные различия. Имена представителей княжеских родов состояли из двух компонентов, где в качестве второго наиболее часто встречались *-слав, -мир*²⁰¹, все остальные слои общества носили простые имена²⁰². Одновременно происходило заимствование имен из скандинавских, финно-угорских, тюркских языков²⁰³.

К началу XX в. из антропонимикона восточнославянских этнических групп языческие имена почти полностью были вытеснены именами из православного календаря, чья основа состояла из древнегреческих²⁰⁴, латинских²⁰⁵ и древнееврейских²⁰⁶ имен. Многие из иноязычных православных имен адаптировались восточнославянскими языками²⁰⁷, со временем упрощались их канонические формы²⁰⁸. В то же время, православным запрещалось давать детям католические и протестантские имена, а также имена православных святых, употребляемые католиками. Среди части белорусского населения, распространились католические имена, часто образованные по балтийским моделям²⁰⁹.

Отчества, в русской, белорусской и украинской антропонимии, вводились постепенно, совместно с фамилиями. Начиная с привилегированных сословий Российской империи в XVII–XVIII вв. они повсеместно распространились во второй половине XIX в. и полу-

²⁰¹ Святослав, Мстислав, Владимир и др.

²⁰² Волк, Ждан, Добрыня, Горностаи и др.

²⁰³ Никонов В.А. Русские // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 262; Римша В.П. Белорусы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 75–76; Худаш М.Л. Украинская антропонимия XIV – начала XIX вв. (мужские наименования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. 1980. Ужгород, С. 38.

²⁰⁴ Андрей, Александр, Василий и др.

²⁰⁵ Сергей, Константин, Татьяна и др.

²⁰⁶ Иван, Фома, Мария и др.

²⁰⁷ Например: Николаос > Николай, Паулос > Павел, Иоаким > Аким, Иустиния > Устинья.

²⁰⁸ Например: В русском языке Авдотья < Евдокия, Акулина < Ксения, Егор < Георгий, Гаврило < Гавриил; в белорусском Авсей < Евсей, Анхим < Анфим, Ероним < Иероним, Самуила < Самуил.

²⁰⁹ Никонов В.А. Русские // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 262–263; Римша В.П. Белорусы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 76; Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения ... 2010. № 6(50). С. 97; Мезенка Г.М. Беларуска аанамастыка: Навуч дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў. Мінск: Выш. шк., 1997. С. 46.

чили оформление при помощи суффиксов *-ович/-евич*, *-овна/-евна*, реже *-ич/-ична*²¹⁰.

Фамилии восточнославянских этнических групп имеют как сходства, так и свои специфические особенности, отличающие их друг от друга. Форма русских фамилий представляет собой краткие притяжательные прилагательные. Они в большинстве своем патронимичны, то есть образованы от личного имени или прозвища предка мужского пола²¹¹, тот же принцип присущ немногочисленным фамилиям по именованию матери²¹². Другой тип фамилий — принадлежностные²¹³. У русских преобладают фамилии на *-ов/-ев/-ин*, в некоторых слоях населения представлены фамилии на *-ский*, еще реже — на *-их/-ых*, оставшиеся формы *-ой*, *-ово* и другие не превышают 1% общей численности²¹⁴.

В белорусской антропонимии фамилии образовались из личных имен, превратившихся в имена-прозвища для выполнения функции второго имени с вовлечением неограниченного круга лексики. В XVII—XVIII вв. имена-прозвища распространялись от одного на остальных членов семьи и закреплялись в роду, передаваясь по наследству. Часть фамилий образована непосредственно от апеллятивов на базе белорусского языка. Наибольшая доля образовавшихся белорусских фамилий оканчивается суффиксами *-ов/-ев*, *-ович/-евич*, *-ич*, а также *-ски*²¹⁵. Другая группа распространенных белорусских фамилий образована с помощью суффиксов *-ин/-ын*²¹⁶, *-ич/-ыч/-иц*²¹⁷, *-енка/-энка/-анка*²¹⁸, *-ёнак/-онак*²¹⁹, *-еня/-эня*, *-ик/-ык*²²⁰, *-чук*, *-ук/-юк*. Базой для создания

²¹⁰ Никонов В.А. Русские ... 1989. С. 264; Римша В.П. Белорусы ... 1989. С. 76; Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения ... 2010. № 6(50). С. 101.

²¹¹ Например, Иванов — потомок Ивана, Зайцев — потомок Зайца, Кузнецов — потомок кузнеца.

²¹² Например, Марьин.

²¹³ Например, Князев.

²¹⁴ Никонов В.А. Русские ... С. 264—265; Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: вопросы русской исторической ономастики XV—XVII вв. М.: Госучпедгиз, 1959. С.110.

²¹⁵ Иванович, Абухович, Врублеуски, Главацки, Заянчкоуски и др.

²¹⁶ Лукин, Фомин, Верын, Манин, Салодкин и др.

²¹⁷ Дакучыц, Юрчыц и др.

²¹⁸ Ананенка, Галубенка, Галавенка, Горленка и др.

²¹⁹ Адамёнок, Анюцёнак, Кавалёнак, Крывёнак и др.

²²⁰ Алесик, Апанасик, Паулик, Бандарчык, Рымарчык и др.

фамилий на *-ко/-ка* стали уменьшительно-ласкательные формы, в том числе с осложненными суффиксами²²¹. Встречаются и менее продуктивные суффиксы²²², которых в белорусской антропонимии множество²²³.

В украинской системе антропонимии фамилии сформировались к началу XIX в. из личного именованья фамильного типа или прозвища, являвшегося добавлением к основному имени для дополнительного определения личности. Со временем происходило закрепление дополнительных имен, источниками для которых служили: имя отца (реже матери), место жительства или происхождение, уличные прозвания. В зависимости от территории словообразование фамилий происходило посредством суффиксов, среди которых преобладали *-енко*, *-ук* (*-юк*), *-чук*, *-ак* (*-як*, *-чак*), за которыми следовали *-инець*, *-овець*, *-ив*, *-ич* (*-ович*, *-евич*), *-ин*²²⁴. В отличие от русских, многие украинские фамилии образовались от прозвищ²²⁵ без каких-либо изменений²²⁶.

Польская антропонимическая модель двучленна, при этом в ней распространены двойные и даже тройные имена²²⁷. Ранние польские имена образовались из имен нарицательных²²⁸, для социальной верхушки были характерны имена, состоящие из двух компонентов²²⁹.

²²¹ Климко-Климка, Мицько, Агейка, Микулка, Сцяпурка и др.

²²² Некоторые из них: *-ок*, *-ёк*, *-ец*, *-эц*, *-ац*, *-ута*, *-юта*, *-уць*, *-юць*, *-ель*, *-эль*, *-ура*, *-юра*.

²²³ Римша В.П. Белорусы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 76–77; Бирилло Н.В. Белорусская антропонимия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 661. Минск: Ин-т языкознания им. Якуба Коласа, 1969. С. 30–40.

²²⁴ Например, если имя отца в быту звучало как Ивашко, то сына могли записать как: Иваненко, Иванович, Иванив, Иванюк, Иваненя, Ивашенко. В случае прозвания по матери, которую называли Иваниха — ее сына Иванишин или Иващишин.

²²⁵ Борщ, Борсук, Перебейнос, Нетудыхата, Убейкобыла, Бандура и др.

²²⁶ Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины) // Советская этнография. 1971. №5. С. 26; Худаш М.Л. К вопросу о возникновении украинских фамилий // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 123–124; Дроздова С.А., Антилогова К.А. Процесс формирования украинских фамилий // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования. Сборник научных статей V международной научно-практической конференции. Симферополь, 2017. С. 65–66.

²²⁷ Например, Анна-Мария-Луиза.

²²⁸ Например: Вильк ‘волк’, Коваль ‘кузнец’, Голы ‘голый’.

²²⁹ Например, Владислав, Казимир.

Фонетические различия обусловили разное звучание имен, общих по происхождению для поляков и русских²³⁰. С установлением католичества в польской антропонимии распространились имена из католического именника, в котором отсутствовали православные имена²³¹.

С XV по XIX вв. фамилии распространились среди всех слоев польского населения на основе патронимов, этнонимов, территориальной принадлежности, признаков называемого, его занятия, а также случайным образом. Абсолютное большинство польских фамилий образованы с помощью суффиксов, характерных для славянских этнических групп, но с другой частотностью. Половина фамилий содержат суффиксы *-ски*, *-цки*²³², что первоначально указывало на связь их носителя с названием территории²³³. Суффиксы *-ович/-евич* характерны для фамилий, происходящих от патронимов, закрепившихся способом наследования²³⁴. Фамилии возникшие из прозвищ с помощью суффиксов группы *-к*, *-к-* (*-ик*, *-ник*, *-ак*, *-ко*, *-ук*, *-чук*), охватывают менее 10% жителей Польши²³⁵. Остальные типы польских фамилий немногочисленны и представляют собой формы прилагательных на *-ны*²³⁶, существительных с формантами *-ош*²³⁷, *-онь*²³⁸, а также «чистую основу» без изменений типа²³⁹. В начале XX столетия польские женские фамилии имели дополнительный показатель рода²⁴⁰.

Литовские антропонимы состоят из двух компонентов. До начала 1920-х гг. в литовских именах различаются два крупных исторических пласта: 1) древние балтийские составные имена, несущие определенный смысл²⁴¹; 2) преобладающие христианские имена, получившие

²³⁰ Ян — Иван, Теодор — Федор, Тадеуш — Фаддей, Тэкла — Фекла, Барбара — Варвара и т.д.

²³¹ Никонов В.А. Поляки // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 255–256.

²³² На латиннице *-ski*, *-sky*, *-ski*, на русском *-ский*, *-цкий*.

²³³ Например, Вишневецкий — владелец местечка Вишневец.

²³⁴ Мицкевич, Сенкевич и др.

²³⁵ Коперник, Новак, Ковалик, Ковальчук, Бубак, Рачко и др.

²³⁶ Например, Конечны.

²³⁷ Например, Длугош.

²³⁸ Например, Быстронь.

²³⁹ Круль, Сапега и др.

²⁴⁰ Никонов В.А. Поляки ... 1989. С. 256–257.

²⁴¹ Например: Витаутас ‘видящий народ’, Даумантас ‘много умеющий’, Бутвил, Радвил, Давмонт.

распространение с XIV — XV вв. и приспособленные к национальной фонетике²⁴². Литовские фамилии окончательно оформились в XVIII в., основой для их образования стали: 1) патронимы имеющие литовские и славянские патронимические суффиксы *-аитис*, *-унас*, *-онис*, *-енас*²⁴³; 2) имена без патронимических суффиксов²⁴⁴. Отдельно стоит выделить литовские фамилии с уменьшительно-ласкательными суффиксами *-елис*, *-утис*, а также со славянскими суффиксами *-ович*, *-евич*, *-инскис*, *-овскис*, *-анскис* и другие²⁴⁵.

В латышской антропонимической системе содержится два компонента²⁴⁶. Большинство латышей лютеране, поэтому свободны в выборе имени, которое может быть традиционным или придуманным, канонические имена распространены у латышей-католиков Восточной Латвии, латгальцев²⁴⁷. До второй половины XIX в. на латышскую антропонимию значительное влияние оказывало Остзейское дворянство, что привело к заимствованию немецких имен, адаптировавшихся к латышской языковой системе²⁴⁸. Со второй половины XIX в. нарастал протест латышей против немецкого влияния, что привело к распространению среди них: 1) древних латышских, литовских и прусских имен²⁴⁹; 2) имен, образованных от благозвучных латышских слов²⁵⁰. Латышские имена образуются на основе: аппелятива с прибавлением

²⁴² Например: Петрас < греч. Петрус, Эмилия < лат. Амелия, Кристина < греч. christina ‘христианка’, Больтрутис, Юргис, в том числе сокращенные Алекс, Григ, Йозис, Стасис, Урбас.

²⁴³ Рудайтис, Степанюнас, Банионис, Йозукевич, Урбанович, Ейцминович и др.

²⁴⁴ С древней основой Буйвид, Даубарас, Монтовил, Тарвид, от новых имен Битинас, Вилкас, Бальнис, Райзис, от христианских имен Багдонас, Домкус, Григас, Виткус.

²⁴⁵ Гудаувичус А. Природа в системе литовских личных имен // Вопросы ономастики. 2013. № 2(15). С. 138; Ванагас. А. Принципы и структура словаря современных литовских фамилий // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 72; Мацеяускаене В.В. Формирование литовских фамилий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15. 1981. Вильнюс, С. 1, 9–11, 16–18, 20.

²⁴⁶ Например, Янис Калныньш, Мирдза Озола.

²⁴⁷ Игнатс, Езупс, Женовева, Тереза, Бронислава и др.

²⁴⁸ Например: Петерис < нем. Питер, Эрнестс < Эрнст, Кристине < Кристин, Илзе < Ильза.

²⁴⁹ Таливалдс, Виестурс, Гедиминс, Бирута, Лайма, Милда, Аншлавс и др.

²⁵⁰ Например: Аусеклис ‘утренняя звезда’, Балва ‘награда’, Дайна ‘песня’, Яусма ‘предчувствие’, Юсма ‘восторженность’.

родового окончания²⁵¹, только аппелятива²⁵², путем сложения основ — антропооснова и формант со значением глагола с родовым окончанием *-дарс, -варс, -валдис, -гайдс, -несис, -милс*²⁵³. Мужские латышские имена всегда имеют окончания *-с, -ш, -ис, -ус*, женские *-а, -е*²⁵⁴.

Латышские фамилии формировались с первой половины XIX в. из разных основ и под влиянием различных языков, в первую очередь немецкого. В процессе образования, заимствованные иноязычные компоненты адаптировались к латышскому языку²⁵⁵. Другой тип фамилий — двухкомпонентные, из латышского языка и заимствованные²⁵⁶. Фамилии на основе родного языка, образованные от латышских слов, принимают формы: *Алкснис* ‘ольха’, *Балодис* ‘голубь’, *Балодитис* ‘голубок’, *Калнс* ‘гора’, *Калнийш* ‘горка’. Для большинства латышских фамилий характерно различие по родам²⁵⁷. В их образовании используются финали *-авс, -анс, -ниекс, -иньш, -итс, -итис, -манс, -манис*²⁵⁸.

В эстонскую антропонимическую модель входят два компонента. Особенностью финно-угорских языков является отсутствие признака рода, поэтому эстонские личные имена не различаются на мужские и женские²⁵⁹. Формальные признаки различия полов в эстонской модели сохранились для заимствованных канонических церковных

²⁵¹ Например, от *gaidīt* ‘ждать’ — жен. Гайда, от *gauss* ‘медленный’ — муж. Гайсис.

²⁵² Например, от *dzeja* ‘песня’ — жен. *Dzeja*, от *gaiķis* ‘неукротимый’ — муж. Гайтис.

²⁵³ Лаймдонис, Лаймгайдс, Лаймнесис, Миермилс, Миервалдис и др.

²⁵⁴ Сталтмане В.Э. Латыши // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 192–193; Замзаре Д.Э. Латышские личные имена // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 65–66; Моссаковская В.П. Латышские антропонимы в ономаσιологическом аспекте: структурный и семантический анализ // STEPANOS. 2016. № 6(20). С. 235–236.

²⁵⁵ Ср. лтш. Гринбергс — нем. Гринберг, Фердс < Ферд, Бекерис < Бекер, лтш. Крилавс — рус. Крылов, Мартинавс < Мартынов, Амеляновс < Емельянов. Заимствования из славянских языков принимали форму Яблонскис, Адамовичс, Каминскис, Юревичс, Казакс.

²⁵⁶ Например, Лиелманис (*liels* ‘большой’ + нем. *Mann*), Страутманис (*strauts* ‘ручей’), Янсонс (Янис + нем. *Sohn*).

²⁵⁷ Муж. Екабсонс — жен. Екабсоне, Аузиныш — Аузина, Алуанс — Алуане, Неретниекс — Неретниеце.

²⁵⁸ Сталтмане В.Э. Латыши // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 193–194; Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. С. 17–18, 20.

²⁵⁹ Например, муж. Юри — жен. Мари, Акто — Айно, Аат — Ает.

имена²⁶⁰. К XV – XVI вв. древняя эстонская антропонимия была вытеснена набором христианских имен, однако с приходом протестантской Реформации в XVI в. система календарных имен была нарушена, а начиная с XIX в. в обиход возвращаются некоторые древние имена²⁶¹. В конце XIX – начале XX вв. для эстонской антропонимии было характерно множество календарных имен²⁶², тогда же образуются имена с характерными окончаниями – мужские на *-p*, *-c*²⁶³, женские на *-a*, *-e*, *-u*²⁶⁴. Широко распространились эстонские мужские имена с окончанием на *-o*²⁶⁵.

Эстонские фамилии начали формироваться в городской среде с XIV – XV вв., однако на все эстонское население они распространились только в первой половине XIX в. Образовались эти фамилии из односложных и многосложных форм²⁶⁶, а также путем сочетания компонентов своего и чужого языка (немецкого, шведского, датского, русского, польского, английского). Больше всего эстонских фамилий образовались от личных имен²⁶⁷. Существуют эстонские фамилии, связанные с предметами и явлениями природы, в которых наиболее распространены компоненты *tamm* ‘дуб’, *maa* ‘земля’, *mets* ‘лес’, *puu* ‘деревья’, *meri* ‘море’²⁶⁸. Среди фамилий, образованных от занятий, первое место занимает *Сепп* ‘кузнец’ и ее немецкий вариант *Шмидт*. Слово *sepp* входит в наименования многих профессий, от которых образовались различные эстонские фамилии²⁶⁹.

Немецкая антропонимическая модель прошла продолжительную эволюцию от одноименной в древности к двухчастной в начале XX в. с двумя и более именами. Большинство исконно немецких имен состоят из двух компонентов, одни из которых характерны только для муж-

²⁶⁰ Например, муж. Йоханнес – жен. Йоханна.

²⁶¹ Например, муж. Лембит, Каупо, Химот, жен. Айта, Лайне, Лейда, Вирве.

²⁶² Мариа, Катрина, Элизабет, Андреас и др.

²⁶³ Илмар, Урмас и др.

²⁶⁴ Лейда, Эне, Вийви и др.

²⁶⁵ Раянди Э. Эстонцы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 354–355.

²⁶⁶ Йо, Тамм, Яанимяги, Шмидехельм, Уук-Тыверисти и др.

²⁶⁷ Например: Адамсон = Adam + son (‘сын Адама’), Йюримаа = Jüri + maa ‘земля’ (от Георгий), Карелсон = Karel + son (‘сын Карела’).

²⁶⁸ Алемаа, Меримаа, Пярнапуу, Тамм, Каземетс и др.

²⁶⁹ Раянди Э. Эстонцы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 355–356.

чин²⁷⁰, другие для женщин²⁷¹. Существуют универсальные компоненты для обоих полов, например *-mut*²⁷². В средневековье в немецкой модели широкое распространение получили христианские канонические имена из древнееврейского, греческого и латинского языков, а число древнегерманских имен снизилось. Как правило, календарные мужские немецкие имена оканчиваются на согласный²⁷³. Имена, оканчивающиеся на гласный, разделяются таким образом: женские на *-е*, *-а*, *-ине*²⁷⁴, мужские на *-о*²⁷⁵. После Реформации распространение получил более свободный, протестантский именник, пополнявшийся различными вариантами имен²⁷⁶. Существуют в немецкой модели и сокращенные формы имен²⁷⁷, приобретшие с XIX в. официальный статус и широкую популярность²⁷⁸.

Немецкие фамилии начали распространяться еще с XII в. как заменяемый компонент антропонимической системы, и официально были закреплены только в XVII – XVIII вв. Источники образования немецких фамилий были разнообразны. Патронимичные фамилии имеют несколько форм: 1) личное имя без изменений²⁷⁹; 2) личное имя в родительном падеже с сильным *-с* или окончаниями *-ен* и *-зен*²⁸⁰;

²⁷⁰ Основные: *-бранд*, *-гер*, *-берт*, *-харт*, *-фрид*, *-ганг*, *-хари*, *-муот*, *-рам*, *-виг*, *-вольф* (Хильдебранд, Лудгер, Альберт, Герхард ‘твердый как копье’ и др.)

²⁷¹ Например: *-хильд[е]*, *-хайд*, *-линд[е]*, *-бург* (Брунхильд[е], Адельхейд ‘женщина с сутью благородного рода’, Герлинд[е] и др.).

²⁷² Например, муж. Хартмут, Хельмут, жен. Альмут, Эрдмут/Эрдмате.

²⁷³ Петер, Иоганнес ‘бог милостив’, Пауль, Томас, Георг и др.

²⁷⁴ Ульрике, Кете, Катарина, Забине, Берта, Вильгельмина и др.

²⁷⁵ Отто, Гуго и др.

²⁷⁶ Ветхозаветными (Абрахам, Беньямин, Даниль, Ребекка и др.); краткими вариантами календарных имен (Ханс вместо Иоганнес, Андерс < Андреас, Грет < Маргарете и др.); из немецкого корнеслова (Фюрхтеготт, Эреготт, Трауготт, Готтельф и др.); французского происхождения (Анетте, Бабетте, Шарлотта, Луиза и др.)

²⁷⁷ Например, Kurt от Konrad, Klaus < Nikolaus, Gerd < Gerhard, Toni < Anton, Gabi < Gabriele.

²⁷⁸ Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: БГАУ, 2001. 110–111, 114, 134–135, 139, 141–142; Витковский Т. Немцы ГДР // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 230–231; Богословская З.М., Малкова Р.А., Шеголихина Ю.В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 336–337.

²⁷⁹ Клаус, Ульрих, Клаус Гюнтер и др.

²⁸⁰ Ян Петерзен, Хейнц Ханс, Андреас Гердес Каспер, Оттен и др.

3) личное имя с суффиксами *-ц (z)*, *-ч (-tsch)*²⁸¹; 4) личное имя с суффиксом *-ер (er)*²⁸²; 5) личное имя + суффиксы *-ена (ena)*, *-инг (ing)*²⁸³. Встречаются также и матронимические фамилии, часто имеющие префиксы *фер (ver, fer)*²⁸⁴. Распространены также немецкие фамилии, обозначающие место жительства²⁸⁵, они же образуются с помощью топонимов²⁸⁶. Очень многочисленная группа немецких фамилий образовалась от профессий, самые частотные из которых *Шмидт* (кузнец) и *Мюллер* (мельник), а также *Майер* (фермер), входящая в другие в качестве компонента. Эта группа фамилий включает в себя не только названия профессий, но и названия орудий труда, продуктов питания, растений, которые могли служить признаком профессии²⁸⁷. Для фамилий, возникших от прозвищ, наиболее частотны компоненты *haupt*, *kopf*, *haar*, *bart*, *bein*, *fub*²⁸⁸.

Несмотря на существование нескольких этноязыковых групп евреев, их антропонимия в основном совпадает. В начале XX в. основу еврейских имен составляли древние имена библейского происхождения, восходящие к ивritу²⁸⁹. Кроме библейских, также существуют еврейские имена на основе иврита, возникшие в средние века и позже²⁹⁰. В дополнение к общему набору, своей спецификой именования отличались восточноевропейские евреи-ашкеназы, составлявшие абсолютное большинство среди евреев Российской империи. Наибольшее число «новых» (неивритских) имен у ашкеназов образовалось на основе языка идиш²⁹¹. В их состав также входят слова или имена

²⁸¹ Ханс Фрич, Петер Дич, Фриц Диц и др.

²⁸² Дитрих Фалентинер, Клаус Хайнцер и др.

²⁸³ Хагена, Укена, Готтинг, Хартинг и др.

²⁸⁴ Ферьюттен, Фералекен и др.

²⁸⁵ Имеют суффиксы *-ер (er)*, *-ингер (inger)*, *-ман (mann)*, *-их (isch)* (Бруннер, Штрабингер, Мустерман, Дитрих и др.).

²⁸⁶ Например: *au*, *bach*, *berg*, *bruck*, *rode*, *thal*, *wald* (Роденхузер, Хелленталь, Лихтенбург и др.).

²⁸⁷ Нагель, Миттаг, Буттер, Корнблуме и др.

²⁸⁸ Комарова Р.А. Немецкая антропонимика. М.: Издательство Саратовского университета, 1979. С. 18–20.

²⁸⁹ Например, Иосиф, Исаак, Рахиль, Асаф ‘сборщик’, Пеннина ‘жемчужина’.

²⁹⁰ Например, Хаим ‘жизнь’, Йомтов ‘праздник’, Авиав ‘отец отцов’, Бентов ‘сын добра’.

²⁹¹ Например, Бер ‘медведь’, Мендл ‘человек’, Голде ‘золото’, Либе ‘любимая’.

европейских этносов²⁹². На особенности происхождения одних и тех же еврейских имен повлияли диалектные различия языка идиш²⁹³. Для записи евреев в метрические книги и другие документы на территории Российской империи могли использоваться сокращенные варианты имен из повседневного обихода, часто с уменьшительными суффиксами *-л-* или *-к-*, например: *Берко, Гершель, Мошка, Лейка*²⁹⁴.

Формирование фамилий у евреев берет начало от наследственных имен, употреблявшихся еще в древности для обозначения сословий священнослужителей и их помощников²⁹⁵. В средние века в обиход вошли фамилии-аббревиатуры²⁹⁶, а также распространились оттопонимические и прозвищные фамилии²⁹⁷. Позже еврейские фамилии образовывались от топонимов Пруссии, Австрии, Польши, России²⁹⁸. Официальное присвоение фамилий евреям в начале XIX в. привело к увеличению отаппелятивных форм, образованных от: 1) занятий²⁹⁹; 2) религиозных и общинных должностей³⁰⁰; 3) прозвищ³⁰¹. Значительная часть еврейских фамилий патронимические³⁰² и матронимические³⁰³. Официальное присвоение фамилий евреям-ашкенази привело к большому числу «искусственных» форм, на основе идиша³⁰⁴. Некоторое число еврейских фамилий адаптировалось к русскому языку³⁰⁵.

²⁹² Романских — Бейле (bella ‘красивая’), Вите (vita ‘жизнь’); германских — Мониш (от нем. Mensch ‘человек’); славянских — Зейде (‘дед’, из белорус., дзед), Бадане (из Богдана) и др.

²⁹³ Например, Алтер — Олтер, Шейне — Сейне, Ошер — Ушер.

²⁹⁴ Торпусман А.Н. Евреи // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 115—118.

²⁹⁵ Коган, Каган, Кон, Кун, Леви и др..

²⁹⁶ Например, Кац — коген цадик ‘праведный коген’, Зак — зера кдошим ‘семя праведных’.

²⁹⁷ Например, Франк, Эспиноса (> Спиноза), Лусада; Раппопорт — прозвище Рапе (нем. Rabe ‘ворон’) + город Порто.

²⁹⁸ Например, Берлинер, Оппенгеймер, Варшавский, Смоленский, Бродер.

²⁹⁹ Например, Киржнер ‘скорняк’ (идиш), Меламед ‘учитель’ (иврит), Рыбаков (восточнослав.), Капцан ‘нищий’ (ивр.).

³⁰⁰ Например, Рабинович, Шойхет ‘резник’, Парнас — главное должностное лицо кагала,.

³⁰¹ Например, Косой (рус.), Гровер ‘седой’ (идиш), Адмони ‘рыжий’ (ивр.).

³⁰² Аронсон, Хаймовский, Лейбович и др.

³⁰³ Бейлин, Сурис, Голдовский и др.

³⁰⁴ Например, Корнфельд ‘ржаное поле’, Вайсблат ‘белый лист’, Трахтенберг ‘мыслящая гора’.

³⁰⁵ Торпусман А.Н. Евреи ... 1989. С. 118—120; Приблуда А.С. Фамилии-

В начале XX в. татарская антропонимическая модель состояла из двух элементов. Система личных татарских имен включала несколько пластов, разнообразных по происхождению, среди которых: 1) древние общетюркские имена, образованные из имен нарицательных³⁰⁶; 2) старотатарские имена, относящиеся к древнетюркским³⁰⁷, болгаро-татарским³⁰⁸, кыпчакским³⁰⁹, реже к монгольским³¹⁰ и огузским³¹¹; 3) имена, заимствованные из арабского языка после принятия ислама в начале X века³¹²; 4) имена, заимствованные из персидского языка³¹³. В результате взаимодействия лингвогенетических пластов за многие сотни лет сформировалось множество гибридных имен: а) тюрко-татарских + арабских; б) тюрко-татарских + персидских; в) персидских + тюрко-татарских³¹⁴.

Татарские фамилии начали появляться в XV–XVI вв., и во второй половине XIX — начале XX вв. были уже широко распространены. Они формировались под влиянием русской антропонимической системы, поэтому образованы от основы с прибавлением суффиксов *-ов*, *-ев*, *-ин* для мужчин³¹⁵, и суффикса *-а* для женщин³¹⁶. Преобладающее большинство татарских фамилий произошли от отчеств, в основе которых национальные и заимствованные имена³¹⁷. Значительная часть фамилий образовалась от двусоставных имен, в которых вторым компонен-

аббревиатуры евреев // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 139, 141, 143, 146.

³⁰⁶ Например: Илбуга = ил ‘родина’ + буга ‘бык’, Тимеркотлык = тимер ‘железо’ + котлык ‘счастье’, Арслан ‘лев’, Уразбикэ = ураз ‘счастливая’ + бикэ ‘княгиня’ и др.

³⁰⁷ Хантимер, Мирзагали, Алпар, Сатмыш, Айсылу, Чулпан и др.

³⁰⁸ Например: Албарс, Алыпбарс = алып ‘великан’ + барс, Туйбикэ, Котлыбукаш, Тутай, Чутай, Булымчак.

³⁰⁹ Агиш, Бирдебэк, Айдар, Таштимер, Айтуган и др.

³¹⁰ Баян, Сайхан, Чаныш, Когына, Бату и др.

³¹¹ Абас, Корт, Делеш, Гилде, Кирэй и др.

³¹² Габдулла, Гали, Фатыйма, Шамсетдин и др.

³¹³ Рустам, Бану, Зифа, Нияз и др.

³¹⁴ Саттаров Г.Ф. Татары // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 301–302; Хазиева-Демирбаш Г.С. Репрезентация социальной модели мира в татарских личных именах // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 1. С. 17–18.

³¹⁵ Яруллин, Сабилов и др.

³¹⁶ Закирова, Шакирова и др.

³¹⁷ Например, Хасан — Хасанов, Амин — Аминов, Акташ — Акташев, Зарифулла — Зарифуллин, Гали — Галиев.

том выступает *дин* ‘вера’ или *улла* ‘аллах’³¹⁸. Еще одним источником фамилий служили мусульманские имена, приобретающие в татарском языке усеченные и уменьшительно-ласкательные формы³¹⁹. Реже фамилии происходили из названия титулов, профессий, топонимов: *Ханов* от ‘хан’, *Субашев* от ‘субаш’, *Крымов*, *Аксубаев*, *Москвин*³²⁰.

Структура армянской антропонимии состоит из двух компонентов. В начале XX в. существовало несколько исторических пластов армянских имен: 1) в честь древних армянских богов³²¹, царей³²², полководцев³²³; 2) национальные имена, образованные на основе апеллятивов, например, названий планет и звезд³²⁴, цветов³²⁵, драгоценных камней и красивых тканей³²⁶, праздников³²⁷, обозначающих красоту, счастье, ясность, утешение³²⁸; 3) заимствованные из других языков, например, древнееврейского³²⁹ и персидского³³⁰. Существуют также армянские имена, одинаково применимые для мужчин и женщин³³¹. Часть армянских имен имеют мужскую и женскую формы³³².

Формирование армянских наследственных имен и фамилий происходило в XV–XVII вв., а их повсеместное распространение пришлось на вторую половину XIX в. Фамилии образовались от патронима —

³¹⁸ Исламетдинов, Захидуллин и др.

³¹⁹ Например, от имени Сибгатулла образованы фамилии Сибгатуллин, Сibaков, Сибушев.

³²⁰ Саттаров Г.Ф. Татары ... 1989. С. 299; Шмелева О.Б. Английские, татарские и русские фамилии: типология, словообразовательный аспект // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 251–252.

³²¹ Например: Гайк — верховное божество, Ара — бог солнца, Анаит — богиня плодородия, Ваагн — бога грома и молнии.

³²² Тигран, Артавазд, Парандзем, Ашот и др.

³²³ Вардан, Мушег, Геворг и др.

³²⁴ Например, Арев ‘солнце’, Лусин ‘луна’, Астхик ‘звездочка’.

³²⁵ Манушак ‘фиалка’, Вард ‘роза’, Шушан ‘лилия’, Асмик ‘жасмин’.

³²⁶ Гоар ‘бриллиант’, Маргарит ‘жемчуг’, Алмаст ‘алмаз’, Метаксия ‘шелк’.

³²⁷ Навасард ‘Новый год’, Вартивор — языческий праздник воды, Арутюн ‘воскресение’, Амбарцум ‘вознесение’.

³²⁸ Гегецик, Ерджаник, Пайцар, Мхитар.

³²⁹ Абраам, Согомон (Соломон), Мовсес (Моисей), Давид.

³³⁰ Сурен, Гурген, Хосров.

³³¹ Например: Аршалуйс ‘рассвет’, Айастан ‘Армения’, Ерджаник ‘счастье’, Нубар ‘первенец’.

³³² Тер-Саркисянц А.Е. Армяне // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 59–60.

имени, прозвища, занятия основателя родственной группы, путем прибавления суффиксов, показывающих принадлежность, *-янци* (*-анци*, *-енци*), *-унци*, *-уни* (древняя форма)³³³. В наиболее распространенных суффиксах *-янци* (*-анци*, *-енци*) произошла постепенная утрата конечного *-ц* с переходом на суффикс *-ян*, в то же время сохранилась архаическая форма с суффиксом *-уни*³³⁴. Фамилии с суффиксами *-уни*³³⁵ наиболее распространены в двух армянских исторических областях. В конце XIX — начале XX вв. значительная часть армянских фамилий происходила от названий потомственных профессий³³⁶. Армянские фамилии не обладают категорией рода, а наличие суффиксов четко отделяет их от имен³³⁷.

Описание одиннадцати антропонимических систем позволяет выделить у них как общие, так и специфические черты, необходимые для последующей классификации ономастического материала. Антропонимия каждого этноса формировалась под воздействием нескольких исторических пластов. На начальном этапе бытовали древние национальные имена, образованные от апеллятивов — слов языка, имевших определенное значение. В последующем, значительное влияние на личные имена оказали религии: христианские имена в XV—XIX в. широко распространились у русских, белорусов, украинцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, немцев; евреи к началу XX в. именовались по большей части древними библейскими именами; принятие ислама в начале X в. оставило глубокий след в татарской антропонимии.

Этнические контакты на протяжении веков стали причиной заимствования иноязычных антропонимов и их отдельных компонентов. Формирование и распространение фамилий происходило у представителей разных языковых систем в XV—XIX вв. на основе патронимов, матронимов, прозвищ, либо искусственным образом. Однако, несмотря на выделенные сходства, каждая антропонимическая система имеет уникальную совокупность мотивирующих основ (внутренних форм), фонетики (звучания и произношения),

³³³ Например, Саакянц, Брутенц, Севунц, Бэнуни.

³³⁴ Аршакуни, Багратуни, Хорхоруни и др.

³³⁵ Арчунц, Гурунц, Сатунц и др.

³³⁶ Например: Дарбинян (по аналогии с 'Кузнецов'), Воскерчян 'Золотарев', Налбандян 'Ковалев'.

³³⁷ Тер-Саркисянц А.Е. Армяне ... 1989. С. 60—61.

морфологии (внутренней структуры). Чужие антропонимы не заимствовались точным копированием, но адаптировались к своей языковой системе. Основным этнодифференцирующим признаком среди антропонимов выступают фамилии, как правило, образованные с помощью специфичных суффиксов, окончаний, а также других компонентов.

**Антропонимы в домовых книгах Москвы
как основа для определения этнического состава жильцов**

Формуляр домовых книг предполагал внесение фамилии, имени и отчества жильца согласно правилам антропонимической модели, бытовавшей в России на начало XX в. у русских, белорусов и украинцев. В то же время языковые системы других этнических групп состояли только из двух членов — имени и фамилии, каждый из которых в свою очередь мог состоять из нескольких элементов, что приводило к возникновению на страницах домовых книг конструкций с несколькими именами и отчествами. Лица, вносявшие записи в домовые книги, в отдельных случаях испытывали трудности с правильным написанием окончаний двойных и тройных отчеств, не предусмотренных в русской антропонимической модели. Кроме того, некоторые отчества при переходе к русской антропонимии вносились в домовые книги по правилам, принятым в языковой системе их носителей³³⁸. Также случалось, что антропонимы в домовых книгах записывались в виде двух членов, в соответствии с правилами, характерными для собственных языко-

³³⁸ Например, при переходе от польской к русской антропонимии получилось Возняковский Владислав Михайлович-Стефанович-Викентьевич, где всем элементам тройного имени приданы соответствующие окончания. В другой раз запись приняла вид Гальская Катерина Томашевска, вместо Томашевна. В случае с латышскими антропонимами Эрист Наталья-Алида Карловна-Рейнголиз-Александровна первый и третий элементы отчества приведены к русской форме, а второй — остался без изменения. В другой записи Плауде Оскар-Ян Карлов-Плаудольк у первого элемента отчества потеряно окончание -ич, а второе — импровизация от имени Плауде, более созвучная латышскому языку. Сложные отчества встречаются и в еврейских антропонимах, например, Гольд Шмоши-Борис-Бер Львович-Лейбов отчество образовано от двойного имени Лев-Лейба, однако окончание его второго элемента скорее соответствует еврейским патронимам дофамильного периода (Лейбов сын). Подобные примеры окончания отчества на -ов встречаются у евреев еще в нескольких записях. Единожды у жителя из Дагестанской области отчество даже записано по-тюрки с перемещением на первое место, Галил-оглы Яков Рабинович.

вых систем³³⁹. Реже встречаются ошибки в именах и фамилиях, принадлежащих иноязычным антропонимическим системам³⁴⁰. Однако, несмотря на наличие в записях домовых книг множества иноязычных антропонимов, неудобных для произношения в русской языковой системе, они в абсолютном большинстве адекватно транскрибированы, без попыток упрощения, а выявленные неточности и ошибки не влияют на распознавание оригиналов.

Классификация антропонимических моделей по этническим группам выполнена на основе антропонимов жильцов, которые, имея уникальную совокупность мотивационной основы, внутренней структуры, звучания и произношения, обладают национальной окраской. При этом в качестве главного этнодифференцирующего признака использованы фамилии жильцов. Тем не менее, в домовых книгах имеются записи со сложными конфигурациями фамилий, имен и отчеств, несущих на себе отпечатки влияния иных языковых систем. Поэтому при классификации антропонимов учитывались как их происхождение, так и история межэтнических отношений.

Привлечение результатов всеобщей переписи 1897 г. позволило анализировать антропонимы в сочетании с религией и языковым составом региона, из которого происходил житель дома, прибывший в Москву³⁴¹. Разницу во времени между домовыми книгами 1918–1921 гг. и переписи

³³⁹ По такому принципу внесено большинство татарских антропонимов, например Юсипов Махмут, Саадетдинов Исифан. Двухчленная модель без отчества встречается у немцев, например Гергенкон Лина, Мейер Карл-Александр-Теодор, реже у поляков — Хрусмелевская Михалина, латышей — Кароль Нойшаль, эстонцев — Кентман Екатерина-Эммилия-Эльза, евреев — Магат Исаак.

³⁴⁰ Например, в польских отчествах написано Коземирович вместо Казимирович, Ромувальдович — вместо Ромуальдович, Доминикановна-Рамкольдовна — вместо Доминиковна-Рамуальдовна, также ошибка найдена в имени Юзоф вместо Юзеф. Неточно переданы два латышских имени Критьян вместо Кришьян и Яинис вместо Янис. Единичны отпечатки и в немецких антропонимах: отчество Людвикович должно выглядеть как Людвигович, а имя Леонара — как Леонора. У евреев один и тот же жилец в одном случае записан как Елиза, в другом — как Эльза, вместо отчества Гиршевна внесено Гиршовна, в отчествах двух братьев различается одна буква — Нохимович и Нахимович. Отпечатки сделаны и в татарских антропонимах, например оригинальная фамилия Сайфутдинова в ошибочных версиях выглядит как Сайфуйтдинова или Саифундинова.

³⁴¹ Погубернские тома Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Сведения о численности населения по уездам с распределением по вероисповеданиям и родному языку (Табл. XIV).

сю 1897 г., составившую от 21 года до 24 лет, можно считать не критичной, так как нет оснований полагать, что соотношение языковых групп на уровне уездов и губерний могло существенно измениться за период, равный жизни одного поколения. В отдельных случаях, подтверждением для определения этнической принадлежности жильца служили сведения о его родственных связях или социальном происхождении. Этническая принадлежность детей определялась по матери, а в отсутствии о ней сведений — по отцу или другому старшему родственнику.

Привлекаемая база данных содержит 7 325 записей, но при этом численность жильцов составляет цифру в 6 571 человек, так как многие из них за 1918—1921 гг. более одного раза прибывали и выбывали из дома, а значит, информация о них вносилась в домовые книги повторно. Непосредственно проанализирована этническая принадлежность 6 442 человек, для которых имелись сведения о регионе выхода, то есть более 98% жильцов, которые распределились на две группы: 1) Идентифицированные как русские, белорусы, украинцы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы, немцы, евреи, татары, армяне; 2) Прочие.

Из 6 442 жильцов определены как русские 4 906 человек, среди которых абсолютное большинство являлись носителями фамилий русского происхождения. Все эти носители русских фамилий имели православные имена и отчества, и происходили из уездов с преобладанием русских по языку, православного вероисповедания. Даже без уточнения вероисповедания жильцов, такой набор однозначных признаков с высокой вероятностью указывает на их русское происхождение³⁴². Остальные носители русских фамилий являлись выходцами из Западных губерний, Поволжья, Средней Азии, Кавказа, где смешанно проживали по несколько крупных языковых групп, либо преобладало население с нерусским родным языком, исповедующее одну из следующих религий: православие, католицизм, лютеранство, ислам³⁴³. В этих случаях наличие иноязычного окружения могло способствовать ассимиляции представителей русского меньшинства, однако сохранение ими антропонимов русского происхождения и отсутствие перехода в другую религию указывает на устойчивость у них исходной идентичности.

³⁴² Выражающееся формулой: русская Ф + православное ИО + православие / старообрядчество / католичество / лютеранство / отсутствие вероисповедания = русские.

³⁴³ В таких случаях формула приобретала вид: русская Ф + православное ИО + православие / старообрядчество / отсутствие вероисповедания = русские.

Особое внимание необходимо обратить на дифференциацию между русскими, украинскими и белорусскими антропонимами с одной стороны и польскими, белорусскими и украинскими — с другой. Продолжительное политическое и культурное влияние русской и польской составляющих отразилось на белорусской и украинской антропониимии, что в некоторых случаях выразилось в одинаковых окончаниях фамилий. Поэтому, в ходе анализа записей домовых книг и отделении белорусов и украинцев от русских и поляков возможны частичные пересечения этих этнических групп.

С другой стороны, множество фамилий белорусского и украинского происхождения отличались от русских и польских оригинальной внутренней структурой и содержанием. Также большинство белорусских и украинских фамилий имели отличные от русских окончания. Важными дифференцирующими признаками для белорусов и украинцев являлись также регион выхода и вероисповедание, которые в случае неоднозначности антропонимов позволяли сделать выбор в ту или иную сторону³⁴⁴. Кроме того, основой метода определения этнической принадлежности жильцов явился совокупный анализ таких признаков как фамилия, имя, отчество, вероисповедание, регион выхода, к которым при необходимости добавлялись социальная принадлежность и родственные связи. Именно сочетание всех признаков существенно повышает точность определения этнической принадлежности, а в данном случае выделения из общего списка жильцов белорусов и украинцев.

Небольшое число причисленных к русским носили фамилии нерусского происхождения, православные имена и отчества, а также прибыли из регионов с преобладанием носителей русского языка. Способы определения фамилий нерусского происхождения описаны ниже, здесь же принципиальным является их сочетание с остальными признаками, указывающее на процессы ассимиляции. Перечисленных признаков достаточно, чтобы причислить носителей белорусских и украинских фамилий к этническим русским без учета сведений об их вероисповедании. Общее влияние российской государственности, единое восточнославянское происхождение и бли-

³⁴⁴Что касается региона выхода, то имеется ввиду абсолютное преобладание в определенном уезде или губернии белорусов или украинцев над русскими или поляками по переписи 1897 г. В случае с вероисповеданием, оно позволяло выделить основную массу православных украинцев и белорусов при их абсолютном большинстве от поляков — католиков.

зость культур способствовали относительно быстрой ассимиляции белорусов и украинцев после их переселения в регионы с преобладанием русского населения³⁴⁵.

Остальные носители нерусских фамилий исповедовали православие, которое в сочетании с другими признаками, позволяет причислить их к русским. Очевидно, что под воздействием русского окружения в течении нескольких поколений происходила ассимиляция, в процессе которой от исходного этнического элемента сохранилась только иноязычная фамилия. Тот факт, что вместе с переходом на местные имена и отчества произошла смена религии, является индикатором окончательного перехода в русскую идентичность.

Жильцы, причисленные к белорусам и украинцам, в абсолютном большинстве являлись выходцами из губерний Запада и Юго-Запада России, где они численно преобладали. Половина же поляков, были выходцами из Западных и Центральных губерний, а также Кавказа и Поволжья России, где преобладали другие этнические группы. У большинства жильцов с белорусскими фамилиями, имена и отчества соответствуют именнику той религии, которую они исповедовали. Однако распространение среди белорусов двух религий обусловило в их антропонимах комбинации, в которых нередко сочетались православные и католические традиции именования. В отличие от белорусов, абсолютное большинство украинцев по языку имели православное вероисповедание. Поляки преобладали в губерниях, входивших в Царство Польское, а также во множестве проживали в других Западных губерниях Российской империи, и в абсолютном большинстве исповедовали католицизм.

Многие фамилии белорусского, украинского и польского происхождения неотличимы друг от друга, так как в русифицированной форме они имеют одинаковые окончания и образованы от одних и тех же основ³⁴⁶. Поэтому, особое внимание было уделено анализу фамильных основ, позволивших сначала выделить однозначные варианты белорусского, украинского и польского происхождения. Затем были выявлены носители фамилий белорусско-украинского, белорусско-польского или белорусско-украинско-польского происхождения. Большинство из них — белорусско-украинские фами-

³⁴⁵ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 129—130.

³⁴⁶ Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. С. 231.

лии, отличавшиеся от польских характерными восточнославянскими основами. Этническая принадлежность жильцов с фамилиями двойной или тройной принадлежности определена с учетом вероисповедания, по той языковой группе, которая преобладала в регионе выхода (уезде), если при этом численность других языковых групп была пренебрежительно мала³⁴⁷.

Жильцы, идентифицированные как литовцы, в большинстве своем имели католическое вероисповедание, меньшая их часть исповедовала православие и лютеранство. Они происходили из губерний Западного края, где преобладали над другими этническими группами. Литовские фамилии однозначно определены по характерным окончаниям и основам, зачастую представляющим собой слова из широкого круга лексикона.

На латышских и эстонских антропонимах отразилось влияние как немецкого дворянства, имевшее место на территории Остзейских губерний, так и пришедшей ему на смену в конце XIX в. политики русификации³⁴⁸. Поэтому неудивительно, что в домовых книгах среди латышей и эстонцев наблюдалась немалая доля лиц с онемеченными и русифицированными антропонимами. Эти жильцы, в большинстве своем прибывшие в Москву из Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерний. Кроме того, в ходе анализа было необходимо учитывать, что латыши, эстонцы и немцы в большинстве своем исповедовали лютеранство, за исключением латышей-католиков, проживавших в Латгалии. Тем не менее иноязычные фамилии «в значительной степени адаптировались к латышскому языку»³⁴⁹. Иноязычные фамилии в латышском и эстонском варианте имели характерные произношения и окончания, что позволило отделить их от сугубо немецких или русских³⁵⁰.

Немцы, являясь второй по численности этнической группой Москвы до Первой мировой войны, многие поколения проживали

³⁴⁷ При отсутствии сведений о религии, способ выбора этнической принадлежности тот же, только без учета вероисповедания.

³⁴⁸ Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. С. 3–4, 105; Раянди Э. Эстонцы // Системы личных имен у народов мира. М., 1989. С. 354–357.

³⁴⁹ Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия ... 1981. С. 17.

³⁵⁰ Дополнительными признаками служили: вероисповедание, регион выхода мигрантов, социальное происхождение и родство, а также перепись 1897 года, по которой можно сделать вывод о доле в составе в губернии немцев, латышей и эстонцев по родному языку.

во второй столице обособленно, в большинстве своем сохраняя лютеранское вероисповедание и моногамные браки³⁵¹. После начала войны в городе находилось множество немцев из Прибалтики, Поволжья и других регионов России, что обусловило в их антропонимах некоторую долю имен и отчеств из православного именника, отражающих процессы ассимиляции. Немцы в домовых книгах определены по характерным фамильным основам и окончаниям, с учетом окраски остальных антропонимов и дополнительным привлечением вероисповедания и региона выхода.

Надежным признаком для определения евреев в начале XX в. служила религия, поэтому в первую очередь к ним причислены все жильцы, имеющие иудейское вероисповедание. Но дальнейший поиск показал, что из числа жильцов, причисленных к евреям, только половина была отмечена как иудеи, еще несколько человек — как православные и лютеране, а оставшиеся не имели сведений о вероисповедании. В таких случаях применялся анализ антропонимов, характерных для евреев, в ходе которого дополнительными признаками послужили сведения о родственных связях и регионе выхода. Еврейское население не было локализовано в одной губернии, а проживало на довольно обширной территории Западного края Российской империи. Несмотря на иноязычные влияния, преобладающее большинство евреев сохраняли антропонимы, свойственные ашкенази как минимум в двух из трех членов антропонимической модели. В то же время изолированный набор библейских имен и специфичных фамилий, позволил причислить к этнической группе евреев и тех немногих жильцов, которые имели один антропоним с характерным национальным окрасом.

Среди татарских антропонимов в домовых книгах не наблюдается заимствований из русского языка, за исключением фамилий, которые в большинстве своем имеют русифицированные окончания. В основе большинства таких фамилий находились личные имена. Основным этнодифференцирующим признаком татар выступили антропонимы, за отсутствием у большинства из них сведений о вероисповедании. Дополнительным подтверждением послужил регион выхода, так как абсолютное большинство татар происходили из Поволжья, и только один — из Тамбовской губернии.

³⁵¹ Деннингхауз В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494-1941). М., 2004. С. 74.

Большинство армян однозначно определены по фамилиям, имевшим характерный национальный окрас, выраженный в окончаниях. В нескольких армянских фамилиях прослеживаются заимствования из русской антропониимии, тем не менее, такие варианты определены в сочетании с именами, отчествами, армяно-григорианским вероисповеданием и регионом выхода.

Таким образом, в анализ было вовлечено до семи признаков (фамилия, имя, отчество, регион выхода, вероисповедание, родственные связи, социальная принадлежность), каждый из которых снизил вероятность ошибки в ходе классификации. В то же время, применение метода не исключает вероятности того, что в полученных результатах существует взаимное пересечение этнических групп. Однако степень такого возможного пересечения ограничена массовостью привлекаемого материала, что способствует взаимокомпенсации ошибок. В ходе анализа из 6 442 жильцов определена этническая принадлежность 6 154 человек, абсолютное большинство из которых причислены к русским (4 906 чел.), а большая часть остальных — к этническим группам, преобладавшим в Западных губерниях России (табл. 4).

Таблица 4. Этнический состав жильцов 21 дома, проживавших в Москве в 1918–1921 гг., по домовым книгам

Этническая принадлежность	Численность жильцов
Русские	4 906
Евреи	403
Немцы	274
Поляки	177
Белорусы	113
Украинцы	109
Латыши	96
Эстонцы	29
Литовцы	18
Армяне	15
Татары	14
Прочие	288
Всего:	6 442

Рассчитано автором на основании: Домовые книги Москвы // ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Ф. 1331. Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Ф. 1331. Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Ф. 1331. Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

Полученные данные использованы в дальнейших расчетах, позволивших проследить тенденции в динамике этнического состава населения Москвы в 1918–1921 гг. и проанализировать их совместно со сведениями, полученными из переписей населения конца XIX – первой четверти XX вв. В то же время к концу XIX в. этнические меньшинства прошли разные пути миграций и расселения в Москве, поэтому для их анализа необходимо обратиться к истории.

ГЛАВА 3

Пространственное распределение этнических меньшинств на территории Москвы до Первой мировой войны

Этнические меньшинства на территории Москвы в XVII–XIX вв.

Картина этнического расселения в Москве складывалась не одно десятилетие. Вплоть до начала XVIII в. инородцы и иноверцы селились в городе относительно изолированно, в слободах, население которых отличалось по профессиональному составу в зависимости от выполнения определенных функций общегородского и государственного значения. С ростом населения Москвы и расширением государства возникла потребность в дополнительных функциях и профессиональных навыках. Это обстоятельство способствовало привлечению в город иноземцев, которым выделялись отдельные территории для компактного проживания — слободы, поселки, торговые иноземные дворы³⁵².

Известно, что в XVII в. выходцы из Польши и Литвы (поляки, литовцы, белорусы) проживали в трех слободах Москвы. Одна из них — Старопанская, располагалась на востоке города, на правом берегу Яузы, недалеко от ее устья. Население этой слободы довольно скоро ассимилировалось с русским окружением. Другая Панская слобода находилась на юге Москвы в западной части Замоскворечья. Ее основное население составляли офицеры польско-литовского происхождения, командиры полков иноземного строя. Под влиянием окружения обитатели слободы утратили этническую обособленность уже к концу XVII в. Еще одна слобода, населенная выходцами из Польши, носила название Мещанская и находилась на севере, за Земляным валом³⁵³. В ней преобладали выходцы из восточной части Польши, населенной преимущественно белорусами. Заметное переселение белорусов в Москву происходило с конца XVI — начала XVII вв. по причинам политического, религиозного и социально-экономического характе-

³⁵² Снегирев В. Московские слободы. М., 1947. С. 18.

³⁵³ Снегирев В. Московские слободы. М., 1947. С. 127–129.

ра. Русское правительство поощряло процесс переселения единоверцев для привлечения в столицу высококвалифицированных мастеров и ремесленников³⁵⁴. Кроме свободных переселенцев, в Москве находились пленные, не пожелавшие после русско-польской войны 1654–1667 гг. возвратиться на родину. Значительное увеличение белорусского населения в Москве привело к необходимости их концентрации в одном месте и созданию в 1672 г. Мещанской слободы. К концу 1670-х гг. выходцы из белорусских земель Польши и Литвы составляли более 10% посадского населения Москвы, в большинстве проживавшего в Мещанской слободе, жители которой в основном занимались ремесленным трудом и торговлей³⁵⁵.

В Москве XVII века существовало несколько мест, где концентрировались татары: казанские, касимовские, ногайские, крымские, сибирские. В восточной части Замоскворечья находилась Татарская слобода, состоявшая по большей части из переводчиков и толмачей. Недалеко от Китай-города располагался двор Касимовского царевича. Еще одним компактным местом проживания татар было торговое представительство Крымского хана в западной части Замоскворечья, на Крымском валу. Татары Москвы, представляющие феодальную знать, принимали христианство, интенсивно воспринимали русскую культуру и активно ассимилировались, в отличие от толмачей, живших обособленно и сохранявших культурную самобытность³⁵⁶.

Крупное поселение западных европейцев появилось в Москве еще в XVI в., когда при Иване Грозном была устроена Немецкая слобода между правым берегом Яузы и ручьем Кукуем. В слободе селили пленных выходцев из Ливонии и мастеров разных профессий из Западной Европы. Однако в Смутное время Немецкая слобода погибла, ее жители рассеялись. Несмотря на то, что иноземные слободы создавались на периферии Москвы, их жители стихийно стремились перебраться ближе к центру. После Смутного времени, в первой половине XVII в. компактные поселения западных иноземцев начали возникать в райо-

³⁵⁴ Солопова О.В. Этапы и истоки становления белорусского национального сознания в российских белорусских диаспорах // В едином историческом пространстве. Сб. научн. статей. М., 2009. С. 471.

³⁵⁵ Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Минск, 1957. С. 17, 20–21, 26.

³⁵⁶ Розенберг Л.И. Татары в Москве XVII – середины XIX века // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 17–18, 19–20, 22.

не нынешней улицы Маросейки и ее переулков, а также у Мясницких и Сретенских ворот. Однако этому процессу воспротивились местные посадские люди и духовенство, в результате чего иноземцам было запрещено приобретать дворы в черте Белого города, а затем они и вовсе были оттуда удалены.

Стремление держать выходцев из Западной Европы на достаточном удалении от центра Москвы обусловило создание Новой Немецкой слободы во второй половине XVII в. Слобода возродилась заново за Земляным городом, поблизости от старого места, чуть выше по течению Яузы. Новое поселение отличалось чертами западноевропейского городка, в котором проживали немцы, голландцы, англичане, шведы, итальянцы, французы. Изначально в Немецкой слободе преобладали военные — бывшие офицеры-наемники из Западной Европы, оставшиеся на русской службе после русско-польской войны 1632–1634 гг. Профессиональный состав остальных жителей слободы включал врачей, аптекарей, различных мастеров, живописцев, купцов — специалистов, в которых нуждался город и государство³⁵⁷.

Со второй четверти XVIII в. на смену кустарному производству, основанному на территориальном распределении профессиональных обязанностей среди населения Москвы, стали приходить крупные предприятия. Увеличение производительности труда привело к снижению численности тяглого слободского населения, которое стало переходить в другие чины. Постепенно посадское население Москвы начало группироваться по гильдиям, основанным на размере капитала, что означало размывание территориального обособления слобод³⁵⁸. На расселение этнических меньшинств по территории Москвы все большее влияние оказывала сословно-социальная принадлежность горожан.

В XVIII в. Российская империя активно расширялась в западном направлении, и если ранее оттуда в Москву ехали иностранцы, то позднее, среди приезжих нарастает численность подданных империи. В начале XVIII в. к России были присоединены Прибалтийские губернии, из которых в Москву перебирались остзейские немцы, а позже латыши, эстонцы и евреи. В конце XVIII в. после разделов Польши подданными Российской империи оказалось большое число поляков, литовцев, евреев, белорусов, украинцев.

³⁵⁷ Снегирев В. Московские слободы. М., 1947. С. 134, 136–137, 138, 140.

³⁵⁸ Снегирев В. Московские слободы. М., 1947. С. 147–149.

В начале XVIII в. иностранцам, желавшим заняться частным ремеслом, был открыт свободный въезд в Россию. Снятие ограничений для въезда в Москву европейских специалистов и активное приглашение их на работу вызвали рост численности населения Немецкой слободы в 2,5 раза. В ней возобладали лица вольных профессий, в число которых входили: мастера, преподаватели, медики, парикмахеры, повара, музыканты садовники, домашние учителя, гувернеры и др. В 1720-х гг. Немецкая слобода была включена в черту города, а иностранцы уже имели возможность свободно селиться в других частях Москвы³⁵⁹.

В последующие десятилетия XVIII в. земли Немецкой слободы интенсивно скупались, и к середине века более половины ее земельных участков уже принадлежало русским владельцам. Одновременно жители слободы переселялись на близлежащие территории и в другие районы города³⁶⁰. Численность неправославного населения слободы стабилизировалась и даже немного снизилась под влиянием переселений, а также миграций в Петербург части иноземцев вслед за императорским двором. Только в последней трети XVIII в. рост населения иноземцев в бывшей Немецкой слободе возобновился, чему способствовала колонизационная политика Екатерины II по привлечению немецкого населения в Россию³⁶¹.

В конце XVII — начале XVIII вв. Мещанская слобода заселялась уже не только белорусами, но и другими жителями Москвы, что ускорило их ассимиляцию в русской среде. В XVIII — XIX вв. белорусы не выделялись в качестве отдельной этнической группы во второй столице. Этому способствовала позиция власти по русификации восточнославянских этнических групп, культурно-языковая близость русских и белорусов, а также слабость этнического самосознания последних³⁶².

³⁵⁹ Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы XVII-XVIII вв. // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 5–6.

³⁶⁰ Келлер А. Немцы в Москве XVI — начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М., 1997. С. 61–62.

³⁶¹ Андреев А.Н. Динамика конфессиональной жизни лютеранской общины Святого Михаила в Москве в 1690-х — 1760-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. №1. С. 9.

³⁶² Солопова О.В. Белорусы Москвы: Очерки этносоциальной истории XVII — начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. М., 2005. С. 17–18.

В переписях Москвы 1871 г. и 1882 г. носители белорусского и украинского языков учтены как «русские»³⁶³.

В начале XVIII в. изменения происходили и в жизни татарской общины Москвы. Переход в христианство и обрусение татарской знати, а также отъезд части татар-толмачей в новую столицу Петербург, привели к снижению их численности. В конце XVIII в. в Москве проживало всего 25 татар мужского пола, при отсутствии женского³⁶⁴. Тем не менее, малочисленная татарская община Москвы не ассимилировалась окончательно, показателем чего стало возведение мечети в 1782 г. на территории бывшей Татарской слободы³⁶⁵.

До конца XVIII в. еврейское население попадало в Москву эпизодически, например, в качестве пленных во время войн с Польшей в период 1632–1667 гг. Первоначально их селили в Немецкой слободе, а после в Мещанской, как и остальных выходцев из Польши. Это еврейское население приняло христианство и ассимилировалось под влиянием русской среды. С конца XVIII в. в Москве начинают селиться евреи, ставшие подданными Российской империи после разделов Польши, в основном торговцы из регионов с преобладанием белорусского населения. Однако вскоре был принят указ о «черте оседлости», по которому постоянное проживание евреев ограничивалось пределами западных губерний России, поэтому в последующем их пребывание в Москве могло носить только временный характер³⁶⁶.

До XVIII в. армянское население Москвы состояло в основном из купцов, дипломатов, переводчиков из Персии и Турции, оставившихся в торговых дворах. Одно из таких поселений в XVII в. располагалось на Пресне, где существовала армянская церковь³⁶⁷.

³⁶³ Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 54–63; Перепись Москвы 1882 года. Вып. 2. М., 1885. С. 129–130.

³⁶⁴ Розенберг Л.И. Татары ... 1987. С. 21–22.

³⁶⁵ Гончарова Н.С. Татары в Москве: Опыт историко-статистического исследования: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. М., 2003. С. 14.

³⁶⁶ Куповецкий М.С. Еврейское население Москвы (XV–XX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 58–59.

³⁶⁷ Григорян А.В. Из истории армянской колонии Москвы (XIV – первая половина XIX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 52.

Известно также о караван-сараях армянских купцов, находившемся в конце XVI в. в окрестностях Лубянской площади в пределах Китай-города³⁶⁸. Неподалеку от этой местности, в восточной части Белого города (Столповский переулок), с середины XVIII в. начала формироваться армянская община, пополняемая мигрантами из Персии, Османской империи, Крыма — представителями торгово-экономической сферы. В конце XVIII в. там же возводится армянская церковь, а в начале XIX в. — училище³⁶⁹.

Возможность для западных европейцев в течение XVIII в. проживать вне Немецкой слободы привела к заселению ими некоторых территорий в центре города, что подтверждает постройка там культовых зданий. Первая католическая церковь появилась в центре Москвы по инициативе французов в конце XVIII в. на Малой Лубянке. Позже вокруг церкви были построены французское реальное училище, учебное заведение для девушек и богадельня, на основе которых формируется небольшой французский городок³⁷⁰. Недалеко от Малой Лубянки, чуть севернее французского храма, в первой половине XVIII в. был построен еще один католический костел представителями польской колонии. При костеле были построены корпуса, где разместились гимназия и библиотека³⁷¹.

После 1812 г. в Москву устремилась новая волна переселенцев из Германии, расселявшихся уже не на окраине, а в центральной части города. В их числе находилась значительная доля предпринимателей, организовавших предприятия в Москве в течение первой половины XIX века³⁷². В начале XIX в. в центре Москвы, в Старосадском переулке открывается новый лютеранский храм. Его здание было рассчитано на 1600 сидячих мест, что говорит о многочисленности лютеранской общины, проживавшей тогда в центре города. Во второй половине XIX в. численность прихожан этого храма составляла уже более 6 тыс. человек, из которых абсолют-

³⁶⁸ Бархударян В.Б. История армянских колоний ... 2015. С. 20.

³⁶⁹ Амирьянц И.А. Армяне Москвы // Москва. Народы и религии. М., 1997. С. 135–137.

³⁷⁰ Курило О.В. Католики в Москве // Москва. Народы и религии. М., 1997. С. 37–38.

³⁷¹ Курило О.В. Католики ... С. 40.

³⁷² Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Иларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г. Немцы: 250 лет в России. Т. 1. М., 2012. С. 129.

ное большинство составляли немцы, а латыши и эстонцы только 38 и 40 человек соответственно³⁷³.

Говорить о присутствии в Москве таких этнических групп как латыши и эстонцы, можно начиная со второй половины XIX в. Их доля в населении города была невелика даже в третьей четверти XIX в., когда по переписи 1871 г. общая численность населения Москвы составила 601 969 человек, носителей латышского языка было учтено 176 человек, эстонского — 157³⁷⁴. Тем не менее, во второй половине XIX в. наблюдается выделение верующих латышей и эстонцев в отдельные общины внутри лютеранского прихода в Старосадском переулке³⁷⁵. Рост этнического самосознания подталкивал латышей и эстонцев к обособлению от остальных лютеран, большинство которых составляли немцы³⁷⁶. Основу латышского населения Москвы составляли выходцы из Прибалтийских губерний — служащие, прислуга, учащиеся³⁷⁷.

В конце XVIII в. татары получили больше возможностей заниматься торговлей и записываться в городские сословия Москвы, что способствовало росту их численности. В начале XIX в. татар в Москве было 130 человек, к середине XIX в. эта цифра составляла уже около 500 человек. В первой половине XIX в. татары концентрировались на территории Москвы в районе бывшей Татарской слободы, где находился мусульманский молитвенный дом и центр общины верующих, а также в Никитском переулке, расположенном в северо-западной части Белого города. В этот период татарское население состояло из купцов, мещан, крестьян из Касимова, а также Казанской, Нижегородской, Вятской, Астраханской, Пензенской губерний³⁷⁸. В пореформенное время происходило формирование районов новой концентрации татарского населения в центральных частях Москвы и одновременно ускорение

³⁷³ Курило О.В. Лютеране в Москве // Москва. Народы и религии. М., 1997. С. 56–58.

³⁷⁴ Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 56, 58, 63.

³⁷⁵ Курило О.В. Лютеране ... С. 58.

³⁷⁶ Назарова Е. Латышская интеллигенция в России вторая половина XIX века // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX в. — 30-е гг. XX века. М., 2000. С. 17–18.

³⁷⁷ Бартеле Т.М., Шалда В.А. Латыши в Москве. Вторая половина XIX века — 1917 год // Отечественная история. 2002. №4. С. 51.

³⁷⁸ Розенберг Л.И. Татары ... 1987. С. 22–23.

роста их численности³⁷⁹ — перепись 1871 г. зафиксировала 918 носителей татарского языка³⁸⁰.

В начале XIX в. евреям, временно посещавшим Москву, разрешалось останавливаться только на постоялом дворе, находившемся в Зарядье, на территории Китай-города. Здесь, в Старознаменском переулке, концентрировалось еврейское население Москвы, состоявшее в основном из приезжих купцов, приказчиков, поверенных лиц — выходцев из западных губерний империи с преобладанием белорусского и литовского населения, Прибалтийского края и Волыни. Из-за временного характера пребывания еврейского населения на территории Москвы в первой половине XIX в. его численность росла медленно. В 1827 г. в Москве побывало 72 еврея, в 1846 г. — 192, в 1855 г. — 250. В середине XIX в. евреям было разрешено свободное проживание в Москве на время приезда, что расширило территорию их расселения по остальному Зарядью. К этому времени в Москве уже сформировалось постоянное еврейское население численностью около 400 человек, состоявшее из отставных солдат и их семей. Отслужившие рекруты получали право постоянно проживать в Москве и привозить свои семьи из пределов «черты оседлости». Отставные солдаты селились в торгово-ремесленных районах Москвы — Зарядье, Лефортове и др.

Во второй половине XIX в. для евреев-купцов 1 гильдии, лиц с высшим образованием и ремесленников, были сняты ограничения на проживание вне «черты», что способствовало резкому увеличению их прибытия в Москву из западных губерний России³⁸¹. По переписи населения Москвы 1871 г. численность жителей с родным еврейским языком составила уже 5 637 человек, проживавших во всех частях города³⁸². Еще одним местом концентрации евреев Москвы после Зарядья в то время являлась Мясницкая часть, где в 1870 г. в Большом Спасоглинищевском переулке открылась хоральная синагога³⁸³.

³⁷⁹ Садур В.Г. Татарское население Москвы (1860 — 1905 гг.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 27, 28.

³⁸⁰ Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 60.

³⁸¹ Куповецкий М.С. Еврейское население ... 1987. С. 59—61.

³⁸² Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М., 1874. С. 61.

³⁸³ Лобовская М. Путеводитель по еврейской Москве // Москва еврейская. М., 2003. С. 32.

В начале XIX в. армянское население Москвы оставалось малочисленным, однако после присоединения к Российской империи Восточной Армении в 1801–1828 гг. его численность начала возрастать. В 1805 г. в Москве проживало около 100 армян, к середине XIX в. уже от 500 до 756 по разным данным³⁸⁴. Перепись 1871 г. зафиксировала 594 носителя армянского языка, половина из которых проживала в Мясницкой части, где они концентрировались, начиная со второй половины XVIII века³⁸⁵.

Итак, исторический обзор позволил установить, что расселение этнических меньшинств в Москве происходило по определенным закономерностям. До начала XVIII в. иноземцы проживали в Москве отдельно от местного населения, в компактных поселениях, создание которых было взаимосвязано с необходимостью выполнения определенных функций. Так, в XVII в. за пределами Белого города формировались иноземные слободы из военнопленных, оставшихся на русской службе, ремесленников, толмачей. В центре города допускалось проживание для купцов, способствующих торговле Московского государства с другими странами.

После Смутного времени Москве требовалось восстановление, и западным иноземцам было разрешено свободно селиться в черте города, в результате чего в первой половине XVII в. они начали заселять восточную часть Белого города. Однако, во второй половине XVII в. по распоряжению властей большую часть иноземцев переселили в слободы, устроенные за чертой города. Была создана слобода, куда поместили польско-литовских офицеров из Польши и Литвы, отдельно были поселены многочисленные выходцы из белорусских земель Польши — ремесленники и мелкие торговцы. Еще одно компактное, но крупное поселение было образовано из немцев, голландцев, англичан, французов, итальянцев и других европейцев, являвшихся по большей части военными, оставшимися на русской службе. Существовала также немногочисленная Татарская слобода, образованная из толмачей и переводчиков. Во второй половине XVII в. белорусы компактно проживали на севере Москвы, татары, поляки и литовцы — на юге в Замоскворечье, западные европейцы — на востоке за Земляным валом, по правому берегу Яузы.

³⁸⁴ Григорян А.В. Из истории армянской колонии ... 1987. С. 56; Бархударян В.Б. История армянских колоний ... 2015. С. 99, 102.

³⁸⁵ Рассчитано автором на основании: Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 г. С. 60.

Со второй четверти XVIII в. происходило угасание московских слобод в связи с переходом от территориального к сословно-социальному принципу расселения, а представители этнических меньшинств получили возможность свободнее селиться на территории города. К началу XVIII в. ассимилировалось население слобод, где проживали выходцы из Польши и Литвы (белорусы, поляки, литовцы). В последующем, до конца XIX в. численность белорусов и украинцев затухала официальной статистикой, их старались не выделять из общей численности русскоязычного населения Москвы.

Также, в начале XVIII в. происходил приток представителей западных этнических групп в Немецкую слободу и их расселение по другим районам Москвы. В последующем до конца XVIII в. численность жителей Немецкой слободы стабилизировалась из-за снижения притока новых мигрантов, ассимиляции и переезда части из них в Петербург за царским двором. К началу XVIII в. ассимилировалась и большая часть татарской знати, что снизило численность татарского населения, локализовавшегося в одноименной слободе. Со второй половины XVIII в. в центре Москвы начала формироваться немногочисленная армянская община, первоначально состоявшая из представителей кучества и знати.

В конце XVIII — начале XIX вв. значительное число потомков западных иностранцев проживало уже не только на территории бывшей Немецкой слободы, но и в центре Москвы. Здесь в Мясницкой части в течение XVIII в. число католиков и лютеран выросло настолько, что для их религиозных общин были выстроены храмы на значительное число прихожан. Подавляющее большинство католиков составляли поляки и французы, лютеран — немцы. Различные послабления и экономическое развитие городов Российской империи в первой половине XIX в. привлекли в Москву новых мигрантов, что способствовало росту численности этнических меньшинств. Особо благоприятно экономический рост в России сказался на миграции немцев, которые наряду с поляками стали наиболее многочисленными этническими меньшинствами Москвы.

Рост численности остальных этнических групп происходил с отставанием по времени. До середины XIX в. численность большинства татар и армян Москвы росла невысокими темпами, они проживали компактно в районах своей первоначальной концентрации. Во второй половине XIX в. численность татар и армян продолжала постепенно воз-

растать, наметились новые территории их расселения в центральных частях города. В первой половине XIX в. еврейское население Москвы составляло несколько сот человек и концентрировалось в Зарядье, расположенном в восточной части Китай-города.

Во второй половине XIX в. для некоторых категорий евреев был постепенно снят запрет на постоянное проживание вне «черты оседлости», после чего их численность в Москве резко возросла. Одновременно начал формироваться новый район их компактного проживания в Мясницкой части. В третьей четверти XIX в. евреи являлись вторым по численности этническим меньшинством Москвы после немцев. Латышская и эстонская общины Москвы начали формироваться позже остальных, только со второй половины XIX в., когда место проживания на территории города можно было выбрать уже относительно свободно.

Таким образом, до начала XVIII в. иноземные слободы формировались обособленно за городской чертой на северной, восточной и южной окраинах Москвы, но их жители стихийно стремились перебраться ближе к центру, в восточную часть Белого города. Тем не менее, до XVIII в. власти не допускали формирования крупных поселений иноземцев в черте города и отодвигали их на периферию. В XVIII — первой половине XIX вв. этнические меньшинства получили возможность свободнее расселяться по территории Москвы, в результате чего появились новые места их концентрации в центре города. Наиболее предпочтительной для расселения этнических меньшинств в тот период являлась Мясницкая часть — восток исторической территории Белого города. Во второй половине XIX в. численный рост этнических меньшинств Москвы ускорился. В общем виде расселение этнических меньшинств в Москве до конца XIX в. происходило от изоляции на окраинах к последующему заселению сначала центра, а затем других районов города с сохранением их первоначальных районов концентрации.

Концентрация этнических меньшинств на территории Москвы в 1897–1912 гг.

До Первой мировой войны изменения в этническом составе населения Москвы происходили постепенно в ключе сформировавшихся ранее тенденций. Чтобы проследить динамику расселения этнических групп на территории Москвы в конце XIX — начале XX вв. необходимо обратиться к переписям населения 1897 г. и 1912 г., содержащим сведения об этнической принадлежности по дробным административным

единицам города. Такое распределение данных позволяет определить долю каждой этнической группы в населении отдельной части (участка) Москвы, а затем рассчитать индекс локализации, путем ее сравнения со среднегородским значением. Индекс локализации дает представление о степени концентрации этнической группы в определенном районе в сравнении с остальной территорией города. Значение индекса, равное единице, означает, что концентрация этнической группы на территории данной части (участка) равна общегородскому значению, что указывает на нейтральный принцип ее расселения в этом районе. Значения индекса большие или меньшие единицы указывают соответственно на привлекательность определенной территории города для данной этнической группы либо отсутствие таковой.

В отличие от этнического состава, индекс локализации не зависит от абсолютной численности и позволяет анализировать характер размещения даже относительно немногочисленных этнических групп. Это особенно актуально для Москвы конца XIX — начала XX вв., где 95% населения состояло из носителей русского языка, что затрудняет их наглядное сопоставление с этническими меньшинствами на основе удельного веса. Индекс локализации применялся исследователями как в ходе анализа этнической топографии Петербурга второй половины XIX — начала XX вв., так и при выявлении пространственной сегрегации сословий Москвы на рубеже XIX–XX веков³⁸⁶.

Результаты переписей населения 1897 г. и 1912 г. имеют некоторые особенности, которые необходимо учитывать при их сопоставлении. В качестве основного показателя этнической принадлежности населения Москвы из этих переписей были получены сведения о родном языке³⁸⁷. Численность евреев и армян была дополнительно уточнена по данным о вероисповедании иудеев и армяно-григориан, что несколько завышает их долю в сравнении с остальными этническими группами, однако в данном случае степень искажения гораздо ниже, чем при реконструкции их численности на основе родного языка. В переписи 1912 г. носители некоторых родственных языков учтены вместе: литовский и жмудский, немецкий с голландским и фламанд-

³⁸⁶ Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура ... 1984. С. 114–115; Былов Г.В. Пространственная сегрегация сословий ... 2015. С. 332–334.

³⁸⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Москва. Тетр. 2. С-Пб., 1904. С. 62–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26–27.

ским, а также татарский (кумыкский, ногайский и др.). Тем не менее, судя по переписи 1897 г., в Москве доля носителей основного языка абсолютно преобладала: немецкий составлял 99,9% в своей группе, литовский — 99,1%, татарский — не менее 92%³⁸⁸. Кроме того, по данным переписи 1912 г. не представилось возможным выделить долю носителей белорусского языка, так как они вошли в общую численность носителей русского языка³⁸⁹.

Результаты переписей различаются и по способу территориальной компоновки данных. В переписи 1897 г. данные о численности населения по родному языку распределены по 17 административным частям Москвы, а также ее пригородам без уточнения их названий, в одну строку. В переписи 1912 г. данные о численности населения, проживавшего в черте города, распределены по 44 полицейским участкам Москвы, 41 из которых входили в 17 городских частей, а 3 были включены в муниципальную часть после 1897 г. и являлись самостоятельными³⁹⁰. Кроме того, перепись содержит таблицу о численности населения по родному языку с распределением на 13 пригородных местностей, что в сумме с городскими участками составляет 57 административно-территориальных единиц.

Кроме существовавшей до революции сетки административного деления, в переписях населения Москвы выделялись более крупные зоны, границы которых совпадали с историческими местностями города и включали в себя более мелкие части и полицейские участки. Так, Центр включал только Городскую часть Москвы, где располагались Кремль и Китай-город (рис. 4). В первый пояс входили Тверская и Мясницкая части — территория Белого города от Центра до бульваров. Второй пояс повторял очертания Земляного города от бульваров до Садового кольца — Пречистенскую, Арбатскую, Сретенскую и Яузскую части. К третьему поясу относились территории за Садовым кольцом до муниципальной границы Москвы — на западе Хамовническая и Пресненская, на севере Сушевская и Мещанская, на востоке Басманная, Лефортовская и Рогожская части. В прошлом это была местность за Земляным городом, не имевшая четких границ. На юге выделялось Замоскворечье, где находились Якиманская,

³⁸⁸ Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Москва. Тетр. 2. С-Пб., 1904. С. 62, 63, 65.

³⁸⁹ Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26.

³⁹⁰ Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 1. 1906–1907. М., 1908. С. 1.

Рисунок 4. Схема поясов Москвы, по плану 1897 года

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы.

Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.).

Пятницкая и Серпуховская части, отделенные от остальной территории города Москвой-рекой³⁹¹.

Стоит также учитывать, что в период между переписями 1897 г. и 1912 г. границы полицейских участков корректировались как в текущем порядке, так и в связи с увеличением территории Москвы и ее пригородов в 1906 г. Поэтому площади одноименных административных единиц, включенных в обе переписи, различаются. С 1897 г. по 1912 г. площадь муниципальной Москвы, охваченная переписью, выросла на 28% — с 71,4 до 91,4 кв. км.

³⁹¹ Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 1. 1906-1907. М., 1908. С. 2.

При этом Центр, 1-й и 2-й пояс, а также Басманная, Якиманская и Пятницкая городские части увеличились или уменьшились на 0–7%. Территории Хамовнической, Пресненской, Сушевской, Лефортовской, Рогожской и Серпуховской частей, входивших в третий пояс, расширились на 12–40%. Наибольшее приращение (82%) имело место в Мещанской части, также расположенной в третьем поясе³⁹². Наименьшие изменения площади произошли в 10 центральных, расположенных ближе к центру городских частях, в то время как территория семи периферийных частей, увеличилась значительно за счет включения пригородов. К сожалению, площади 14 пригородных местностей в переписи 1897 г. не определены³⁹³, поэтому затруднительно проследить динамику охвата переписями пригородов. Известно только, что в 1912 г. территория пригородов, включенная в перепись, составляла 85,3 кв. км или 48% от общей площади Москвы³⁹⁴. Приведенные различия в результатах переписей 1897 и 1912 гг. указывают на снижение сопоставимости их данных от центра Москвы к окраинам.

Для понимания общей картины этнического расселения в Москве 1897 г. рассчитан совокупный индекс локализации, позволяющий распределить городские части по степени концентрации в них наиболее многочисленных этнических меньшинств (рис. 5). Чем выше индекс, тем выше доля этнических меньшинств в данной городской части относительно их доли во всем городе. В самом общем виде можно утверждать, что локализация этнических меньшинств возрастала от окраин к центру. Наибольшим индексом локализации отличались четыре городские части внутри Садового кольца Москвы — весь 1-й пояс, а также восток и север 2-го пояса. Особо выделялось восточная сторона в пределах 2-го пояса Москвы — Яузская и Мясницкая части, где доля этнических меньшинств превышала общегородскую более чем в два раза (рис. 5). Локализация этнических меньшинств выше средней наблюдалась в Городской части, куда входили Кремль и Китай-

³⁹² Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 1. 1906–1907. М., 1908. С. 2; Статистический ежегодник города Москвы. Выпуск 4-й. 1911–1913. М., 1916. С. 2.

³⁹³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 1. С-Пб., 1901. С. 52.

³⁹⁴ Статистический ежегодник города Москвы. Выпуск 4-й. 1911–1913. М., 1916. С. 3.

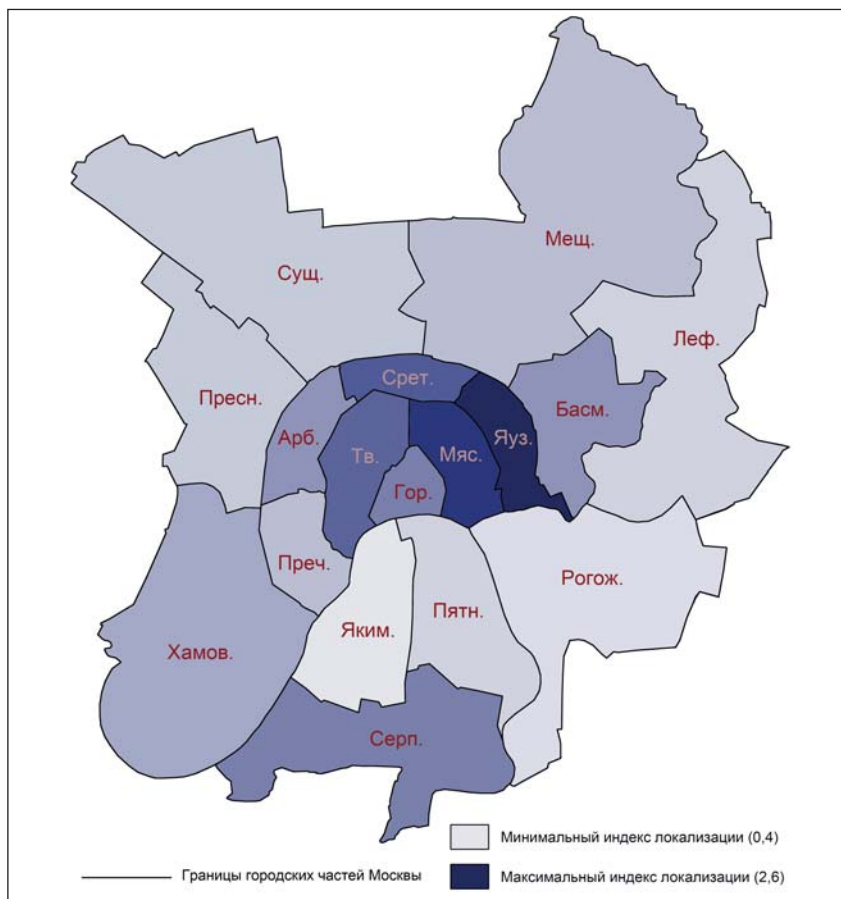

Рисунок 5. Степень концентрации этнических меньшинств в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

город, а также далекой от центра Серпуховской части, расположенной на южной окраине Москвы. Подобная картина наглядно демонстрирует сложный характер размещения этнических меньшинств, в которой самый центр города не обязательно служил наивысшей точкой их притяжения, а окраины — отталкивания.

Средние значения совокупного индекса локализации были свойственны для западной стороны 2-го пояса, куда входили Арбатская и Пречистенская части, а также примыкавшей к ним с юго-запада Хамовнической части и двух частей на северо-востоке — Мещанской и Басманной. Показатели индекса ниже среднегородского были характерны для территорий к северо-западу от внешней стороны Садового кольца — Сушевской и Пресненской частей, для восточной стороны Замоскворечья, где находилась Пятницкая часть, а также окраинной Лефортовской части на северо-востоке Москвы. Самая низкая локализация этнических меньшинств наблюдалась на юго-востоке Москвы в Рогожской части, расположенной на левом берегу Яузы близ Москвы-реки, на юге в Якиманской части, а также в пригородных местностях (рис. 5).

В таком размещении этнических меньшинств Москвы конца XIX в. прослеживается влияние смещения концентрации выходцев из Европы от восточных окраин к центру города, происходившее в XVIII — XIX вв. Теперь же расселение этнических меньшинств выглядело иначе — от первоначального места их компактного проживания в Лефортово невысокие значения индекса локализации постепенно повышались к западу, достигая максимальных показателей в Яузской и Мясницкой частях. Далее на север и запад индекс совокупной локализации этнических меньшинств снова понижался, оставаясь еще достаточно высоким в 1-м и 2-м поясах, но снижаясь до средних значений за пределами Садового кольца в 3-м поясе. В то же время, обращает на себя внимание Серпуховская часть на юге Москвы, где значения индекса локализации этнических групп были заметно выше, чем в остальных окраинах города.

Для анализа локализации отдельных этнических меньшинств на территории города дополнительно рассчитана такая статистическая характеристика как стандартное отклонение³⁹⁵. Оно рассчитано для каждой из 11 обследуемых этнических групп Москвы на основе вариационных рядов, составленных из их индексов локализации в 17 городских частях и пригородной местности согласно результатам переписи 1897 г. (табл. 5). Чем выше значение отклонения, тем выше доля этнической группы в одних районах Москвы и одновременно ниже в других, чем отклонение ниже — тем меньше разброс между

³⁹⁵ Миронов Б.Н. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. С. 45–46.

плотностью группы в разных частях города. Таким образом, отклонение дает представление о кучности проживания этнической группы, а значит, может служить характеристикой для сравнительных оценок о степени интеграции того или иного этнического меньшинства с окружающим русским большинством.

Таблица 5. Распределение этнических групп по степени равномерности расселения в Москве, по переписи 1897 г.

Этнические группы по языку	Стандартное отклонение
Русские	0,03
Поляки	0,53
Латыши	0,55
Литовцы	0,60
Эстонцы	0,76
Немцы	0,88
Евреи	0,89
Белорусы	0,95
Украинцы	1,05
Татары	1,09
Армяне	1,63

Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

У русских значение стандартного отклонения близко к нулю — признак нейтрального распределения по всему городу. Их доля в разных городских частях Москвы составляла от 87% до 98%, а локализация имела незначительные отклонения от среднегородских значений (табл. 6). Максимальное значение стандартного отклонения имело место в расселении армян, с высокой локализацией на территории 1-го и 2-го поясов Москвы и низкой — за их пределами. В Мясницкой и Городской частях индекс локализации армян более чем в пять раз превышал среднегородской уровень, снижаясь на запад до значений 2,4–2,1 в Тверской и Арбатской частях, на восток и север до 1,7–1,5 единиц в Яузской и Сретенской частях. На юго-западе 2-го пояса, в Пречистенской части, процент армян был близок к общегородскому, а на остальной территории — в несколько раз ниже. По конфигурации проживания армян на территории Москвы в конце XIX в. прослежи-

Глава 3

вается их расселение из места первоначального компактного поселения в Мясницкой части на прилегающие городские районы к западу, востоку и северу от нее³⁹⁶.

Таблица 6. Индексы локализации этнических групп в частях Москвы, по переписи 1897 г.

Городские части	Этнические группы по языку и вероисповеданию										
	Русские	Украинцы	Белорусы	Поляки	Литовцы	Латыши	Немцы	Армяне	Евреи	Эстонцы	Татары
Городская	0,98	1,5	0,1	1,1	1,1	2,0	0,4	5,2	3,0	0,3	2,5
Тверская	0,95	0,6	0,3	1,4	1,6	1,3	2,0	2,4	1,5	1,7	2,3
Мясницкая	0,94	0,2	0,2	1,2	0,8	1,4	2,8	5,6	3,3	1,7	1,1
Пречистенская	1,01	0,8	1,7	0,8	0,7	0,9	0,7	1,1	0,8	1,3	0,4
Арбатская	0,98	0,9	0,9	1,6	1,5	0,9	1,2	2,1	1,3	1,0	0,4
Сретенская	0,96	0,6	0,7	1,4	0,8	1,7	1,7	1,5	2,2	1,1	4,7
Яузская	0,92	3,3	2,4	2,0	1,9	2,0	3,5	1,7	2,1	3,1	0,7
Хамовническая	1,00	1,8	1,7	1,5	2,5	1,8	0,5	0,3	0,7	1,2	1,0
Пресненская	1,02	1,0	2,0	1,3	1,2	1,3	0,5	0,3	0,4	0,4	0,2
Сушевская	1,01	0,8	0,2	0,8	0,8	0,9	0,9	0,6	0,6	1,5	0,4
Мещанская	1,01	1,4	1,4	1,1	0,9	0,6	0,7	0,4	0,7	1,0	0,5
Лефортовская	1,02	0,4	0,1	0,7	0,4	0,3	0,5	0,2	0,8	0,5	0,4
Басманная	0,99	0,9	0,4	1,0	0,5	1,6	1,8	0,7	0,6	2,1	0,7
Рогожская	1,03	1,1	0,7	0,6	0,9	0,3	0,3	0,1	0,5	0,8	0,5
Якиманская	1,03	0,3	0,1	0,2	1,1	0,5	0,5	0,2	0,3	0,2	0,4
Пятницкая	1,02	0,1	3,6	0,2	0,3	0,3	0,6	0,2	0,6	0,0	1,9
Серпуховская	0,98	4,3	1,4	2,1	2,0	1,3	0,5	0,1	1,3	0,5	1,4
Пригородные местности	1,03	0,4	0,3	0,5	0,2	1,1	0,4	0,1	0,4	0,2	0,5

Расчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

³⁹⁶ См. Приложение. Рисунок 16.

Показатели скученности расселения остальных девяти этнических групп располагались на значительном удалении от крайних позиций, в среднем промежутке значений между ними. При этом, поляки, латыши и литовцы относительно равномерно проживали на территории городских частей Москвы, где наибольшие значения индекса их локализации не превышали среднегородские более чем в 2–2,5 раза (табл. 6). Представители этих этнических меньшинств концентрировались как в центральных районах города, так и в частях 3-го пояса, расположенных в том числе и на окраинах города. Наибольшие значения индекса локализации поляков были характерны для Серпуховской и Яузской частей, в два раза превышая там среднегородской уровень. В Арбатской, Хамовнической, Тверской и Сретенской частях его значения составляли 1,4–1,6 единиц. Таким образом, повышенная концентрация поляков находилась в двух крупных ареалах, один из которых включал южные и юго-западные окраины города, другой – почти весь 2-й пояс Москвы и примыкающую к нему западную часть 1-го пояса³⁹⁷.

Численность литовцев в Москве была на порядок меньше, чем поляков, однако ареалы их концентрации во многом совпадали³⁹⁸. Несмотря на расселение поляков и литовцев по всему городу к концу XIX в., их наибольшая локализация была характерна для территорий, где располагались Панские слободы в XVII в. – близ устья Яузы и в Замоскворечье. Наибольшая плотность проживания латышей имела место в Городской и Яузской частях, в два раза превышая там среднюю по городу. В целом повышенная локализация латышей прослеживается от центра на восток Москвы, включая Городскую, Мясницкую, Яузскую и Басманную части, к которым с севера примыкала Сретенская часть. Другой ареал концентрации латышей находился на юге и юго-западе Москвы в Серпуховской и Хамовнической частях, граничивших друг с другом³⁹⁹.

Среди остальных этнических меньшинств Москвы большей скученностью проживания отличались украинцы и татары. Наибольшая концентрация украинцев находилась в тех же городских частях, что и поляков – на южной окраине Москвы в Серпуховской части она более чем в четыре раза превышала общегородскую, на востоке 2-го пояса – более чем в три раза. В Хамовнической, Городской и Мещанской частях

³⁹⁷ См. Приложение. Рис. 20.

³⁹⁸ См. Приложение. Рис. 24.

³⁹⁹ См. Приложение. Рис. 28.

значения индекса локализации украинцев находились в пределах 1,8–1,4 единиц. Выделяются три ареала повышенной концентрации украинцев: один из них был растянут от южной окраины Москвы до юго-западной, второй — от Яузы до северных окраин города, третий, наименее выраженный, находился в самом центре города⁴⁰⁰. Местом наибольшего притяжения для татарского населения Москвы в конце XIX в. служила Сретенская часть, где их доля превышала общегородскую почти в пять раз. К югу локализация татар снижалась до значений 2,3–2,5 в Городской и Тверской, а еще южнее до 1,4–1,9 в Пятницкой и Серпуховской частях. В расселении татар на территории Москвы в конце XIX в. прослеживается постепенное перемещение их концентрации из Замоскворечья, где в XVII в. располагалась Татарская слобода, на север через центр города во второй пояс⁴⁰¹.

Средние значения стандартного отклонения были характерны для расселения эстонцев, немцев, евреев и белорусов. Концентрация эстонцев имела два выраженных ареала, один из которых включал Пречистенскую, Тверскую, Мясницкую, Яузскую и Басманную части, где индекс их локализации сначала возрастал с запада на восток, достигая максимального значения 3,1 единицы в Яузской части, а затем снижался в Басманной. Другой ареал концентрации эстонцев находился на севере Москвы в Суцевской части, где индекс их локализации составлял невысокие 1,7 единиц⁴⁰². Немцы концентрировались в центре и на востоке Москвы, в Яузской, Мясницкой, Тверской, Басманной и Сретенской частях. Индекс их локализации был максимален в Яузской части, где его значения превышали средние в 3,5 раза, постепенно снижался к центру и резко к востоку. В таком размещении немцев на территории Москвы в конце XIX в. прослеживается смещение их концентрации из Немецкой слободы на запад, в центр города в течение XVIII–XIX вв. В результате этого в тех городских частях, куда немцы поселились позже, их концентрация настолько возросла, что стала выше, чем в районе их первоначального компактного проживания⁴⁰³.

Для евреев была характерна высокая плотность проживания только внутри Садового кольца Москвы, особенно в Мясницкой и Городской

⁴⁰⁰ См. Приложение. Рис. 32.

⁴⁰¹ См. Приложение. Рис. 36.

⁴⁰² См. Приложение. Рис. 40.

⁴⁰³ См. Приложение. Рис. 44.

частях, где индекс их локализации более чем в три раза превышала среднегородскую. На восток, север и запад от самого центра города индекс понижался до 2,1–2,2 единиц в Сретенской и Яузской частях, до 1,3–1,5 единиц в Тверской и Арбатской. Таким образом, в XIX в. преимущественным направлением при смещении концентрации евреев из места их первоначального компактного проживания в Зарядье, служило северо-восточное направление в пределах 1-го и 2-го поясов Москвы⁴⁰⁴.

Белорусы концентрировались в двух ареалах, один из которых представлял собой обширную территорию всего юго-запада третьего пояса Москвы, где в Пятницкой части индекс их локализации в 3,5 раза превышал среднегородской уровень. Далее южнее в Серпуховской части концентрация белорусов снижалась до значений индекса 1,4 единицы, а западнее на территориях Пресненской, Пречистенской и Хамовнической частей, снова повышалась, до двух единиц. Другой ареал концентрации белорусов находился на юго-востоке, где индекс их локализации составлял 2,4 единицы в Яузской части и снижался к северу до 1,4 единиц в Мещанской части. В расселении белорусов прослеживается постепенное смещение их концентрации из места их компактного проживания в Мещанской слободе в XVII в. на юг во 2-й пояс⁴⁰⁵.

Итак, анализ результатов расчетов на основе сведений из переписи населения 1897 г. показал, что исследуемые этнические меньшинства присутствовали на всей территории города, но с разной степенью локализации. Русские абсолютно преобладали в населении Москвы и были равномерно представлены во всех городских частях со средними значениями индекса локализации. Наиболее скученно в Москве проживали армяне, отличаясь от остальных этнических меньшинств самыми высокими значениями индекса локализации в центре города и одновременно низкими на его окраинах. Такое сочетание признаков может указывать на наибольшую обособленность армян в сравнении с остальными этническими меньшинствами, проживавшими на территории Москвы в конце XIX в. У остальных девяти этнических меньшинств сочетание кучности расселения по территории Москвы, выбора мест концентрации и фактора культурной близости с окру-

⁴⁰⁴ См. Приложение. Рис. 48.

⁴⁰⁵ См. Приложение. Рис. 52.

жающим русским большинством было не столь очевидно. Например, украинцы и белорусы, несмотря на свою культурную и языковую близость с русскими проживали в городских частях Москвы более скученно, чем поляки, латыши, литовцы, эстонцы, немцы и евреи⁴⁰⁶.

Основным районом концентрации армян оставалось место их первоначального компактного проживания в Мясницкой части, откуда они расселялись преимущественно в Городскую часть и далее в западном направлении в пределах Садового кольца. Концентрация евреев смещалась из Зарядья в близлежащие территории центра Москвы, преимущественно на северо-восток. Концентрация татар перемещалась с юга на север — из Замоскворечья, в Сретенскую часть, расположенную во 2-м поясе Москвы. Ареал наибольшей концентрации немцев сместился за XVII–XIX вв. из Лефортово в западном направлении в восточную часть центра города. К концу XIX в. ареалы наибольшей концентрации обследуемых этнических меньшинств имели тенденцию к расширению и смещению. Концентрация армян и евреев изначально имела место в самом центре Москвы, но в последующем возросла и на территории близлежащих частей. Иначе процесс расселения происходил у татар и немцев, максимальная локализация которых сдвигалась к центру города из мест их первоначального компактного проживания на окраинах Москвы. Ареалы концентрации армян, евреев, татар и немцев смещались, обособляясь в центральных частях Москвы, представлявших собой наиболее урбанизированную среду.

Эстонцы концентрировались в двух ареалах на территории Москвы, один из которых совпадал с аналогичным ареалом у немцев в Яузской части города, второй находился на северо-западе Москвы городских частях 3-го пояса. Для латышей, поляков, литовцев, украинцев и белорусов общим районом концентрации являлись Серпуховская и Хамовническая части 3-го пояса на юге и юго-западе Москвы. Существовало еще несколько районов, в которых ареалами концентрации у разных этнических меньшинств пересекались: у латышей и немцев это восточная часть центра города, у поляков и литовцев — Арбатская и Яузская части 2-го пояса, у белорусов и украинцев — Яузская и Мещанская части.

⁴⁰⁶ Такая ситуация могла сложиться из-за быстрой ассимиляции носителей украинского языка, в результате чего перепись учитывала в основном мигрантов первого поколения, селившихся компактнее, чем их потомки.

Таким образом, концентрация эстонцев, латышей, литовцев, поляков, украинцев и белорусов как в центре, так и на окраинах Москвы косвенно указывает на большую степень их интеграции в городское пространство в сравнении с остальными этническими меньшинствами. В то же время пересечение мест концентрации этнических меньшинств совпадало с их культурной близостью. Южные и юго-западные окраины Москвы являлись местами концентрации латышей, литовцев, поляков, украинцев и белорусов — представителей этнических групп, преобладавших в западных губерниях России. В некоторых других частях города схожие ареалы концентрации этих же этнических меньшинств возникали по иному принципу. Так, эстонцы и латыши, в большинстве своем лютеране, при расселении в Москве тяготели к лютеранам немцам, под влиянием которых долгое время находился Остзейский край. Схожие ареалы концентрации связывали поляков и литовцев, а также украинцев и белорусов — этнические группы, близкие в культурном, языковом и конфессиональном отношениях.

Переходя к динамике расселения этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX — начале XX вв., необходимо отметить, что расчеты индекса локализации по материалам переписи 1912 г., произведены с привязкой к 17 городским частям, то есть так же как по переписи 1897 г. Данные о локализации этнических меньшинств в участках, не входивших в городские части в 1912 г. проанализированы отдельно. При сравнении ареалов совокупной концентрации этнических меньшинств на территории Москвы в 1897 г. и 1912 г. можно констатировать относительную схожесть их расположения, а также распространение (сдвиг) в западном направлении (рисунки 5—6). В Яузской части, расположенной на востоке 2-го пояса Москвы, индекс совокупной локализации этнических меньшинств остался самым высоким, но не повысился, в то время как западнее, в Мясницкой, Сретенской, Тверской и Арбатской частях, он возрос на 6—42%.

Выросло и количество городских частей, в которых индекс локализации этнических меньшинств стал близок к среднегородскому уровню. Это произошло за счет его снижения в Серпуховской части на юге Москвы и роста на севере Замоскворечья, северо-западе и на востоке — в Пятницкой, Сушевской и Лефортовской частях. Самый низкий индекс локализации этнических меньшинств сохранился для боль-

шинства пригородных участков, а также Рогожской и Якиманской частей, расположенных на юго-востоке и юге Москвы вблизи ее центра.

Для уточнения ареалов концентрации этнических меньшинств в 1912 г. совместно с данными переписи, распределенными по городским частям, привлечены сведения с привязкой к более дробным административным единицам Москвы — полицейским участкам. Территория центра, внутри которой локализация этнических меньшинств превышала среднегородскую в 1,3 раза и более, включала все участки Городской, Яузской, Сретенской и Арбатской частей, а также 1-й и 2-й Мясницкие, 2-й и 3-й Тверские, 2-й Пречистенский и 1-й Пятницкий участки. В участках, примыкавших к Городской части (Центру) с северо-востока, индекс локализации этнических групп превышал среднегородское значение в 2,3–4,1 раза, понижаясь к западу. В целом, территория концентрации этнических меньшинств ограничивалась с запада, севера и востока внешним контуром 2-го пояса, а с юга ломаной линией, за границами которой оставались такие участки 1-го и 2-го поясов как 1-й Пречистенский, 1-й Тверской и 3-й Мясницкий, зато входил 1-й Пятницкий из Замоскворечья.

Наиболее отчетливая разница в концентрации этнических меньшинств имела место между участками, примыкавшими к Центру с востока, достигая различий в 3,5–5 раз между 3-м Мясницким и 2-м Мясницким, а также между 2-м Яузским и 1-м Рогожским участками. Кроме того, совокупный индекс локализации этнических меньшинств равный 1,4–1,6 единиц, был характерен для некоторых окраинных участков: 3-го Лефортовского на востоке Москвы и 3-го Пресненского пригородного на ее северо-западе (рис. 6).

Таким образом, в 1897–1912 гг. центр Москвы в пределах Садового кольца продолжал оставаться территорией преимущественного расселения этнических меньшинств, их концентрация возрастала на территории 1-го и 2-го поясов города, смещаясь на запад. При этом значение совокупного индекса локализации этнических меньшинств все еще оставалось максимальным на той территории Москвы, которая примыкала к Центру с северо-востока. В то же время, на окраинах Москвы в городских частях 3-го пояса, прослеживается тенденция их более равномерного расселения. Территория концентрации этнических меньшинств была ограничена с запада, севера и востока внешним контуром 2-го пояса, а с юга условная граница проходила ломаной линией севернее и южнее рек Москвы и Яузы.

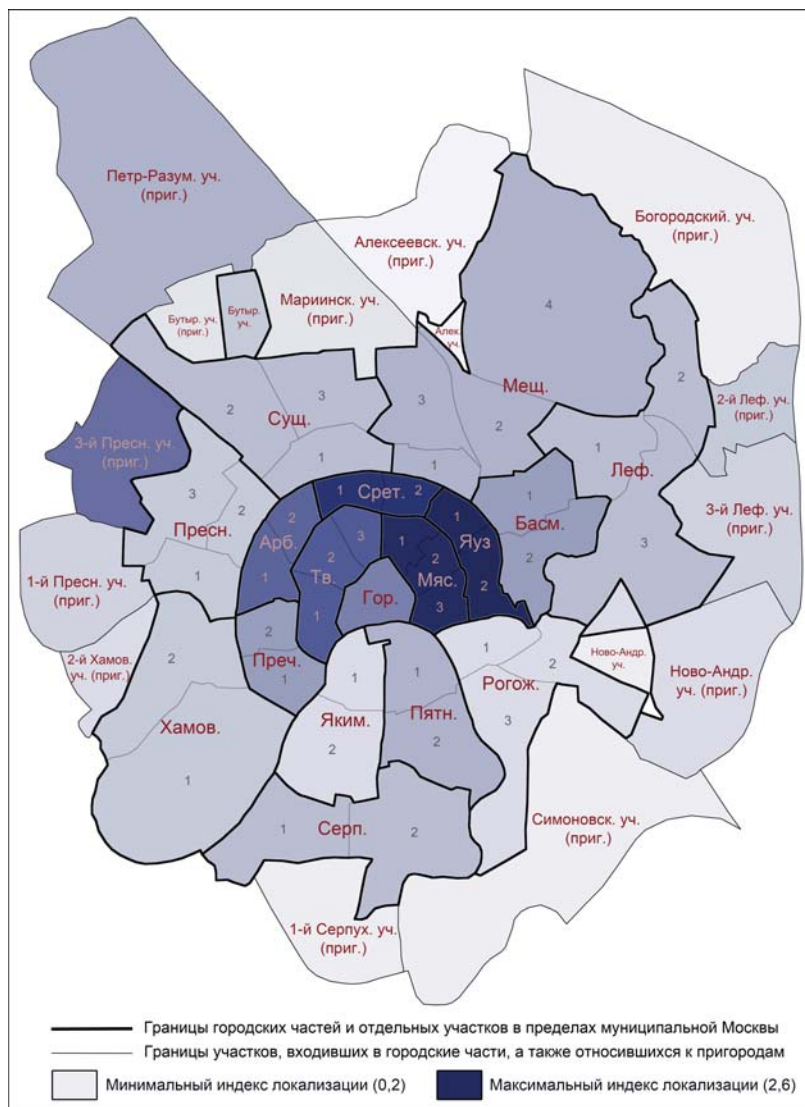

Рисунок 6. Степень концентрации этнических меньшинств в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами.

// URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.);

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

То есть в начале XX в. реки не являлись однозначным фактором для расселения этнических меньшинств на территории Москвы, а условные границы их концентрации проходили как по водным преградам, так и по суше. Наиболее четкая граница перепада концентрации этнических меньшинств в районе устья Яузы свидетельствует о наличии условий, ограничивавших расселение большинства из них в 3-м Мясницком и 1-Рогожском участках. Несмотря на тенденцию к более равномерному расселению этнических меньшинств на территории 3-го пояса Москвы, в ней также имелось несколько мест их концентрации, в северо-западном участке на Пресне, на востоке в Лефортово, а также на севере Замоскворечья (рис. 6).

Расчет стандартного отклонения значений индексов локализации этнических групп в 1912 г. позволяет проследить динамику кучности их расселения на территории Москвы за 15 лет (табл. 7). Русские сохранили абсолютное преобладание в населении Москвы и были относительно равномерно расселены по всем частям и участкам города (табл. 8). Кучность расселения армян на территории Москвы незначительно снизилась, оставаясь, однако, намного выше, чем у остальных этнических меньшинств. Ареал концентрации армян не только сохранился, но и расширился, включив Центр, 1-й и весь 2-й пояс Москвы, однако место, где она была наибольшей, переместилось из Мясницкой и Городской частей западнее — в Арбатскую и Тверскую, превысив там среднегородское значение индекса в 5 раз. Одновременно вырос индекс локализация армян восточнее и севернее Центра в Яузской и Сретенской частях Москвы, а также на юго-западе в ее Пречистенской части⁴⁰⁷. Среди полицейских участков наибольшим индексом локализации армянского населения отличались входившие в 1-й и 2-й пояса Москвы — 2-й Арбатский, 1-й Мясницкий, 2-й Тверской, 3-й Тверской и 1-й Арбатский, где их доля превышала среднегородскую в 4–6 раз.

В расселении остальных этнических меньшинств на территории Москвы с 1897 по 1912 гг. также произошли изменения: у поляков и украинцев значение стандартного отклонения, характеризующего кучность их проживания в тех или иных частях города, снизилось на 28–40%, у литовцев осталось на прежнем уровне, у латышей, эстонцев, немцев, евреев и татар — возросло на 9–34% (табл. 7). Проживание поляков на территории Москвы стало еще более равномерным, индек-

⁴⁰⁷ См. Приложение. Рис. 17.

Таблица 7. Распределение этнических групп по степени равномерности расселения в Москве в 1897–1912 гг., по переписям

Этнические группы по языку	Стандартное отклонение	
	1897 г.	1912 г.
Русские	0,03	0,04
Поляки	0,53	0,38
Латыши	0,55	0,69
Литовцы	0,60	0,58
Эстонцы	0,76	1,02
Немцы	0,88	1,02
Евреи	0,89	1,13
Белорусы	0,95	-
Украинцы	1,05	0,62
Татары	1,09	1,19
Армяне	1,63	1,57

Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

сы их локализации в Арбатской, Яузской, Серпуховской, Сретенской, Тверской и Пресненской частях превышали среднегородское значение только в 1,3–1,7 раза (табл. 8).

Таким образом, к 1912 г. территория концентрации поляков в центральных частях города расширилась в западном направлении за счет Пресненской части из 3-го пояса. Южный ареал концентрации поляков сохранился только в Серпуховской части, так как на юго-западной окраине Москвы индекс их локализации снизился до среднегородского значения⁴⁰⁸. Расчет индекса локализации поляков на территории полицейских участков Москвы позволяет установить, что их повышенная концентрация на обширной территории имела свои пиковые значения в 3-м Пресненском пригородном участке на северо-западе и 1-м Мясницком в центре. Польское население также концентрировалось в нескольких окраинных участках: 3-м Лефортовском на востоке, 2-м Серпуховском на юге, 1-м Хамовническим на юго-западе.

⁴⁰⁸ См. Приложение. Рис. 21.

Таблица 8. Индексы локализации этнических групп в частях Москвы, по переписи 1912 г.

Городские части	Русские	Украинцы	Поляки	Литовцы	Латыши	Немцы	Армяне	Евреи	Эстонцы	Татары
Городская	1,0	0,3	0,8	0,2	0,5	0,4	1,4	3,4	0,3	2,1
Тверская	0,9	1,2	1,4	1,2	1,7	1,9	5,0	2,0	1,8	1,5
Мясницкая	0,9	0,4	1,2	2,1	2,0	3,6	3,2	4,0	2,6	0,8
Пречистенская	1,0	1,2	0,8	0,7	1,5	1,1	1,7	1,5	1,6	0,2
Арбатская	1,0	1,8	1,7	1,9	1,6	1,3	5,4	2,1	1,9	0,4
Сретенская	0,9	0,9	1,4	2,0	2,3	1,9	1,8	2,4	2,5	5,4
Яузская	0,9	3,0	1,7	1,3	2,8	4,0	2,0	3,1	4,1	0,7
Хамовническая	1,0	1,4	1,1	0,5	0,5	0,6	0,5	0,6	0,6	0,6
Пресненская	1,0	1,1	1,3	1,9	0,7	0,5	0,5	0,4	0,7	0,4
Сущевская	1,0	1,3	1,0	0,9	1,1	0,9	0,8	0,8	1,0	0,4
Мещанская	1,0	1,0	1,1	1,2	1,1	0,9	0,3	0,6	0,9	0,9
Басманная	1,0	0,7	1,0	0,8	1,3	1,6	0,5	0,9	1,4	1,1
Лефортовская	1,0	1,1	1,2	0,7	0,6	0,7	0,2	0,7	0,6	0,8
Рогожская	1,0	0,6	0,5	0,6	0,6	0,5	0,1	0,5	0,3	0,5
Якиманская	1,0	0,5	0,5	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5	0,5	0,4
Пятницкая	1,0	0,6	0,4	0,4	0,5	0,8	0,4	0,8	0,4	2,5
Серпуховская	1,0	1,5	1,5	0,5	0,6	0,4	0,2	0,7	0,2	1,0
Остальные городские и пригородные территории	1,0	0,6	0,7	0,8	0,5	0,4	0,2	0,2	0,5	0,8

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

В результате роста кучности проживания латышей на территории Москвы остался только один выраженный ареал их концентрации в центре города, где она даже возросла и сместилась к западу, распространившись на все части 1-го и 2-го поясов. На южных и юго-восточных окраинах, а также в Городской части, индекс локализации латышей снизился до значения ниже среднегородского⁴⁰⁹. Наибольшая концентрация латышей была присуща участкам к северу и северо-

⁴⁰⁹ См. Приложение. Рис. 29.

востоку от Городской части — 1-му Мясницкому, 2-му Яузскому, 2-му Мясницкому и 3-му Тверскому. В этих участках индекс локализации латышей превышал среднегородской в 2,2–3,4 раза, имея максимальные значения на востоке и снижаясь к западу. Еще один менее значительный центр концентрации латышей находился на восточной окраине Москвы в 3-м пригородном Лефортовском участке.

За 15 лет концентрация литовцев снизилась в два раза на юго-западе в Хамовнической и в Серпуховской частях, составив там значения, близкие к среднегородским. Остался только один ареал их концентрации в центре, территория которого расширилась к западу таким образом, что в Мясницкой, Сретенской, Арбатской и Пресненской частях индекс их локализации превысил среднегородское значение в два раза⁴¹⁰. Максимальной концентрации литовцы достигли в участках, расположенных к северу от Центра в 1-м Мясницком и 2-м Сретенском участках, где значения индекса их локализации составляли 2,7–4,4 единиц. Один локальный район концентрации литовцев находился на востоке Москвы, в Ново-Андроньевском участке, где их доля в 3,5 раза превышала среднюю по городу. Еще два локальных ареала их концентрации существовали на северной и восточной окраинах Москвы в 3-м Мещанском и 3-м пригородном Лефортовском участках.

К 1912 году кучность проживания эстонцев возросла, из двух ареалов их концентрации остался только один в центре, его территория распространилась на все части 1-го и 2-го поясов Москвы⁴¹¹. Район наибольшей концентрации эстонцев включал Яузскую часть, 1-й и 2-й Мясницкие, а также 2-й Сретенский участки, располагавшиеся к северо-востоку от Центра. Также эстонцы локально концентрировались на северо-западной окраине Москвы в Петровско-Разумовском пригородном участке и на северо-востоке во 2-м Лефортовском, где индекс их локализации в два раза превышал среднегородскую.

Немцы концентрировались на территории тех же частей Москвы, что и 15 лет назад, однако кучность их размещения возросла. Индекс локализации немцев возрос в Яузской, Сретенской и особенно Мясницкой частях, но снизился в Басманной и Тверской, то есть произошло смещение их концентрации с востока на запад к центру города⁴¹². Наибольших значений индекс локализации немцев достиг на терри-

⁴¹⁰ См. Приложение. Рис. 25.

⁴¹¹ См. Приложение. Рис. 41.

⁴¹² См. Приложение. Рис. 45.

тории к северо-востоку от Центра в 1-м и 2-м Мясницких, а также 1-м и 2-м Яузских участках, где она составила 3,7–4,9 единиц.

Территория концентрации евреев к 1912 году расширилась до пределов Садового кольца Москвы, а именно, повысившись в Пречистенской части, полностью включила Центр, 1-й, а также 2-й пояса города. Одновременно выросла и кучность размещения евреев, то есть в центре их концентрация повысилась, а на окраинах еще более снизилась. Индекс локализации евреев возрос в районе их первоначального компактного проживания, находившемся в Мясницкой и Городской частях, а также вырос к востоку, северу и западу от них⁴¹³. Наибольшая концентрация евреев имела место к северо-востоку от Городской части, в 1-м и 2-м Мясницких, а также 1-м Яузском участках, где их доля превышала среднегородскую в 4,1–6,8 раз. К большому ареалу концентрации евреев в центре города примыкали участки за пределами 2-го пояса Москвы, где индекс их локализации также имел значения выше средних – 1-й Пятницкий в Замоскворечье и 1-й Мещанский на северо-востоке города.

Расселение украинцев в Москве к 1912 году приобрело более равномерный характер, их концентрация снизилась в Городской, Серпуховской и Мещанской частях, но повысилась в Арбатской и Сущевской. По сравнению с 1897 годом индекс локализации украинцев снизился в Центре, на юге и северо-востоке Москвы, но повысился на северо-западе, где образовался новый район их концентрации⁴¹⁴. Анализ по участкам выявил несколько удаленных друг от друга районов наибольшей концентрации украинцев, где их плотность превышала среднегородскую в 2–4 раза: во 2-м Яузском участке на востоке 2-го пояса; на восточной окраине города в 3-м Лефортовском участке; на северо-западе во 2-м Сущевском, 3-м Пресненском пригородном и Петровско-Разумовском пригородном участках. Кроме того, имели место отдельные участки концентрации украинцев, расположенные на южных, юго-западных и северо-восточных окраинах Москвы. Таким образом, большинство мест концентрации украинцев находилось вне центра города, то есть в его 3-м поясе.

В отличие от украинцев, кучность проживания татар на территории Москвы за 15 лет возросла. При этом ареал их concentra-

⁴¹³ См. Приложение. Рис. 49.

⁴¹⁴ См. Приложение. Рис. 33.

ции сохранился в центре города, но сократился до четырех городских частей за счет снижения индекса локализации татар на юге в Серпуховской части. Однако, если по данным переписи 1897 года концентрация татар в центре Москвы повышалась с юга на север относительно равномерно, то к 1912 году индекс их локализации повысился в Сретенской части на севере и Пятницкой на юге, но понизился между ними — в Городской и Тверской частях⁴¹⁵. Анализ по полицейским участкам позволил точнее обозначить образование двух районов концентрации татар, где индекс их локализации превышал среднего-городской в 5–8 раз. Один из таких районов включал 1-й Сретенский и 3-й Тверской участки на севере, другой — 1-й Пятницкий на юге в Замоскворечье. Существовали еще несколько локальных мест концентрации татар на окраинах, где индекс их локализации был выше среднегогородского в 1,6–2 раза: 3-й Пресненский пригородный участок на северо-западной окраине Москвы, 2-й Хамовнический пригородный на западе, Ново-Андроньевский на востоке и 2-й Мещанский на северо-востоке.

Обобщая полученные результаты, необходимо учитывать, что этнические меньшинства Москвы постоянно пополнялись за счет прибытия мигрантов, а значит, ассимиляция затрагивала их с разной степенью интенсивности. В конце XIX — начале XX вв. происходил бурный рост населения Москвы, которое на две трети формировалось из неместных уроженцев⁴¹⁶, при этом в городе абсолютно преобладали русские, доля которых по языку составляла около 95%⁴¹⁷. Значит, в 1897–1912 гг. мигранты обеспечили большую часть прироста русского населения Москвы, что является ориентиром для оценки вклада миграций в процесс расселения этнических меньшинств на террито-

⁴¹⁵ См. Приложение. Рис. 37.

⁴¹⁶ Доля жителей, родившихся вне Москвы в 1897 г. составила 73,8% от общей численности ее населения, в 1902 г. — 72,6%, в 1912 г. — 70,9%. Рассчитано автором на основании: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1903. Т. 24. Тетр. 2. С. 2.; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1904. С. 7, 21; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 74.

⁴¹⁷ Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 62–65; Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26–27.

рии города (табл. 9). У эстонцев, латышей, литовцев, татар, армян, евреев и поляков темпы прироста численности оказались выше, чем у русских, что указывает на преобладание мигрантов в их составе в 1912 г. Численность немцев росла медленнее русских в 2,5 раза, у украинцев наблюдался отрицательный прирост, данные о белорусах в переписи 1912 г. отсутствуют.

Таблица 9. Прирост удельного веса этнических групп Москвы за 1897–1912 гг., по переписям

Этнические группы по языку	Прирост, %
Эстонцы	343
Латыши	286
Литовцы	204
Татары	127
Армяне	120
Евреи	92
Поляки	86
Русские	56
Немцы	20
Украинцы	– 33
Белорусы	-

Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

Удельный вес эстонцев, латышей и литовцев вырос в Москве за 15 лет на 204–343% или в 4–7 раз быстрее русских, что указывает на абсолютное преобладание мигрантов в составе прибалтов. В этот период возросла кучность проживания эстонцев и латышей, ареал их концентрации расширился на всю территорию 1-го и 2-го поясов, индекс их локализации возрос в центре, но снизился на периферии в 3-м поясе. Изменения в расселении литовцев на территории Москвы проявились не столь выраженно, несмотря на значительный приток мигрантов. Кучность их проживания даже немного снизилась, а район концентрации распространился по некоторым частям 1-го и 2-го поясов, а также включал северо-западную часть города из 3-го пояса и три участка на окраинах.

В отличие от прибалтов, значительный приток татар в Москву не сопровождался расширением ареала их концентрации. Скорее внутри этого ареала наметилось образование двух полюсов — в Сретенской части на севере и в Замоскворечье на юге, где ранее находилось место первоначального компактного поселения татар. Даже несмотря на значительное увеличение численности татарского населения Москвы, происходило увеличение его плотности на территории двух «обжитых» районов концентрации, ограниченных по площади в пределах центра города.

Значительный рост численности армян и евреев за 1897–1912 гг. на территории Москвы происходил на фоне расширения ареалов их концентрации, которые включили Центр, а также все части 1-го и 2-го поясов Москвы. Но если в 1897 г. районы с наибольшим индексом локализации евреев и армян совпадали, то через 15 лет у евреев такой район продолжал находиться в Мясницкой и Городской частях, а у армян область максимальной концентрации сместилась к западу в Арбатскую и Тверскую части. Вместе с тем кучность размещения евреев на территории Москвы повысилась, а у армян сохранилась на прежнем уровне, оставаясь, однако, самой высокой. Пополнение численности армян и евреев на территории Москвы за счет мигрантов извне, с одной стороны сопровождалось расширением ареалов их концентрации, с другой — способствовало их обособлению в пределах центра города, вне которого их расселение происходило менее интенсивно. Особенностью роста численности армян в Москве стало возникновение нового района их наибольшей концентрации, находившегося за пределами непосредственной близости от места их компактного проживания в XVIII в., что может свидетельствовать об изменении регионов выхода мигрантов армянского происхождения, а также их социального состава.

Несмотря на значительный прирост удельного веса поляков Москвы к 1912 году, их расселение на территории Москвы стало более равномерным. За 15 лет индекс локализации поляков снизился в центре, но вырос на окраинах. В 1912 г. поляки, не имея одного выраженного ареала, концентрировались в нескольких районах — на северо-западе в Пресне, внутри Садового кольца, на востоке в Лефортово и на южных окраинах города.

Если удельный вес большинства этнических меньшинств в населении Москвы увеличился благодаря высокому приросту, то доля немцев,

напротив, снизилась с 1,7% до 1,3%⁴¹⁸, что свидетельствует о невысоком притоке мигрантов, пополнявших эту этническую группу. Ареал концентрации немцев за 15 лет сохранился в тех же пределах и был вытянут с востока на запад, включая Басманную, Яузскую, Мясницкую, Сретенскую и Тверскую части. Однако внутри этого ареала изменилось соотношение значений индексов локализации немцев в разных городских частях, в результате чего их концентрация сдвинулась западнее, к центру города. Повысилась и кучность проживания немцев на территории Москвы — в центре их концентрация возросла, в то же время на окраинах — снизилась. Таким образом, незначительное пополнение немецкого населения Москвы мигрантами извне не стало фактором их более равномерного расселения по территории города. Наоборот, в начале XX в. немцы все более обособлялись в центре города.

Единственной из 11 обследуемых этнических групп Москвы, чья численность за 15 лет снизилась, являлись украинцы, отрицательный прирост которых составил 33%, а доля в языковом составе населения Москвы снизилась с 0,43% до 0,18%⁴¹⁹. В то же время, расселение украинцев по территории Москвы стало более равномерным, на что указывает снижение кучности их проживания на 40%. При этом небольшие ареалы концентрации украинцев в основном были рассредоточены по окраинам города⁴²⁰.

Таким образом, в начале XX в. направления смещения концентрации этнических меньшинств имели как различия, так и общие тенденции, на которые накладывали отпечаток образование первоначальных мест их компактного проживания и масштаб притока в них мигрантов. Ареалы концентрации большинства этнических меньшинств расширялись в пределах Центра, 1-го и 2-го поясов Москвы, а также смещались на запад. В то же время на территории 3-го пояса Москвы и Замоскворечье расселение этнических меньшинств становилось все более равномерным.

⁴¹⁸ Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 62; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 27.

⁴¹⁹ Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 62; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26.

⁴²⁰ Одной из причин снижения численности украинцев может служить их недоучет в переписи 1912 г. из-за разницы подходов с переписью 1897 г. при определении родного языка.

ГЛАВА 4

Влияние миграций военного и послереволюционного времени на численность и расселение этнических меньшинств Москвы в 1915–1923 гг.)

Беженцы в населении Москвы во время Первой мировой войны

В ходе Первой мировой войны происходило как принудительное выселение, так и стихийное перемещение больших масс людей из западных прифронтовых территорий вглубь страны. Часть таких мигрантов прибывала в Москву на временное или постоянное жительство. Ускоренное прибытие выходцев из западных губерний России в Москву вносило в ее этническую структуру существенные изменения, нехарактерные для мирного времени. Массовое движение беженцев в тыловые районы империи началось после отступлений на фронте весной-летом 1915 г.⁴²¹ По разным источникам, в период с 1915 г. по лето 1917 г. их численность в Москве колебалась от 128 до 170 тыс. человек⁴²². При этом значительная часть мигрантов военного времени, осевших в городах России, не регистрировалась в качестве беженцев⁴²³. Из-за отсутствия данных о национальности или родном языке в изданной

⁴²¹ Бахурин Ю. А. Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.) // Великая война: сто лет. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 173; Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 104–105; Курцев А. Н. Военные беженцы в городах России (1914–1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. СПб., 2009. С. 325.

⁴²² Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 105; Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. №1. С. 11; 1916. №4. С. 10; 1917. №17. С. 13; 1917. №19. С. 7; Курцев А.Н. Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Т. 2. Белгород, 2007. С. 130, 133.

⁴²³ Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.–Пг., 1923. С. 37; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.–Л., 1930. С. 69–70, 72.

статистике определить точный этнический состав населения Москвы в этот период затруднительно.

Чтобы проследить динамику этнического состава населения Москвы в военный период, проанализирован его конфессиональный состав по данным ведомостей о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1916 гг., являвшимся разновидностью текущего административного учета. В качестве дополнительных источников использовались результаты переписи населения Москвы 1902 г. о родном языке и вероисповедании, а также сведения Татьянинского комитета о национальности беженцев, находившихся в Москве в 1917 г. Указанный метод не предполагает получение данных высокой точности, однако позволяет наметить тенденции в соотношениях этнических групп Москвы в военные годы, а также оценить разницу между численностью всех мигрантов и зарегистрированных беженцев. Вопросы соотношения конфессионального и этнического состава Москвы в период Первой мировой войны также затрагивались нами в одной из публикаций⁴²⁴.

По расчетам В.М. Кабузана, в начале XX в. точность текущего административного учета в России возрастала, приближаясь в Центрально-промышленном районе к результатам переписей⁴²⁵. Однако, сопоставление конфессионального состава населения Москвы довоенного времени по административной статистике и по переписям 1902 и 1912 гг. указывает на некоторые различия. Во-первых, расхождения касались общей численности населения Москвы, которая в 1912 г. составила по переписи 1 617 700 человек, а по данным Московского статистического комитета – 1 779 738 человек, то есть оказалась завышена на 10%. Во-вторых, в мирное время текущий учет в сравнении с переписью занижал долю православных на 2–3%, протестантов – в 2 раза, но завышал долю католиков в 2 раза, старообрядцев – в 1,5 раза, мусульман – в 2 раза, и в то же время относительно точно отражал долю иудеев и армян⁴²⁶. Но несмотря на указанную разницу с данными из переписи

⁴²⁴ Григорян Г.Ш. Изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 304–319.

⁴²⁵ Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. М., 1982. С. 110, 114.

⁴²⁶ Рассчитано автором на основании: Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21; Ведомости о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1912 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 698.

сей, текущий учет демонстрирует относительную стабильность показателей в мирное время, что позволяет использовать его для выявления изменений в конфессиональном составе Москвы, происходивших в период Первой мировой войны (табл. 10).

Таблица 10. Конфессиональный состав населения Москвы в 1908–1916 гг. по данным текущего учета, %

Вероисповедание	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1915 г.	1916 г.	Разница 1911–1916 гг.
Православные	89,6	90,7	91,0	91,6	87,4	80,4	–11,2
Католики	3,9	3,3	2,9	2,9	6,1	8,5	5,6
Старообрядцы	2,9	2,3	2,4	2,1	2,0	6,3	4,2
Мусульмане	1,2	1,2	1,1	1,2	1,3	1,5	0,3
Протестанты	1,1	1,2	1,1	1,0	1,3	1,3	0,3
Иудеи	0,8	0,8	1,0	0,7	1,2	1,4	0,7
Армяно-григориане	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	0,1
Прочие	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0

Рассчитано автором на основании: Ведомости о числе жителей по вероисповеданиям в г. Москве и Московской губернии за 1908–1911 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 698; Ведомости о числе жителей г. Москвы по вероисповеданиям за 1915–1916 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 977. Л. 7 об., 72 об.

В мирные 1908–1911 гг. конфессиональный состав Москвы менялся незначительно. Абсолютное большинство в городе составляли жители православного вероисповедания, чья доля медленно повышалась. В 1910-х годах стабилизировался процент католиков, постепенно снижалась доля старообрядцев, в то время как удельный вес остальных конфессий Москвы оставался относительно стабильным. Так как массовый приток беженцев в Москву начался только с середины 1915 г.⁴²⁷, можно утверждать, что в 1914 г. конфессиональный состав населения Москвы еще не претерпел значительных изменений и был схож с мирным 1911 годом.

В ходе войны в период 1915–1916 гг. произошли существенные изменения в конфессиональном составе населения Москвы, в нем

⁴²⁷ Бахурин Ю. А. Вынужденные переселенцы ... 2014. С. 171.

значительно снизилась доля православных, но повысился удельный вес остальных конфессий. Абсолютное преобладание православного населения в Москве сохранилось, однако его доля за два военных года снизилась до небывалых 80,4% со скоростью 6% в год. В то же время удельный вес остальных конфессий значительно повысился, а в некоторых случаях темпы прироста были на порядки выше, чем в мирное время. Наибольший прирост удельного веса имел место у старообрядцев и католиков — 100% и 97% в год соответственно, доля иудеев возрастала на 50% в год, процент протестантов, мусульман и армяно-григориан повышался на 13–15% за год. К концу 1916 г. разница между численностью православных и остальных конфессий Москвы по сравнению с мирным временем составила 11,2% от населения города. Таким образом, по данным новых источников, общее число вынужденных переселенцев военного времени к концу 1916 — началу 1917 гг. составляло в Москве около 227000 человек⁴²⁸. Эта цифра в 1,8 раза превышает численность зарегистрированных беженцев в Москве на 1 февраля 1917 г., что необходимо учитывать в ходе последующего анализа ее этнического состава⁴²⁹.

Чтобы перейти к оценке изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны на основе вероисповедания, необходимо сопоставить его языковой и конфессиональный состав в начале XX в. Для выбранной задачи целесообразно воспользоваться результатами городской переписи 1902 г., в которой сведения о языковом составе населения Москвы представлены в комплексе с вероисповеданием, а также являются более дифференцированными, чем в переписи 1897 г. (табл. 11). В первую очередь необходимо выделить те конфессии, которые абсолютно преобладали в составе одной языковой группы: старообрядцами являлись русские по языку, иудеями — почти все евреи, мусульманами — татары, армяно-григорианами — армяне. В то же время среди старообрядцев — 99,7% составляли русские по языку, иудеи включали 49,8% носителей еврейского языка и 45,9% евреев с родным русским языком. Исповедующие ислам являлись татарами

⁴²⁸ Если за общее число жителей Москвы принять 2 027 375 чел. по данным текущей статистики за 1916 год. Рассчитано автором на основании: Ведомость о числе жителей г. Москвы по вероисповеданиям за 1916 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 977. Л. 72 об.

⁴²⁹ Рассчитано автором на основании: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №19. С. 7.

Влияние миграций военного и послереволюционного времени на численность

в 92,5% случаев, армяно-григорианами были 88,7% носителей армянского языка и 9,5% армян с родным русским языком⁴³⁰.

Таблица 11. Языковой состав основных конфессий Москвы, по переписи 1902 года, %

	Русский	Украинский	Белорусский	Польский	Литовский	Латышский	Немецкий	Армянский	Еврейский	Эстонский	Татарский
Православные	97,1	97,6	68,9	1,5	1,4	5,2	2,0	1,5	1,2	7,4	0,3
Протестанты	0,4	0,1	0,0	1,9	1,0	87,9	88,6	0,2	0,2	91,2	0,0
Старообрядцы	1,8	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0
Католики	0,2	1,9	31,1	96,2	97,6	6,4	7,5	1,5	0,0	0,5	0,0
Иудеи	0,4	0,1	0,0	0,3	0,0	0,0	1,3	0,0	95,3	0,0	0,0
Мусульмане	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	98,5
Армяно-григореане	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	96,7	0,0	0,0	0,0
Прочие	0,1	0,2	0,0	0,0	0,0	0,4	0,6	0,0	3,3	0,6	1,2

Рассчитано автором на основании: Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161.

В составе остальных конфессий преобладали представители нескольких языковых групп: к православным относилось абсолютное большинство русских и украинцев по языку, а также более двух третей белорусов; протестантами были большинство латышей, немцев и эстонцев; католичество исповедовали около трети белорусов, а также большинство поляков и литовцев. Одновременно православные на 99,6% состояли из русских, украинцев и белорусов по языку. У протестантов 73,1% были немцами, латышами и эстонцами по языку, а 19,1% составляли в основном те же этнические группы с родным русским языком. В общей численности католиков Москвы носители польского, литовского и белорусского языков составляли 63%, носители немецкого – 7,6%, французского – 11,5%⁴³¹. Также среди католиков

⁴³⁰ Рассчитано автором на основании: Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161.

⁴³¹ Рассчитано автором на основании: Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–225; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161.

10,8% были русскоязычными, большинство из которых являлись поляками. В начале XX в. доля французов в населении Москвы снижалась, составляя в 1902 г. — 0,24%, в 1912 г. — 0,18%, в 1920 г. не более 0,10%⁴³². Кроме того, в Москве во время Первой мировой войны численность французов среди беженцев и переселенцев была также минимальной, о чем свидетельствует этнический состав зарегистрированных беженцев в начале 1917 г., где отдельная графа для французов не была предусмотрена⁴³³.

Проведенный анализ позволяет охарактеризовать степень сопоставимости основных конфессий Москвы в начале XX в. с обследуемыми языковыми группами, среди которых евреи, армяне, татары и русские старообрядцы в абсолютном большинстве преобладали в составе соответственно иудеев, армяно-григориан, мусульман и старообрядцев. Также абсолютное большинство православных составляли русские, украинцы и белорусы. Более 90% протестантов составляли немцы, латыши и эстонцы по языку. Католики Москвы в 1902 г. не менее чем на 73% состояли из поляков, литовцев и белорусов. Таким образом, в последующем анализе необходимо учитывать неполную сопоставимость протестантов и католиков с обследуемыми языковыми группами.

Сравнение вероисповедания с языковой принадлежностью позволяет перейти к оценке динамики этнического состава Москвы, который менялся в мирное и военное время во взаимосвязи с конфессиональной структурой. В 1915–1916 гг. суммарный удельный вес русских, белорусов и украинцев снизился примерно на 11,2%, причем Ведомости зафиксировали не только относительный, но и абсолютный спад численности, составивший около 100 000 человек мужского пола. В связи с этим необходимо отметить, что во время войны православное население Москвы пополнялось беженцами — в большинстве своем русскими, белорусами и украинцами из западных губерний России. И если спад численности православных все же имел место, то происходил он вследствие военных мобилизаций, а также оттока мигрантов мирно-

⁴³² Рассчитано автором на основании: Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222–223; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158–161; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 27; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16.

⁴³³ Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №18. С. 10–11.

Влияние миграций военного и послереволюционного времени на численность

го времени, большинство которых составляли крестьяне ближайших к Москве губерний с абсолютным преобладанием русского населения. В то же время убыль русского населения из Москвы во время войны частично компенсировалась притоком старообрядцев из западных губерний, особенно возросшим в 1916 г. Таким образом, доля русских с белорусами и украинцами в конце 1916 – начале 1917 гг. составляла около 86,7% в населении Москвы (табл. 12).

Таблица 12. Оценка этнического состава населения Москвы в 1911–1916 гг. на основе его конфессиональной принадлежности, %

Этнические группы	1911 г.	1915 г.	1916 г.
Русские, белорусы (православные), украинцы	91,6	87,4	80,4
Поляки, литовцы, белорусы (католики)	2,9	6,1	8,5
Русские (старообрядцы)	2,1	2,0	6,3
Татары	1,2	1,3	1,5
Немцы, латыши, эстонцы	1,0	1,3	1,3
Евреи	0,7	1,2	1,4
Армяне	0,4	0,6	0,5
Прочие	0,1	0,1	0,1

Рассчитано автором на основании: Ведомость о числе жителей по вероисповеданиям в Московской губернии за 1911 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 698; Ведомости о числе жителей г. Москвы по вероисповеданиям за 1915–1916 гг. // ЦГАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 977. Л. 7 об., 72 об.

В имеющихся статистических данных о численности этнических групп среди беженцев на территории Москвы во время войны, под общим наименованием «русские» объединены русские, белорусы и украинцы, что затрудняет определение их численности по отдельности. По оценкам коллег, белорусы и украинцы преобладали над русскими среди беженцев в общероссийских масштабах⁴³⁴. Однако в Москве их соотношение имело свои особенности. В составе зарегистрированных «русских» беженцев, доля которых в населении Москвы составляла не менее 1,9%, находились православные русские, белорусы и укра-

⁴³⁴ Курцев А. Н. Военные беженцы в городах России (1914 - 1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX-XX веков. СПб., 2009. С. 331; Старовойтов М.И. Белорусские беженцы в российских городах и губерниях в 1915–1918 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). СПб., 2017. С. 233.

инцы, а также белорусы-католики и русские старообрядцы (табл. 13). В свою очередь, одни только беженцы-старообрядцы, в том числе незарегистрированные, составляли в населении Москвы не менее 4% (табл. 12). Поэтому, если даже реальная численность всех «русских» беженцев в Москве была выше официальной, то стоит признать, что собственно русские составляли среди них большинство.

Таблица 13. Этнический состав зарегистрированных беженцев относительно всего населения Москвы на 1 февраля 1917 года, %

Этнические группы	%
Поляки	3,0
Русские, белорусы, украинцы	1,9
Латыши	0,8
Литовцы	0,4
Евреи	0,2
Немцы	0,02
Эстонцы	0,01
Армяне	0,002
Татары	нет данных
Прочие	0,2

Численность беженцев по национальностям рассчитана для Москвы пропорционально их численности в Московской губернии на 1 февраля 1917 г. Из 152 498 беженцев Московской губернии, в Москве находилась их большая часть – 128 261 человек. Рассчитано автором на основании: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №18. С. 10–11; Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №19. С. 7; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 12.

Суммарный удельный вес остальных обследуемых этнических групп Москвы к концу 1916 г. возрос более чем в два раза (табл. 12), в то же время отдельные этнические меньшинства имели свои особенности в динамике прироста. Несмотря на значительный приток в Москву беженцев и вынужденных переселенцев из Прибалтики, где преобладали латыши, эстонцы и немцы, их суммарный процент изменился незначительно – повысился только на треть в 1915 г. и оставался на том же уровне в следующем 1916 г. (табл. 12). Соотношение этнических меньшинств Москвы, исповедующих протестантизм, менялось по разному. Численность немцев снижалась как в результате администра-

тивных действий по частичному удалению из второй столицы граждан Германии, так и вследствие напряженной общественной атмосферы после неудач на фронте в 1915 г., вылившихся в антинемецкие выступления⁴³⁵. Вместе с тем происходил существенный рост доли латышей за счет вновь прибывавших мигрантов военного времени. Если зарегистрированные беженцы-латыши в начале 1917 г. составляли в населении Москвы не менее 0,8% (табл. 13), то доля всех мигрантов-латышей военного времени могла составлять уже около 1,5%⁴³⁶. Учитывая, что в мирное время текущий административный учет занижал долю протестантов Москвы в два раза, можно утверждать, что к началу 1917 г. соотношение латышей и немцев изменилось в пользу первых.

К началу 1917 г. в населении Москвы второй по численности конфессиональной группой после православных являлись католики, большинство которых составляли поляки, литовцы и белорусы. Во время войны их суммарная доля в населении Москвы увеличилась по сравнению с мирным временем почти в три раза (табл. 12), а максимальный прирост произошел в 1915 г., после оставления русской армией губерний Царства Польского⁴³⁷. В следующем 1916 г. приток поляков, литовцев и белорусов в город был также значительным, но менее интенсивным. Что касается соотношения трех этнических меньшинств, то в конце XIX — начале XX вв. удельный вес носителей литовского и белорусского языков в Москве была сопоставим, в то время как доля носителей польского языка превосходила и тех и других на порядок⁴³⁸.

⁴³⁵ Деннингхауз В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494—1941). М.: РОССПЭН, 2004. С. 327—352, 373—389.

⁴³⁶ Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М., 1927. С. 12; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915—1921 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914—1924). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 64.

⁴³⁷ Лихачева Т.Н. Беженцы-поляки из Царства Польского на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: причины появления // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Т. 2. Белгород, 2007. С. 123—124.

⁴³⁸ В 1897 г. поляков по языку 0,9%, литовцев — 0,042%, белорусов — 0,097%; в 1902 г. поляков — 0,9%, литовцев — 0,053%, белорусов — 0,011%; в 1912 г. поляков — 1,1%, литовцев — 0,082%, белорусов — нет данных. Рассчитано автором на основании: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 62—65; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 2. М., 1906. С. 222—225; Перепись Москвы 1902 года. Ч. 1. Вып. 3. М., 1906. С. 158—161.

То же соотношение было характерно для беженцев Москвы уже во время войны, среди которых поляки занимали первое место по численности, составляя не менее 3,0% в населении города, тогда как литовцы только 0,4%⁴³⁹. Разницу также наглядно демонстрируют данные этнического состава населения Москвы по переписи 1920 г., где доля поляков составляла 1,42%, литовцев — 0,39%, белорусов — 0,32%⁴⁴⁰. Таким образом, анализ статистики мирного и военного времени указывает на преобладание среди католиков Москвы польского населения в начале 1917 г. Численность литовцев и белорусов-католиков была в Москве сопоставима, но находилась на порядок ниже численности поляков.

Конфессиональная принадлежность евреев, татар и армян точнее отражает их долю в населении Москвы, которая к началу 1917 г. возросла. При этом мигранты, представители трех обозначенных этнических групп прибывали в Москву из разных регионов. Незначительный приток армянских мигрантов из Закавказья почти не нашел своего отражения в списках беженцев, где зарегистрировано только 45 армян и 44 человека с Кавказа, из Турции и Персии. В 1915 г. рост на одну треть армянского населения Москвы происходил на фоне военных действий на Кавказском фронте и бегства армян из Турции и Персии на территорию Российской империи⁴⁴¹. В следующем 1916 г. доля армян в населении Москвы снизилась, что совпало с успехами русских войск на Кавказском фронте⁴⁴².

Совсем не отражены в составе беженцев на территории Москвы татары, абсолютное большинство которых проживало в тыловых губерниях Поволжья. Их доля в населении Москвы также возросла незначительно. На численность еврейского населения Москвы значительное влияние оказывала ситуация в прифронтовых западных губерниях России. Именно оттуда в город прибывало большинство евреев во время войны, что подтверждается наличием не менее 0,2% бежен-

⁴³⁹ Рассчитано автором на основании: Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №18. С. 10–11; 1917. №19. С. 7; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 12.

⁴⁴⁰ Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16.

⁴⁴¹ Курцев А. Н. Беженство ... С. 136–137, 139.

⁴⁴² Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №18. С. 10–11.

цев-евреев в населении города зарегистрированных на 1 февраля 1917 г. (табл. 13). Если в 1915–1916 гг. удельный вес еврейского населения Москвы вырос в два раза — с 0,7% до 1,4%, то только за первую половину 1917 г., на фоне оставления русской армией части западной территории России, он повысился до 3,4%⁴⁴³.

Итак, после начала Первой мировой войны этнический состав населения Москвы испытал резкую трансформацию вследствие вынужденных миграций, когда темпы прироста некоторых наиболее многочисленных этнических меньшинств Москвы выросли на порядок. Если в 1908–1911 гг. доля этнических меньшинств в населении Москвы составляла примерно 6–7%, то за два военных года она возросла до 13,2%, то есть почти два раза. В то же время призыв в армию и ухудшение экономической ситуации в стране ускоряли снижение численности православного населения Москвы даже несмотря на приток русских, белорусов и украинцев из западных губерний России. Только в 1916 г. убыль русского православного населения Москвы составила около 100 000 человек или 7%, а за два военных года — не менее 11,2%. Это снижение частично восполнялось русскими старообрядцами из западных губерний, объем миграций которых особенно возрос в 1916 г. С учетом значительной численности старообрядцев в составе русских беженцев на территории Москвы, они преобладали над беженцами белорусами и украинцами.

Наряду с оттоком русского населения происходила убыль немцев — второй по численности этнической группы Москвы до войны. Их численность особенно резко снизилась в 1915 г., в связи с административными мерами и ростом германофобии, усилившейся после поражения русских войск на фронте. Снижение численности протестантов в населении Москвы компенсировали выходцы из Остзейских губерний — эстонцы и особенно латыши, доля которых в начале 1917 г. выросла настолько, что была сопоставима с удельным весом немцев. Самым многочисленным этническим меньшинством Москвы за два военных года стали поляки, доля которых к началу 1917 г. повысилась почти в три раза. Наибольший прирост численности поляков пришелся на 1915 г., в период отступления русских войск из западных губерний с преобладанием польского населения. Судя по довоенным тенденциям, а также учитывая этнический состав беженцев в нача-

⁴⁴³ Рассчитано автором на основании: Еврейская неделя. 1917. №30. С. 18.

ле 1917 г., польское население в тот период абсолютно преобладало как среди католиков Москвы, так и над литовцами и белорусами в целом.

Благодаря конфессиональной однородности, точнее определен удельный вес татар, армян и евреев. Несмотря на то, что территория преимущественного расселения татар находилась на востоке страны в глубоком тылу, их доля в населении Москвы за 1915–1916 гг. повысилась в 1,25 раза. Доля армянского населения Москвы к концу 1915 г. выросла по сравнению с мирным временем также примерно на четверть. Это совпало с максимальным увеличением потока беженцев-армян из Турции и Персии вглубь России. В следующем году, с наступлением русских войск на Кавказском фронте, численность армян в населении Москвы снова снизилась. Беженцы-евреи прибывали в Москву из западных губерний России и после фактической отмены «черты оседлости» их доля в населении города за 1915–1916 гг. выросла в 2 раза. После февральской революции и демократизации законодательства, а также в связи с отступлением русской армии, удельный вес евреев уже летом 1917 г. составил 3,4% в населении Москвы, то есть всего за полгода вырос почти в два с половиной раза.

Таким образом, к началу 1917 г. этнический состав населения Москвы существенно изменился в связи ростом объема миграций в ходе Первой мировой войны. Основную массу мигрантов, переселявшихся в Москву, составляли беженцы из западных губерний России, приток которых зависел от ситуации на фронтах. В период 1915–1916 гг. суммарный удельный вес этнических меньшинств в населении Москвы возрос примерно 2 раза, а значит, половину в их числе составляли мигранты военного времени. Рост миграций этнических меньшинств в Москву после начала войны не всегда зависел от их численности в мирное время и в некоторых случаях происходил непропорционально и скачкообразно. Так, например, до 1914 г. немцы являлись самым многочисленным этническим меньшинством в населении Москвы, а латыши — одним из малочисленных. Однако в ходе войны в связи с ускоренной убылью немцев и притоком латышей соотношение их численности в городе выравнивалось. После февраля 1917 г. ослабление государственной власти наряду с ухудшением продовольственной ситуации в городах, негативно повлияло на положение мигрантов военного времени. Это способствовало тому, что беженцы начали стихийно покидать Москву и перебираться

ся в западные районы России еще летом 1917 г., а после заключения Брестского мира весной 1918 г. процесс обратной миграции принял уже массовый характер⁴⁴⁴.

Особенности динамики этнического состава населения Москвы в первые годы советской власти (1918–1921 гг.)

С 1917 г. этнический состав населения Москвы менялся на фоне ухудшения продовольственной ситуации и двукратного падения численности населения города в период 1917–1920 гг. В качестве источника для анализа динамики численности этнических групп на территории Москвы использованы домовые книги 1918–1921 гг., данные которых соотнесены со сведениями из переписей и исчислений населения периода 1912–1923 годов. Вопросы состава этнодемографических данных, содержащихся в домовых книгах Москвы, анализировались нами ранее ⁴⁴⁵. На основе базы данных, составленной по записям из домовых книг Москвы 1918–1921 гг., построен график в программе Excel, что позволило проследить динамику численности жильцов (рис. 7). Каждая точка графика соответствует числу граждан, проживавших в 21 московском доме в определенную дату. Для этого программа высчитала число жильцов, числившихся прописанными в каждый конкретный день с учетом дат прописки и выписки за четыре года, и соединила их в одну кривую. Общее число записей, извлеченных из 21 домовой книги, составило 7 325 единиц, но в каждый конкретный день численность жильцов была ниже в 3–4 раза, так как в течение четырех лет жильцы прибывали и убывали. Например, 1 января 1918 г. численность жильцов составляла 2 168 чел., 21 апреля 1918 г. – 2 542 чел., 28 августа 1920 г. – 1 831 чел.

График позволяет оценить величину и продолжительность подъемов и спадов численности жильцов. С января по апрель 1918 г. численность жильцов росла, затем она ненадолго стабилизировалась, а в июне того же года сменилась затяжным двухлетним спадом до минимума

⁴⁴⁴ Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. С. 121; Бахурин Ю. А. Вынужденные переселенцы ... 2014. С. 173, 190; Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 144.

⁴⁴⁵ Григорян Г.Ш. Домовые книги как этнодемографический источник изучения населения Москвы (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 1042–1057.

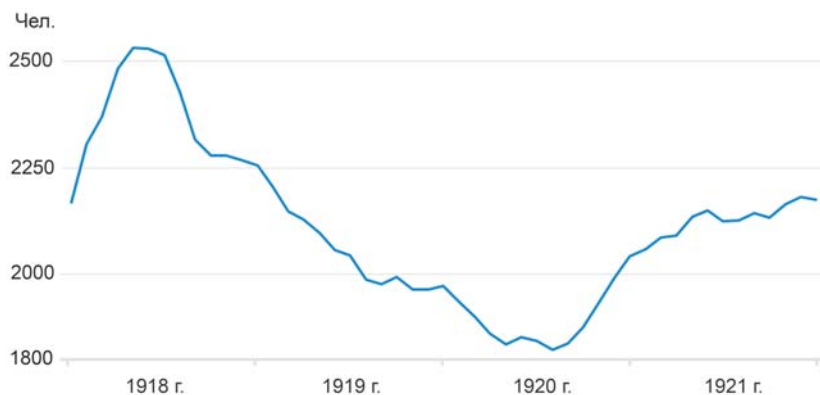

Рисунок 7. Динамика численности жильцов 21 дома из 5 отделений милиции Москвы по домовым книгам (1918–1921 гг.), человек.

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

значений в августе 1920 г. Последующий рост численности жильцов прослеживается на графике вплоть до конца 1921 г. Данные переписей населения и исчислений за 1912–1923 гг. позволяют проанализировать результаты, полученные по информации из домовых книг. К началу 1917 г. ежегодные темпы прироста численности населения Москвы по переписям замедлились с 6,1 % до 1,4 %, а затем начался ее спад (табл. 14). В 1917–1918 гг. темпы убыли населения Москвы составили –12,8% в год, а в 1918–1920 гг. они возросли до –17,0%. Новый рост численности населения города, начался после августа 1920 г. и продолжился вплоть до 1923 г., составив 19,7% в год.

В целом по данным домовых книг с апреля 1918 г. по конец 1921 г. прослеживаются те же спады и подъемы численности жильцов, что и в переписях населения, однако при подробном сравнении относительных значений выявляются некоторые различия (рис. 7). Во-первых, в начале 1918 г., согласно переписям, происходил спад численности населения Москвы составивший –12,8 % в год (табл. 14), тогда как по данным домовых книг до апреля того же года имел место резкий подъем численности жильцов и только затем последовал спад (рис. 7). Во-вторых, с апреля 1918 г. по август 1920 г. убыль населения Москвы по переписям составила – 40,1 %, по данным домовых книг – 29,0 %. В-третьих, по переписям после августа 1920 г. началось увеличение численности населения Москвы, которое до 1923 г. составляло 19,7 %

Таблица 14. Темпы прироста населения Москвы в 1912–1923 гг., по переписям и исчислениям

Перепись 1912 г., чел.	1 617 700
% в год	6,1
Исчисление 1915 г., чел.	1 983 716
% в год	1,4
Исчисление II/1917 г., чел.	2 017 173
% в год	–12,7
Перепись IX/1917 г., чел.	1 854 426
% в год	–12,8
Перепись 1918 г., чел.	1 716 022
% в год	–17,0
Перепись 1920 г., чел.	1 027 336
% в год	19,7
Перепись 1923 г., чел.	1 542 874

Расчитано автором: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 9; Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 2. 1922. С. 332.

в год. Схожие с этими темпы роста численности жильцов, по данным домовых книг (16,6 % в год) имели место только до февраля 1921 г., после чего рост замедлился⁴⁴⁶.

Рост численности населения в первые месяцы 1918 г. по домовым книгам, не прослеживается в переписях и может быть следствием нескольких причин. Во-первых, в начале 1918 г. вероятно ограниченное по времени локальное повышение численности населения Москвы на фоне ее общего понижения, например, возврат в город жителей, ожидающих позитивных изменений после Октябрьской революции 1917 г. Во-вторых, необходимо учитывать возврат в Москву отдельных групп населения, например, военнослужащих с фронтов Первой мировой войны, который массово происходил после начавшегося развала фронта с октября 1917 г. В-третьих, лица, фактически проживавшие в Москве, но не зарегистрированные в домовых книгах, затем стали

⁴⁴⁶ Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. С. 9.

в них записываться для получения продовольственных карточек. В-четвертых, указанные причины могли действовать одновременно, и когда к апрелю 1918 г. они себя исчерпали, то население продолжило умирать.

Стабилизация численности населения с середины до конца 1921 г. по данным домовых книг (рис. 7) также не вполне соответствует результатам переписей населения, которые указывают на его резкий рост с осени 1920 г. до 1923 г. (табл. 14). В данном случае домовые книги могли отобразить временную стабилизацию в конце 1921 г., после которой рост численности населения продолжился. Кроме того, на снижение численности жильцов, регистрировавшихся в домовых книгах, могли повлиять введение НЭПа и отмена продуктовых карточек весной-летом 1921 г. Таким образом, динамика численности населения Москвы по данным домовых книг 1918–1921 гг. имеет более детальный характер и в целом следует трендам, отраженным в результатах изданной статистики.

Переходя к анализу этнического состава населения Москвы по домовым книгам 1918–1921 гг., необходимо отметить, что он используется не для выяснения точных значений, а для сопоставления динамики численности отдельных этнических групп, в том числе и с распределением их по регионам выхода. Поэтому некоторые отличия этнического состава населения Москвы, которые возможны при сопоставлении данных домовых книг и переписей, не являются принципиальными. Можно сказать, что в 1918–1921 гг. для динамики этнического состава населения Москвы был характерен частичный возврат к довоенному состоянию, а именно, снижение удельного веса этнических групп, представленных выходцами их западных губерний, и одновременно повышение доли русских. Причем в 1918–1920 гг. суммарная доля немцев, поляков, белорусов, украинцев, латышей, литовцев и эстонцев снизилась более чем в два раза (рис. 8).

Характерно, что мигранты из западных губерний убывали из Москвы с начала 1918 г., еще до заключения Брестского мира, что свидетельствует о влиянии нескольких факторов. Во-первых, в связи с нарастанием разрухи и нехватки продуктов темпы оттока мигрантов из Москвы в сельскую местность были выше, чем скорость исхода местного населения. Во-вторых, в настроениях беженцев существовало неодолимое стремление на родину, что выражалось в стихийных действиях по выезду из города, передвижению к фронту и его пересечению, чему способствовало провозглашение декрета о мире в конце 1917 г.

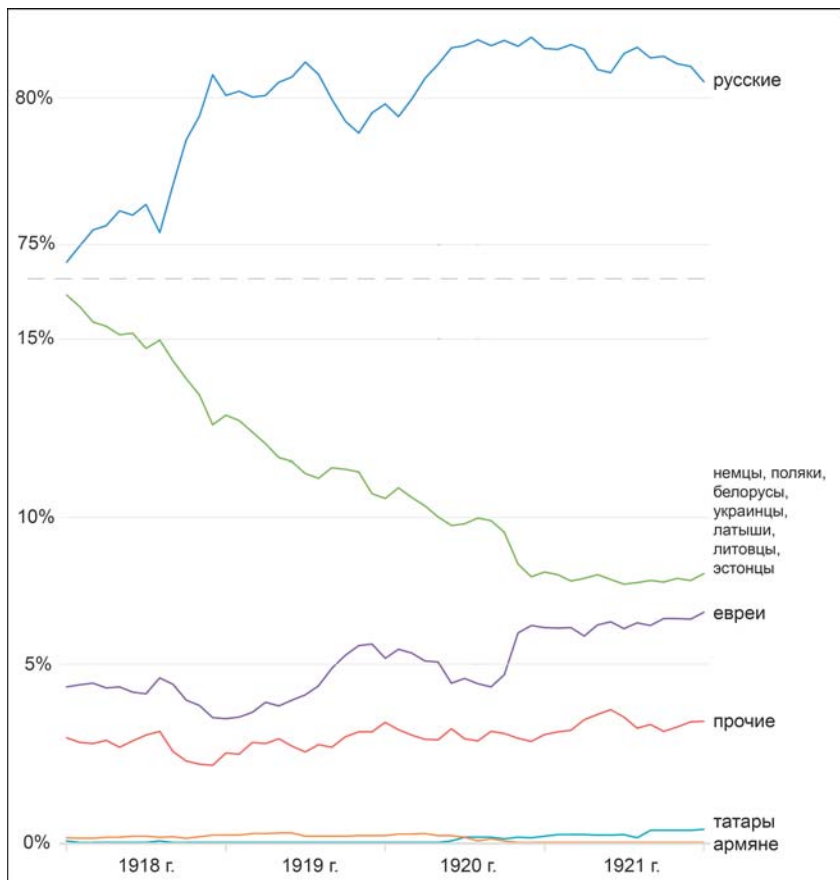

Рисунок 8. Динамика удельного веса наиболее многочисленных этнических групп Москвы по домовым книгам (1918–1921 гг.), %.

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

За 1918–1921 гг. доля русских в населении Москвы выросла на 7–8%, а евреев — повысилась в 1,5 раза (рис. 8). Причем прирост удельного веса русского населения Москвы пришелся на период до середины 1920 г., после чего он стабилизировался. То есть параллельно с убылью всего населения Москвы доля русских в нем возрастала, а в период восстановления его численности — менялась незначительно. Естественно, что местное русское население убывало из Москвы медленнее, чем

мигранты, однако на рост удельного веса евреев, в составе которых преобладали беженцы, действовали дополнительные факторы. Этот рост еврейского населения Москвы длился все четыре года, прерываясь двумя спадами в конце 1918 г. и середине 1920 г. Беженцы-евреи и вынужденные переселенцы прибывали в Москву в 1915–1917 гг. из западных губерний России, как и многие этнические меньшинства.

Однако в отличие от остальных военных мигрантов, для евреев не сложилось благоприятных условий для возврата на родину после войны, что способствовало выбору ими Москвы в качестве постоянного места для проживания. С возобновлением роста численности населения Москвы в конце 1920 г., его этнический состав стабилизировался, что указывает на снижение оттока выходцев из западных губерний, а также их частичный возврат в столицу, в связи с окончанием Гражданской войны и улучшением продовольственного снабжения. Из-за малого числа татар и армян, попавших в обследуемые домовые книги, динамика их численности прослеживается нечетко, однако можно сказать, что с возвратом населения в Москву, доля татар несколько повысилась, а армян — понизилась.

Среди остальных исследуемых этнических групп Москвы выделяются немцы и поляки, доля которых за 1918–1921 гг. снизилась в 2,5 и 2,3 раза соответственно (рис. 9). Характерно, что в мирное время оба этнических меньшинства являлись наиболее многочисленными в населении Москвы. Постоянно меняющаяся обстановка в Москве, смена социального устройства в России, новые реалии в ходе военных действий, создавали различные предпосылки для объема и направления миграций этнических меньшинств Москвы. В динамике убыли немцев прослеживается чередование резких спадов их численности на территории города с тремя периодами ее стабилизации в 1918, 1920 и 1921 гг., что указывает на частое изменение в соотношении факторов, влиявших на миграции немцев. В частности, отъезду немцев из Москвы способствовали как атмосфера общественного недоверия в России, так и оккупация германскими войсками западных территорий бывшей Российской империи, под чье покровительство они могли возвратиться. В то же время, одним из факторов убыли польского населения Москвы в 1918–1920 гг. могло быть их стремление к возрождению суверенного польского государства на фоне советско-польской войны. Таким образом, важным признаком, влияющим на миграции этнических меньшинств Москвы, являлся их регион выхода.

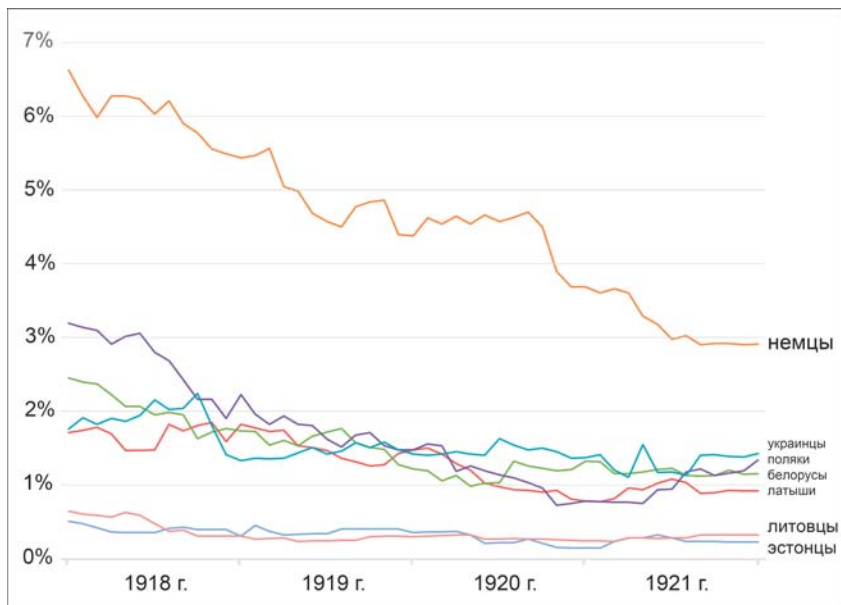

Рисунок 9. Динамика удельного веса выходцев из западных губерний России среди этнических меньшинств Москвы по домовым книгам (1918–1921 гг.), %

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

В ходе изменений этнического состава населения Москвы за 1918–1921 гг., менялось и соотношение мигрантов по регионам выхода внутри отдельных этнических меньшинств. Среди немцев в начале периода абсолютно преобладали выходцы из прибалтийских губерний, однако за четыре года их доля на территории города снизилась почти в два раза, и одновременно во столько же увеличился процент местных московских немцев, в результате чего в 1921 г. их удельный вес сравнялся. (рис. 10). Медленнее из Москвы убывали немцы, являвшиеся выходцами из губерний с преобладанием носителей русского языка, что представляется естественным, так как в силу удаленности от фронта, в их числе было намного меньше беженцев и вынужденных переселенцев. В то же время обращает на себя внимание значительное отличие в темпах убыли из Москвы немцев, происходивших из разных прифронтовых западных губерний, среди которых значительную долю составляли беженцы, возвращавшиеся на родину. Те из них, кто был выходцем из губерний с преобладанием носителей белорусского

Рисунок 10. Динамика удельного веса выходцев из основных регионов среди немецкого населения Москвы по данным домовых книг (1918–1921 гг.), %

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

и литовского языков, убывали из Москвы в разы медленнее немцев, происходивших из Прибалтики.

Среди польского населения Москвы преобладали выходцы из бывшего Царства Польского, удельный вес которых в начальный период советско-польской войны снижался быстрее, чем остальных поляков. К середине 1919 г. их доля в населении Москвы снизилась в 1,5 раза, а затем оставалась относительно стабильной вплоть до конца 1921 г. (рис. 11). Удельный вес поляков, происходивших из губерний с преобладанием носителей белорусского и литовского языков, был относительно стабилен и даже немного возрастал на фоне спада общей численно-

Рисунок 11. Динамика удельного веса выходцев из основных регионов среди польского населения Москвы по данным домовых книг (1918–1921 гг.), %

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

сти населения Москвы, и только затем стал снижаться, что указывает на их медленный отток из города с середины 1920 г. Доля поляков, происходивших из регионов с преобладанием носителей русского языка, наоборот за четыре года выросла в 10 раз. И, будучи в 1918 г. самыми малочисленными, поляки из русскоязычных губерний в 1921 г. уступали по численности только выходцам из Царства Польского.

Среди русского населения Москвы в 1918–1921 гг. выделяются несколько крупных групп по регионам их происхождения (рис. 12). Самой многочисленной среди них являлась группа, включавшая местных жителей и выходцев из Московской губернии. Рост удельного веса

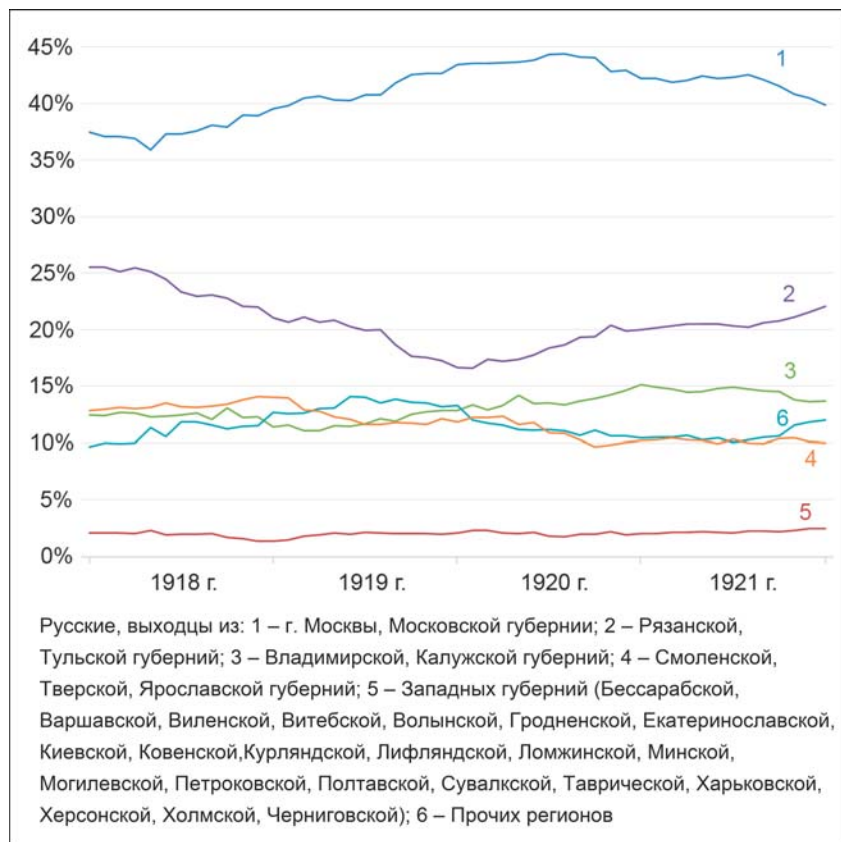

Рисунок 12. Динамика удельного веса выходцев из основных регионов среди русского населения Москвы по данным домовых книг (1918–1921 гг.), %

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

этой группы повышался с убылью населения Москвы в 1918–1920 гг. и понижался с его приростом, начиная с лета 1920 г. По итогам четырех лет среди русского населения Москвы доля москвичей и мигрантов из Московской губернии повысилась. Прибывавшие из Рязанской и Тульской губерний составляли среди русских вторую по численности группу, миграции которой соответствовали динамике, характерной для всего населения Москвы — почти двукратная убыль до 1920 г. и последующий прирост до конца 1921 г.

Соотношение численности двух других групп русских мигрантов не отличалось значительными спадами и подъемами. Удельный вес выходцев из Владимирской и Калужской губерний до середины 1919 г. сохранял относительную стабильность, после чего начал постепенно возрастать. Наоборот, доля мигрантов из Смоленской, Тверской и Ярославской губерний после 1919 г. снижалась. Примечательно, что доля русских, прибывших в Москву из западных губерний, среди которых было немало беженцев, оставалась относительно стабильной.

В 1918–1921 гг. в населении Москвы можно выделить три наиболее многочисленные группы евреев, различавшихся по регионам выхода. Их соотношение за четыре года существенно изменилось (рис. 13). В 1918 г. доля евреев, прибывших в Москву из губерний бывшей Российской империи с преобладанием носителей белорусского, литовского и украинского языков, снижалась, а выходцев из регионов с преобладанием носителей русского языка — повышалась. Подобная тенденция имела место также в составе немцев и поляков Москвы, что было естественно в условиях окончания войны и возврата беженцев на родину. Однако с 1919 г. удельный вес евреев из «белорусских», «литовских» и «украинских» губерний начал повышаться, вследствие чего к концу 1921 г. они уже абсолютно преобладали среди остальных групп. На Украину и Белоруссию как основные регионы, из которых еврейское население массово мигрировало в Москву в 1920-е годы, также указывал В.М. Кабузан⁴⁴⁷.

В то же время доля евреев, происходивших из губерний с преобладанием русскоязычного населения, значительно снизилась. Удельный вес евреев, мигрировавших в Москву из Царства Польского, в начале периода составлял около 5%, однако в 1918 г. увеличился примерно в два раза и оставался относительно стабильным до конца 1921 г. В сложный и нестабильный послевоенный период становления новых государственных образований на территории бывшей Российской империи множество евреев, происходивших из западных губерний, выбрали Москву в качестве новой родины, о чем свиде-

⁴⁴⁷ В.М. Кабузан также указывал на Украину и Белоруссию как основные регионы, из которых еврейское население массово мигрировало в Москву в 1920-е годы: Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «БЛИЦ», 1996. С. 269.

Рисунок 13. Динамика удельного веса выходцев
из основных регионов среди еврейского населения Москвы
по данным домовых книг (1918—1921 гг.), %

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146.

тельствуют не только данные домовых книг, но и результаты переписей населения⁴⁴⁸.

Итак, в 1918–1921 гг. миграции населения Москвы отличались высокой интенсивностью и переходом к динамике, характерной для мирного времени. Возвращение соотношения этнических групп в мирное русло выразилось в увеличении доли русских во время оттока населения из Москвы в 1918–1920 гг., и убыли выходцев из западных губерний — немцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, белорусов, украинцев. Характерно, что по данным домовых книг Москвы, убыль мигрантов военного времени началась еще до заключения Брестского мира весной 1918 г. С конца 1920 г. в Москве наметился рост населения, на фоне которого соотношение численности этнических групп продолжало меняться. Наибольшие темпы убыли были характерны для немцев и поляков, до войны наиболее многочисленных этнических меньшинств Москвы. В то же время, послевоенные реалии способствовали значительному притоку в Москву евреев из Украины и Белоруссии, общая доля которых за четыре года возросла в 1,5 раза.

Соотношение численности тех или иных этнических групп в населении Москвы в 1918–1921 гг. было обусловлено их миграционной активностью в зависимости от региона выхода. Наиболее характерно разница в регионах происхождения проявилась среди немцев, поляков, русских и евреев. Еще в ходе войны, наряду с прибытием беженцев-немцев из западных губерний в Москву, имела место убыль местных немцев. Поэтому к началу 1918 г. состав немецкого населения Москвы трансформировался за счет существенного снижения численности как местных жителей, так и мигрантов. Общая численность немцев в населении Москвы снизилась по данным домовых книг в 2,5 раза, что больше, чем у остальных этнических меньшинств. Наибольшее влияние на численность немецкого населения Москвы в 1918–1921 гг. оказали высокие темпы убыли мигрантов-немцев, происходивших из Прибалтики. Одна из причин такого отличия уходит корнями в начальный период войны, когда немецкое население выдавливалось из Курляндской, Лифляндской и Эстляндской губерний латышами

⁴⁴⁸ В 1920 г. евреи составляли 2,7% в населении Москвы, в 1923 г. — 5,6%, в 1926 г. — 6,5%. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. М., 1928. С. 135–137.

и эстонцами, что проявилось тогда в массовых антинемецких доносах и травле немцев в местной прессе⁴⁴⁹. Теперь же, после оккупации Прибалтики в конце 1917 г., немцы покидали Москву, возвращаясь на родину в качестве победителей, что дополнительно могло стимулировать их отъезд.

По данным домовых книг, среди поляков Москвы в 1918–1921 гг. преобладали мигранты военных лет, представители западных губерний, из которых наиболее многочисленными являлись выходцы из бывшего Царства Польского, а также из губерний с преобладанием носителей белорусского и литовского языков. В начале 1918 г. поляки, прибывшие в Москву из губерний с преобладанием носителей русского языка, составляли меньшинство в сравнении с поляками из других регионов. Такое соотношение подтверждается как конфессиональным составом населения Москвы в конце 1916 г., так и этническим составом беженцев на ее территории в начале 1917 г. (таблицы 14, 15). За 1918–1921 гг. соотношение численности групп поляков Москвы, происходивших из разных регионов, менялось.

В 1918–1919 гг. наибольшая убыль была характерна для поляков Москвы, происходивших из бывшего Царства Польского, чему могли способствовать возрождение польской государственности и начало советско-польской войны. В то же время в населении Москвы все четыре года постоянно возрастала доля поляков из русскоязычных регионов, чей удельный вес к концу 1921 г. вырос на порядок. Таким образом, в миграциях поляков можно проследить две тенденции — значительная часть мигрантов военного времени из Царства Польского возвращалась на родину в период строительства там национального государства, в то время как «российские» поляки мигрировали в столицу Советской России, где был провозглашен новый социальный строй.

В 1918–1921 гг. среди русского населения Москвы абсолютно преобладали местные жители и мигранты из восьми ближайших к ней губерний. За четыре года в общей численности русских, местные жители и выходцы из Московской губернии реже покидали город, чем мигранты, вследствие чего их удельный вес увеличился. Соотношение численности русских Москвы, происходивших из близлежащих к ней

⁴⁴⁹ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. С. 87, 91.

губерний, менялось в зависимости от направления, в котором находились их регионы выхода по отношению к столице. Однако несмотря на то, что в течение четырех лет численность русских, прибывавших в Москву с разных направлений, колебалась, их соотношение в конце 1921 г. оказалось сопоставимо с данными 1918 г.

Наиболее многочисленными среди русских мигрантов являлись те, кто прибыл в Москву с южного и юго-восточного направлений. Динамика их численности в Москве была схожа с колебаниями численности всего населения города, однако в конце 1921 г. их удельный вес еще не достиг уровня начала 1918 г. Выросли темпы прироста русских, прибывавших в Москву с восточного и юго-западного направлений. Напротив, в населении города падал удельный вес русских, прибывших в город из Смоленской, Тверской и Ярославской губерний, то есть с западного, северо-западного и северного направлений. Относительно стабильной в Москве оставалась доля русских выходцев из прифронтовых губерний, что указывает на их слабый отток на родину после окончания войны. Таким образом, в 1918–1921 гг. в составе русского населения Москвы повысился удельный вес местных жителей и выходцев из ближайшей Московской губернии. В то же время доля русских, прибывавших в Москву с близлежащих северо-западных губерний, несколько снизилась, а с остальных направлений распределилась более равномерно.

Прирост численности евреев в населении Москвы имел место наряду с убылью большинства этнических меньшинств, удельный вес которых существенно снизился в ходе возврата беженцев на родину. Прирост еврейского населения Москвы в основном происходил за счет прибытия в нее мигрантов из западных губерний России, большинство населения которых составляли носители белорусского, литовского и украинского языков. Это привело к преобладанию евреев из Белоруссии и Украины над московскими и российскими евреями в 1920–1921 гг., а также обеспечило прирост их удельного веса в населении города в 1,5 раза. Происходило закрепление еврейского населения в Москве с дальнейшим ростом его миграций из Белоруссии и Украины, ставших следствием послевоенных реалий на территории бывшей Российской империи.

Таким образом, в 1918–1921 гг. этническая структура Москвы продолжала трансформироваться под влиянием убыли беженцев после окончания Первой мировой войны, продовольственного кризиса, а так-

же смены государственного строя в России. На динамику численности этнических групп Москвы оказывало влияние миграционное поведение выходцев из разных регионов России. Мигранты из разных губерний, принадлежавшие к определенной этнической группе, по-разному реагировали на быстро менявшуюся действительность, и либо ускоряли снижение удельного веса этой этнической группы в населении Москвы, либо способствовали его росту. Именно в 1918–1921 гг. обозначились новые направления миграций, формировавших этнический состав населения Москвы, которые существенно отличались по своей интенсивности, направлениям и составу как от довоенных миграций, так и от массовых перемещений вынужденных переселенцев во время Первой мировой войны.

Тенденции в размещении этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х годов

Повышение интенсивности миграций в период Первой мировой и Гражданской войн происходило во взаимосвязи с расселением этнических меньшинств на территории Москвы. Данные переписей населения и домовых книг позволили нам в предыдущих главах проследить динамику размещения этнических меньшинств Москвы с конца XIX по начало XX вв. Однако в опубликованных результатах статистики, в которых население Москвы учтено после 1912 г., сведений о его этническом составе недостаточно, поэтому остается неосвещенным период первых лет советской власти, в который происходили значительные и важные изменения. Оценить тенденции, наметившиеся в расселении этнических меньшинств на территории Москвы к началу 1920-х гг., позволяют сведения из домовых книг, а также архивные материалы переписи населения 1923 г.

В обследуемых домовых книгах содержится информация о жильцах домов из пяти отделений милиции. Такого рода административные единицы были образованы на заре советской власти из бывших полицейских участков, их границы после революции изменились незначительно⁴⁵⁰. Пять советских отделений милиции (о/м) соотносились с полицейскими участками таким образом: 16 о/м соответствовало 1-му Сушевскому участку и было единственным из пяти, в котором про-

⁴⁵⁰ Статистический атлас Москвы и Московской губернии 1924 г. Вып. 1. Население. С. 1–2.

Таблица 15. Индексы локализации этнических групп в пяти полицейских участках Москвы, по переписи 1912 г.

Этнические группы (по родному языку или вероисповеданию)	Сушевский участок (16 о/м)	Басманный участок (32 о/м)	Мясницкий II участок (39 о/м)	Рогожские I и II участки (41 о/м)	Пречистенский участок (45 о/м)
Русские и белорусы (яз.)	1,0	1,0	0,9	1,0	1,0
Немцы (яз.)	1,0	<i>1,9</i>	<i>4,9</i>	0,5	0,9
Поляки (яз.)	1,0	1,0	0,8	0,4	0,7
Евреи (вер.)	0,9	1,1	<i>5,0</i>	0,4	1,0
Татары (яз.)	0,4	0,9	0,4	0,5	0,2
Армяне (вер.)	1,0	0,6	3,3	0,1	1,2
Украинцы (яз.)	0,9	0,9	0,3	0,3	1,1
Латыши (яз.)	1,2	<i>1,5</i>	<i>2,4</i>	0,5	1,1
Эстонцы (яз.)	1,0	<i>1,7</i>	<i>3,6</i>	0,2	<i>1,6</i>
Литовцы (яз.)	0,9	0,4	<i>1,9</i>	0,9	0,6

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911-1913. М., 1916. С. 21, 26-27. Курсивом в таблице выделены значения локализации выше 1,5 единиц.

изошло незначительное изменение границ⁴⁵¹, 32 о/м — соответствовало 1-му Басманному участку, 39 о/м — 2-му Мясницкому, 41 о/м — 1-му и 2-му Рогожским, 45 о/м — 1-му Пречистенскому. Таким образом, статистические материалы, относящиеся к перечисленным участкам и отделениям милиции, можно считать сопоставимыми.

Чтобы проследить динамику индексов локализации этнических меньшинств на территории пяти участков Москвы, необходимо сравнение их значений в 1912 г. и 1920 г. Расчеты показали, что в 1912 г. в трех из пяти участков значения индекса для некоторых этнических групп превышали среднегородские в 1,5 и более раз (табл. 15). Если

⁴⁵¹ Разница между численностью населения в границах Сушевского участка и 16 о/м в 1920 г. составляла 1,4%. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914—1925 гг. М., 1927. С. 11, 13.

соотнести пять выбранных участков со всей территорией Москвы, то каждый из них в некоторой степени отразит расселение этнических меньшинств в тех частях города, где этот участок территориально располагался в 1912 г. Наибольшей степенью концентрации этнических меньшинств отличался примыкавший к центру города с востока 2-й Мясницкий участок, принадлежавший Мясницкой части, входившей в 1-й пояс Москвы. В начале XX в. именно сюда смешалась суммарная концентрация этнических меньшинств Москвы из находящейся восточнее Яузской части города. Вторым по концентрации этнических меньшинств являлся 1-й Басманный участок, примыкавший к Яузской части с востока, то есть с наружной стороны Садового кольца. В 1-м Басманном участке, близ Лефортово концентрировались немцы, латыши и эстонцы, откуда они в течение XVIII–XIX вв. постепенно расселялись на запад Москвы. В 1912 г. концентрация этнических меньшинств во всей Басманной части имела значения чуть выше средних.

По данным домовых книг в 1-м Пречистенском участке только эстонцы отличались индексом локализации выше среднегородского. Пречистенская часть располагалась на западе 2-го пояса Москвы, где в конце XIX – начале XX в. концентрация этнических меньшинств была невысокой, но постепенно возрастала. В 1-м Сушевском участке индекс локализации этнических меньшинств был близок среднегородскому значению, как и на остальной территории Сушевской части, располагавшейся к северу от внешней стороны Садового кольца. И наконец, 1-й и 2-й Рогожские участки, располагавшиеся на юго-востоке в 3-м поясе Москвы, в начале XX в. выделялись низкой концентрацией этнических меньшинств.

Для анализа концентрации этнических меньшинств на территории пяти участков Москвы также использован этнический состав населения Москвы по переписи 28 августа 1920 г., а также этнический состав жильцов по данным домовых книг на дату переписи. Сравнение полученных результатов с данными 1912 и 1920 гг. показало, что во всех пяти обследуемых участках возросло число этнических меньшинств, индекс локализации которых превышал среднегородской уровень в 1,5 раз и более (табл. 16). В меньшей степени это повышение прослеживается на территории 39 о/м, находившегося в центре города, где традиционно наблюдалось этническое многообразие, а в большей – по остальным четырем участкам. В то же время, в 1920 г. на территории некоторых из пяти участков Москвы значения индекса локализации этнических

Влияние миграций военного и послереволюционного времени на численность

меньшинств по данным домовых книг превышали 10 единиц, чего не наблюдалось ни в одном из участков в 1912 г. Данный факт может указывать как на значительный рост концентрации некоторых этнических меньшинств на небольшой территории, так и на смещение выборки.

Таблица 16. Индексы локализации этнических групп в пяти отделениях милиции Москвы, по домовым книгам относительно переписи 1920 г.

Этнические группы	Сущевский I участок (16 о/м)	Басманный I участок (32 о/м)	Мясницкий II участок (39 о/м)	Рогожские I и II участки (41 о/м)	Пречистенский I участок (45 о/м)
Русские	1,0	1,1	0,7	1,1	0,9
Немцы	5,1	3,2	24,2	0,4	9,1
Евреи	0,3	1,5	6,1	0,0	1,6
Поляки	0,8	1,1	0,6	0,2	1,4
Белорусы	4,2	0,0	0,0	10,7	3,2
Украинцы	7,2	4,1	2,7	6,4	11,1
Латыши	3,9	0,7	0,7	0,0	0,0
Литовцы	0,0	0,0	0,0	0,0	3,3
Эстонцы	2,5	0,0	2,8	0,0	0,0
Армяне	0,0	0,0	1,5	0,0	1,3
Татары	0,0	2,7	0,0	1,1	0,0

Рассчитано автором на основании: ЦГАМ. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 301, 315, 371; Оп. 6. Д. 12, 13, 15, 28, 32; Оп. 7. Д. 385, 424, 454, 457, 464, 468, 475, 476, 520; Оп. 8. Д. 104, 122, 125, 146; Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М., 1927. С. 16. Курсивом в таблице выделены значения локализации выше 1,5 единиц.

Оценивая динамику концентрации этнических меньшинств в каждом из милицейских участков Москвы, можно выделить несколько факторов, влиявших на их расселение в 1912–1920 гг. Наиболее близкое к центру города 39-е о/м в 1912 г. входило в Мясницкую часть, издавна активно заселявшуюся этническими меньшинствами. Несмотря на сокращение населения Москвы в целом и численности представителей западных губерний в частности, 39 о/м оставалось в 1920 г. местом высокой концентрации пяти из 10 исследуемых этнических мень-

шинств. Самые существенные изменения в расселении этнических меньшинств имело место на юго-западе Москвы в 45-м о/м, где значительно возросла концентрация немцев, евреев, поляков, украинцев, литовцев, а также в 16-м о/м на северо-западе, где индекс локализации немцев, украинцев, латышей, эстонцев вырос со средних значений в 1912 г. до высоких в 1920 г. Таким образом, домовые книги отражают тенденцию начала XX в., выражавшуюся в смещении концентрации этнических меньшинств с востока на запад Москвы, которое происходило даже несмотря на нехарактерные для мирного времени миграции периода Первой мировой и Гражданской войн.

В 32-м о/м на северо-востоке Москвы, находившемся в 1912 г. на втором месте по степени концентрации этнических меньшинств, к 1920 году индекс локализации снизился у латышей и эстонцев, но повысился у евреев, татар и украинцев. В отличие от остальных участков, в 41-м о/м на юго-востоке города к 1920 г. существенно возросла концентрация русских, белорусов и украинцев, тогда как остальных этнических меньшинств — снизилась. Даже несмотря на большое число вынужденных переселенцев во время Первой мировой войны и близость Рогожской части к центру города, она не была привлекательна для проживания большинства этнических меньшинств. В Рогожской части концентрация старообрядцев традиционно была самой высокой среди всех 17 городских частей Москвы, что также могло способствовать сохранению здесь этнической однородности⁴⁵².

Анализ динамики расселения отдельных этнических меньшинств на территории пяти выбранных участках Москвы позволяет выделить некоторые закономерности. Степень концентрации русских была стабильна во всех пяти участках вследствие их абсолютного преобладания. Относительно стабильными в пяти участках сохранялись значения индексов локализации евреев, поляков, армян и татар. В большинстве участков существенно возросла концентрация немцев и украинцев, что может указывать на процессы их обособления, стягивания в районы компактного проживания. В расселении латышей,

⁴⁵² Например, в 1897 г. локализация старообрядцев в Рогожской части Москвы превышала общегородскую в 3,6 раза, в 1912 г. — в 2,6 раза. Наибольшая локализация старообрядцев имела место на юго-востоке и востоке 3-го пояса Москвы, тогда как внутри Садового кольца ее коэффициент был ниже общегородских значений. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21.

литовцев и эстонцев прослеживается смещение ареалов их концентрации.

В 1912–1920 гг. сохранялась высокая концентрация этнических меньшинств в центре города, к востоку от Китай-города. Продолжалось смещение их концентрации к западу от Центра внутри Садового кольца Москвы, где до революции индекс локализации высших сословий был наивысшим⁴⁵³. На северо-востоке города, в его 3-м поясе происходило замещение — концентрация одних этнических меньшинств выросла, тогда как других — снизилась. Несмотря на значительную трансформацию этнического состава населения Москвы в период войны, территория к юго-востоку от центра Москвы сохраняла относительную этническую однородность. Здесь в 1920 г. концентрировались русские, украинцы и белорусы, тогда как индекс локализация большинства остальных этнических меньшинств оставался ниже среднегородского уровня. Отдельно стоит отметить, что столь высокая концентрация немцев, зафиксированная в центральном 39-м о/м, может указывать на их естественное стремление проживать более компактно вблизи от центра города, как реакция на давление со стороны остального общества в ходе войны с Германией.

Представление о динамике размещения этнических меньшинств Москвы к началу 1920-х гг. позволяют получить данные переписей населения 1912 г. и 1923 г. Архивные материалы переписи 1923 г., содержат сведения об этническом составе населения Москвы с распределением этнических групп по шести районам города — административно-территориальным единицам, образованным в 1922 г. Районы существовали наряду с более мелкими милицейскими участками, имели разную площадь, а их контуры были похожи на сектора круга (рис. 14). Таким образом, центральная часть Москвы оказалась поделена между всеми шестью крупными районами, а значит, без дополнительной информации сложно судить об особенностях размещения этнических меньшинств на их территории в 1923 г. Поэтому для корректного сравнения концентрации этнических меньшинств на территории Москвы в 1912 г. и 1923 г. необходимо привлечь данные дореволюционной переписи 1912 г., на основе которых можно рассчитать индексы локализации этнических групп в шести крупных районах Москвы, образованных уже в советское время.

⁴⁵³ Былов Г.В. Пространственная сегрегация сословий ... 2015. С. 330.

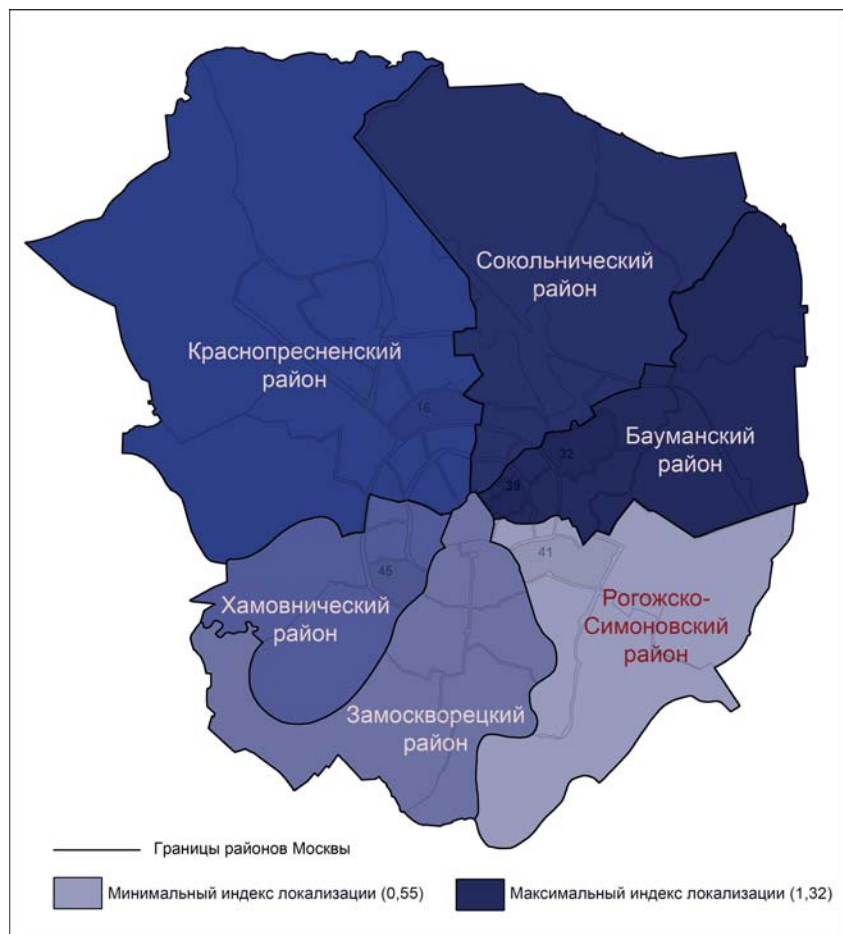

Рисунок 14. Степень концентрации этнических меньшинств в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911—1913. М., 1916. С. 21, 26—27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

Путем сравнения планов, отображающих административно-территориальное деление Москвы в 1912 г. и 1923 г., установлено, что границы крупных советских районов, как правило, проходили по границам более дробных полицейских участков. Всего 7 из 57 полицейских участков Москвы 1912 г. одновременно располагались на территориях сразу двух районов образца 1923 г., остальные 50 участков полностью находились в границах районов⁴⁵⁴. При перерасчете индексов локализации этнических меньшинств Москвы в 1912 г. с участков на районы, численность этнических групп в семи участках с двойной принадлежностью была поделена между районами пропорционально, исходя из визуальной оценки площади участка по планам. Также анализ обоих планов показал, что присоединенные к Москве в 1917 г. окраины на севере, северо-западе и юго-западе города представляли собой пустыри, поля, парки, небольшие села, а также другие слабозаселенные территории. Следовательно, численность их населения не могла повлиять на существенное искажение результатов локализации этнических меньшинств на территории шести районов при их сравнении за 1912 г. и 1923 г.

Расчет значений суммарных индексов локализации этнических меньшинств в границах советских районов Москвы в 1912 г. позволяет установить, что их наибольшая концентрация имела место в границах Бауманского района на востоке Москвы, снижаясь на запад против часовой стрелки (табл. 17, рис. 14). Границы Бауманского, Сокольнического, Краснопресненского и Хамовнического районов, включали части и участки 1-го и 2-го поясов Москвы, которые в 1912 г. являлись территорией наибольшей концентрации этнических меньшинств, максимум которой находился к северо-востоку от Китай-города. Границы советского Замоскворецкого района включали самую центральную слабозаселенную Городскую часть, а также всю территорию бывшего Замоскворечья, в частях и участках которого индексы

⁴⁵⁴ 1-й Мясницкий (48 о/м) относится к Сокольническому и Бауманскому районам, 3-й Мясницкий (40 о/м) – Рогожско-Симоновскому и Бауманскому, 1-й Арбатский (9 о/м) – Хамовническому и Краснопресненскому, 1-й Яузский (47 о/м) – Бауманскому и Сокольническому, 2-й Яузский (49 о/м) – Бауманскому и Рогожско-Симоновскому, 1-й Лефортовский (34 о/м) – Бауманскому и Сокольническому, Богородский пригородный (36, 38 о/м) – Бауманскому и Сокольническому. Источники: план Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

локализации этнических меньшинств в 1912 г. имели значения не выше среднегородских (рис. 6). В границах Рогожско-Симоновского района ранее располагались участки, абсолютное большинство которых принадлежало юго-восточной части 3-го пояса Москвы, где в 1912 г. концентрация этнических меньшинств была самой низкой. Таким образом, сравнение суммарных индексов локализации этнических меньшинств, рассчитанных как для шести крупных районов, так и для более дробных частей и участков Москвы, выявило схожесть структуры их расселения в обоих случаях. А значит, данные этнического состава Москвы по материалам переписи 1923 г. могут быть использованы для анализа динамики расселения этнических меньшинств на ее территории в 1912–1923 гг.

Таблица 17. Индексы локализация этнических групп в границах советских районов Москвы в 1912 г., по разным источникам

Этнические группы (по языку и вероисповеданию)	Бауманский	Сокольнический	Краснопресненский	Хамовнический	Замоскворецкий	Рогожско-Симоновский
Русские с белорусами (яз.)	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0
Украинцы (яз.)	1,1	0,9	1,2	1,4	0,7	0,6
Поляки (яз.)	1,1	1,1	1,2	1,0	0,7	0,6
Литовцы (яз.)	1,0	1,4	1,2	0,6	0,5	0,9
Немцы (яз.)	1,8	1,3	0,9	0,8	0,6	0,6
Латыши (яз.)	1,3	1,4	1,0	0,9	0,6	0,7
Эстонцы (яз.)	1,6	1,3	1,1	1,0	0,4	0,5
Евреи (вер.)	1,4	1,3	0,9	1,0	0,9	0,4
Татары (яз.)	0,8	1,2	1,1	0,5	1,4	0,6
Армяне (вер.)	0,9	0,9	1,7	1,2	0,5	0,2
Суммарная локализация (кроме русских)	1,32	1,20	1,06	0,90	0,77	0,55

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

Таблица 18. Индексы локализации этнических меньшинств в районах Москвы в 1912–1923 гг., по разным источникам

	Бауманский	Сокольническ.	Краснопресн.	Хамовническ.	Замоскворецк.	Рогож.-Симон.
1912 г.	1,32	1,20	1,06	0,90	0,77	0,55
1923 г.	1,10	1,04	1,14	1,24	0,72	0,49
Разница	–0,22	–0,17	+0,08	+0,34	–0,05	–0,06

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18. В значения общей локализации за 1923 г. не включены белорусы по языку для корректного сравнения с данными 1912 г., где белорусы учтены вместе с русскими по языку.

Переходя к размещению этнических меньшинств на территории Москвы в 1923 г., необходимо уточнить, что большая площадь шести районов города советского времени обусловила низкие значения индекса локализации. Его максимальная величина для отдельного этнического меньшинства в 1912 г. составляла только 1,8 единиц (табл. 17), тогда как на уровне участка она достигала 8,4 единицы⁴⁵⁵. Поэтому даже небольшое снижение или повышение индекса локализации этнических меньшинств на уровне крупного района, является индикатором существенных изменений его значений в определенных участках, располагавшихся в границах этого района⁴⁵⁶.

За период 1912–1923 гг. произошло снижение индексов локализации этнических меньшинств в границах Бауманского, Сокольнического, Замоскворецкого и Рогожско-Симоновского районов, но повышение в границах Хамовнического и Краснопресненского (табл. 18, рис. 15).

⁴⁵⁵ В 1912 г. на территории 1-го Сretenского участка Москвы локализация татар составляла 8,4 единицы. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26–27.

⁴⁵⁶ Например, средняя локализация латышей в Бауманском районе составляла 1,3 единицы, а их максимальная концентрация имела место в 1-м Яузском участке внутри этого района, составляя 3,4 единицы. Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 26–27.

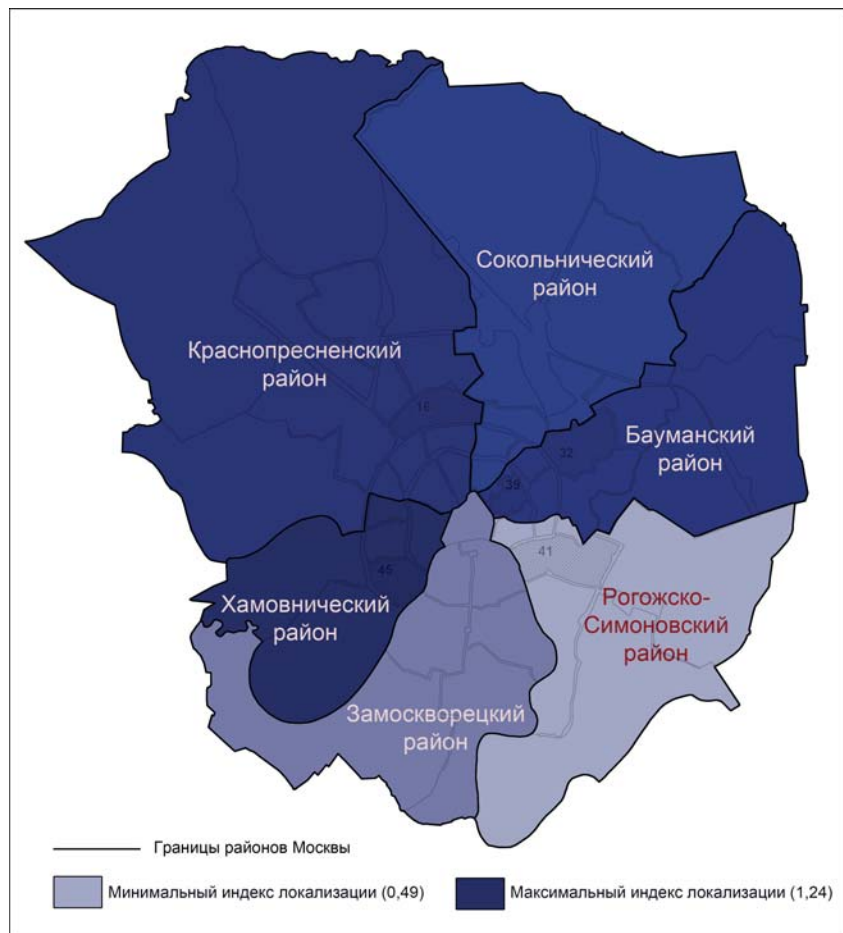

Рисунок 15. Степень концентрации этнических меньшинств в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план)

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

Налицо существенное смещение концентрации этнических меньшинств с востока и северо-востока Москвы на запад и особенно юго-запад за 11 лет. Наибольшие изменения произошли именно в тех четырех районах, которые включали бывшие 1-й и 2-й пояса Москвы – территорию наи-

большей концентрации большинства этнических меньшинств в начале XX в. Менее выраженный характер изменения носили на юге и юго-востоке в границах Замоскворецкого и Рогожско-Симоновского районов, где концентрация этнических меньшинств была традиционно невысокой.

Анализируя полученные значения индексов локализации этнических меньшинств в районах Москвы в 1923 г., необходимо учитывать возможное остаточное влияние большой массы беженцев, расселенных на территории города во время Первой мировой войны. Большинство из них являлись выходцами из западных губерний с преобладанием нерусского населения и могли быть распределены на жительство по территории Москвы в административном порядке, что само по себе является фактором, искажающим естественный ход процесса. Однако только на северо-западе Москвы в Краснопресненском районе высокий индекс локализации беженцев в 1915 г. мог в последующем отразиться на повышенной концентрации этнических меньшинств (табл. 19). В остальных районах подобная зависимость возникнуть не могла, так как на их территории высокий индекс локализации беженцев в 1915 г. не совпадал с тенденцией роста совокупной локализации этнических меньшинств. С учетом того, что из всех мигрантов военного времени, проживавших в Москве, зарегистрированные беженцы составляли около половины, их расселение не могло оказать решающего влияния на искажение тенденций в динамике локализации этнических меньшинств на территории города за 1912–1923 гг.

Таблица 19. Индексы локализации беженцев, проживавших на территории Москвы в 1915 г. в пересчете к районам 1923 г., по разным источникам

Районы	1915 г.
Бауманский	0,9
Сокольнический	1,3
Краснопресненский	1,3
Хамовнический	1,0
Замоскворецкий	0,7
Рогожско-Симоновский	0,6

Рассчитано автором на основании: Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 105; план Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvysuvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

В общем процессе расселения на территории Москвы в 1912–1923 гг. отдельные этнические меньшинства имели свои особенности. В 1912 г. кучность проживания украинцев была невысокой, а большинство ареалов их концентрации находилось преимущественно за пределами Садового кольца в 3-м поясе Москвы – на востоке, где позже располагался Бауманский район, и на западе в границах Краснопресненского и Хамовнического районов. Причем в конце XIX – начале XX вв. происходило смещение концентрации украинцев с северо-востока и юга Москвы в западную часть города. К 1923 г. концентрация украинцев в трех северных районах Москвы падает, но возрастает в трех южных, особенно на юго-западе, что указывает на смену предшествовавших тенденций и возникновение новых ареалов их концентрации (табл. 20). Наиболее вероятными из них являлись территории тех частей и участков, где украинское население концентрировалось в начале XX в. На территории Хамовнического района на юго-западе это почти все

Таблица 20. Индексы локализации этнических групп в районах Москвы, по материалам переписи 1923 года

Этнические группы	Хамовнический	Краснопресненский	Бауманский	Сокольнический	Замоскворецкий	Рогожско-Симоновский
Русские	1,0	1,0	1,0	1,0	1,0	1,1
Украинцы	1,7	1,0	0,9	0,6	0,9	0,8
Белорусы	1,4	1,3	0,9	0,6	0,8	0,8
Поляки	0,9	1,2	0,9	1,1	0,8	0,8
Литовцы	1,0	1,1	1,0	1,3	0,7	0,7
Немцы	1,1	1,0	1,6	1,1	0,6	0,5
Латыши	1,1	1,0	1,3	1,2	0,7	0,6
Эстонцы	1,5	1,0	1,1	0,9	0,8	0,5
Евреи	1,4	1,2	1,1	1,0	0,6	0,4
Татары	0,6	1,0	0,8	1,3	1,6	0,5
Армяне	1,5	1,4	1,2	0,7	0,4	0,2

Рассчитано автором на основании: Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

участки, за исключением его западной окраины, в Замоскворецком районе наиболее вероятной для роста концентрации украинцев являлась его юго-восточная окраина, в Рогожско-Симоновском — территория, примыкающая к центру города⁴⁵⁷.

В переписи населения Москвы 1912 г. носители белорусского языка были учтены вместе с носителями русского, поэтому динамику концентрации белорусов на территории города проследить затруднительно. Однако расселение белорусов на территории Москвы в 1923 г. совпадает с общей тенденцией смещения этнических меньшинств из восточной в западную часть города (табл. 20, Приложение. Рис. 53). Вместе с тем, по данным переписи 1897 г., предпочтительными территориями для расселения белорусов являлись окраины города, расположенные в 3-м поясе Москвы.

В 1912 г. расселение поляков на территории Москвы являлось наиболее равномерным среди обследуемых этнических меньшинств. Наиболее выраженный ареал концентрации польского населения располагался в северной части города, включая территории 1-го и 2-го поясов, а также северо-запад 3-го пояса Москвы. В то же время на юго-западной, южной и восточной окраинах города также существовали меньшие по площади ареалы концентрации поляков. В начале XX в. кучность проживания поляков на территории города снижалась, при этом их концентрация на северо-западе была выше, чем на юго-западе. В 1912–1923 гг. на северо-западе и северо-востоке Москвы концентрация поляков осталась относительно стабильной, но снизилась на юго-западе в Хамовническом районе и повысилась на юге — в Замоскворецком. Наиболее вероятным ареалом концентрации поляков является территория бывшего 2-го Серпуховского участка на юге Замоскворечья, на границе с Рогожско-Симоновским районом. Возникает и новая тенденция — спад концентрации поляков на востоке в Бауманском районе, сопровождающийся ее смещением к юго-востоку в Рогожско-Симоновский район⁴⁵⁸.

Ареал концентрации литовцев в 1912 г., как и у поляков, находился в северной части 1-го и 2-го поясов Москвы, а также включал Пресненскую часть из 3-го пояса на северо-западе. Два других, меньших по площади ареала концентрации литовцев располагались

⁴⁵⁷ См. Приложение. Рис. 34, 35.

⁴⁵⁸ См. Приложение. Рисунки 22, 23.

на северной и восточной окраинах города. Но если в начале XX в. происходило смещение концентрации литовцев с южной и юго-западной окраин Москвы в центр и на северо-запад города, то в 1912–1923 гг. эта тенденция сменилась на обратную. В Хамовническом и Замоскворецком районах концентрация литовцев возросла, в то время как в Краснопресненском, Сокольническом и Рогожско-Симоновском — снизилась⁴⁵⁹.

В начале XX в. ареал концентрации латышей и эстонцев распространялся на 1-й и 2-й пояса Москвы, смещаясь с востока на запад города. В 1912 г. наибольший индекс их локализации имел место в городских частях Москвы, расположенных к северо-востоку от Китай-города. Однако за 1912–1923 гг. на северо-востоке, а также на юго-востоке Москвы концентрация латышей снизилась, но возросла на юго-западе в Хамовническом районе и на юге в Замоскворецком. В этой динамике прослеживается как повторение тенденций начала XX в., то есть постепенное смещение ареала концентрации латышей в западном направлении к Пречистенской части, так и образование их нового ареала на юге Москвы в Замоскворечье⁴⁶⁰. Смещение концентрации эстонцев на юго-запад Москвы имело более выраженный характер — индекс их локализации снизился во всей северной части Москвы, особенно на северо-востоке, но значительно вырос на юго-западе и юге. За 11 лет произошло перемещение ареала концентрации эстонцев с северо-востока на юго-запад в Хамовнический район, и судя по тенденциям начала XX в. — в участки, находившиеся в центральной части города. В то же время двукратное увеличение индекса локализации эстонцев в Замоскворечье служит индикатором образования нового ареала их концентрации на юге Москвы⁴⁶¹.

Удельный вес немцев в населении Москвы за период 1897–1912 гг. снизился, кучность их проживания выросла, происходило смещение ареала их концентрации с востока в центральные части города. В 1912 г. ареал концентрации немцев включал территории 1-го и 2-го поясов Москвы, а наибольший индекс их локализации имел место к северо-востоку от центра города. За период 1912–1923 гг. концентрация немцев на востоке снизилась, но повысилась на западе

⁴⁵⁹ См. Приложение. Рисунки 26, 27.

⁴⁶⁰ См. Приложение. Рисунки 30, 31.

⁴⁶¹ См. Приложение. Рисунки 42, 43.

в Хамовническом и Краснопресненском районах. Однако, несмотря на смещение концентрации немцев на запад Москвы, ее максимальные значения все же сохранились на востоке в Бауманском районе. Снижение индекса локализации немцев имело место и на юго-востоке Москвы в Рогожско-Симоновском районе, где сохранялась низкая концентрация и других этнических меньшинств. С учетом ранее существовавших тенденций к обособлению немцев в центре города, наиболее вероятно, что в 1912–1923 гг. смещение их концентрации к западу происходило в пределах единого ареала от реки Яузы на востоке до Москвы-реки на западе⁴⁶².

В начале XX в. ареал концентрации евреев распространялся с восточной части центра Москвы на западную, и к 1912 г. уже включал Центр, 1-й и 2-й городские пояса. В то же время наибольший индекс локализации евреев находился к северо-востоку от Китай-города, то есть на территориях, позже вошедших в Бауманский и Сокольнический районы Москвы. Развитие указанных тенденций в 1912–1923 гг. привело к дальнейшему росту концентрации евреев на западе в Хамовническом и Краснопресненском районах города и ее снижению на северо-востоке, а также на юге в Замоскворечье. Судя по величине изменений в значениях индексов локализации еврейского населения на территории всех районов города, за 11 лет произошло образование нового ареала их концентрации на юго-западе Москвы, внутри Садового кольца⁴⁶³.

Расселение татар на территории Москвы в начале XX в. сопровождалось их концентрацией в двух основных ареалах. Наиболее обширный из них находился на севере в участках 1-го и 2-го поясов города, которые позже вошли в Краснопресненский и Сокольнический районы, другой ареал располагался в Замоскворечье и примыкал к Центру с юга. К 1923 г. наибольший рост индекса локализации татар имел место в Замоскворецком районе Москвы, где ранее в окрестностях Татарской улицы располагалось их компактное поселение. На севере ареал концентрации татар сместился к востоку — от Краснопресненского района в Сокольнический. Немного повысился индекс локализация татар и на юго-западе, в Хамовническом районе, где в 1912 г. они концентрировались на западной его окраине.

⁴⁶² См. Приложение. Рисунки 46, 47.

⁴⁶³ См. Приложение. Рисунки 50, 51.

В то же время концентрация татар еще более снизилась на юго-востоке в Рогожско-Симоновском районе⁴⁶⁴.

Ареал концентрации армян в 1912 г. включал Центр, 1-й и 2-й пояса Москвы, а участки, где индекс их локализации был наибольшим, находились к северу и западу от Центра и позже вошли в Сокольнический и Краснопресненский районы города. В начале XX в. в расселении армян прослеживается смещение места их наибольшей концентрации из района первоначального компактного поселения, находившегося к востоку от Китай-города, на запад Москвы. В 1912–1923 гг. смещение ареала концентрации армян продолжилось уже в юго-западном направлении. В Хамовническом районе индекс их локализация повысился, но понизился на северо-западе и северо-востоке Москвы, а также незначительно на юге. Вместе с тем, за 11 лет произошел рост локализации армян на востоке в Бауманском районе Москвы, что указывает на стремление части армянского населения проживать ближе к месту своего первоначального компактного поселения на территории бывшей Мясницкой части⁴⁶⁵.

Итак, привлечение домовых книг Москвы 1918–1921 гг., а также материалов переписей 1912 и 1923 гг., позволило проследить тенденции в динамике размещения этнических меньшинств на территории Москвы за период 1912–1923 гг. Сравнение индексов локализации этнических меньшинств в пяти участках Москвы по данным домовых книг 1920 г. и результатам переписи 1912 г. показало, что книги как источник отражают общие тенденции с переписями, но имеют и свои особенности, обусловленные выборочными данными, а также разницей в 8 лет, в течение которых этническая структура Москвы трансформировалась под влиянием миграций военного времени.

К 1920 году наибольший рост концентрации украинцев по домовым книгам имел место на юго-западе, северо-западе и юго-востоке Москвы. Причем, если западные районы были привлекательны для проживания украинцев еще в начале XX в., то новой тенденцией явился существенный рост индекса их локализации на юго-востоке. Смещение концентрации украинцев на юг Москвы подтверждают и материалы переписи населения, согласно которым их локализация за 1912–1923 гг. повысилась во всей южной части города, но понизилась на севере.

⁴⁶⁴ См. Приложение. Рисунки 38, 39.

⁴⁶⁵ См. Приложение. Рисунки 18, 19.

Важно учитывать, что в отличие от множества других этнических меньшинств, большинство ареалов концентрации украинцев располагалось за пределами Садового кольца, в третьем поясе Москвы. Таким образом, в первой четверти XX в. первоначально концентрация украинцев на территории города смещалась в западном направлении, а позже в южном. О динамике расселения белорусов на территории Москвы судить сложнее из-за отсутствия данных за 1912 г. Однако высокие индексы их локализация на западе и юго-востоке Москвы в 1920 г. и 1923 г. определенно указывают как на общие тенденции концентрации этнических меньшинств в западной части города, так и на особенности в выборе проживания.

Поляки проживали на территории Москвы наиболее равномерно в сравнении с остальными этническими меньшинствами города. Тем не менее, в начале XX в. их основной ареал концентрации смещался с юга и юго-запада в центральную часть Москвы и примыкавшие к нему с наружной стороны Садового кольца северо-западные городские части. К 1920 году по данным домовых книг прослеживается рост индекса локализации поляков на юго-западе, в остальных же участках он менялся незначительно. К 1923 году ареал концентрации польского населения сместился с юго-запада на юг, и вместе с тем возникла новая тенденция в их расселении — повышение индекса локализации на юго-востоке города в Рогожско-Симоновском районе. Таким образом, к началу 1920-х гг. обозначилось образование двух ареалов концентрации поляков на территории Москвы, один из которых имел место еще в начале XX в. и находился на северо-западе города, второй сформировался в ходе миграций военного времени на его юге.

Схожую с поляками картину расселения на территории города в начале XX в. имели литовцы, отличаясь более высокой кучностью проживания. Как и у поляков в начале XX в., концентрация литовцев смещалась с юга и юго-запада в центр и на северо-запад Москвы. Однако смена вектора в направлении расселения у них происходила более выражено — к 1920 г. индекс их локализация на юго-западе города вырос, а в остальных четырех участках снизился. К 1923 году намеченная тенденция получила дальнейшее развитие, концентрация литовцев на юго-западе и юге Москвы существенный возросла, но одновременно снизилась на северо-западе, северо-востоке и юго-востоке города. Таким образом, в первой четверти XX в. в расселении поляков и литовцев на территории Москвы первоначально имело место

смещение ареалов их концентрации с юга в центр и на северо-запад, которое позже происходило в обратном направлении.

В 1920 г. по данным домовых книг имела место крайне высокая концентрация немцев в центре Москвы, а также происходил ее существенный рост на северо-западе и юго-западе, невысокий — на востоке, при относительной стабильности на юго-востоке. В 1920—1923 гг. смещение ареала концентрации немцев на запад продолжалось. Так как в начале XX в. наибольший индекс локализации немцев имел место в восточной части центра Москвы, то ее последующее смещение на запад вероятнее всего привело к распространению ареала их концентрации на территорию бывших 1-го и 2-го городских поясов внутри Садового кольца. Значительное влияние на концентрацию немцев в центральных районах Москвы могла оказать напряженная атмосфера в российском обществе после начала войны с Германией, что выразилось в их стремлении компактно проживать в пределах наиболее защищенной части города.

По данным домовых книг к 1920 году рост концентрации латышей и эстонцев имел место на северо-западе, в то время как на территории остальных четырех участков либо особых изменений не произошло, либо наблюдалось снижение их доли. Расчеты на основе данных переписи 1923 г. зафиксировали рост концентрации латышей и эстонцев на юго-западе и юге Москвы, причем у последних этот процесс протекал интенсивнее. Ареалы их концентрации в начале XX в. занимали все части 1-го и 2-го поясов Москвы и смещались с востока на запад. Логично утверждать, что в 1912—1923 гг. дальнейшее смещение их концентрации на юго-запад происходило в первую очередь внутри Садового кольца, а на юг — в примыкающие территории Замоскворечья. Таким образом, в первой четверти XX в. расселение латышей и эстонцев на территории Москвы выражалось в постепенном смещении ареалов их концентрации, сначала с востока на запад, а затем на юго-восток и юг, главным образом в пределах центральных участков города. Выделяется также рост концентрации латышей и особенно эстонцев в Замоскворечье, где еще в начале XX в. она оставалась невысокой.

В начале XX в. происходило смещение ареала концентрации евреев с востока на запад внутри Садового кольца. К 1920 г. наибольшие изменения в расселении евреев по данным домовых книг зафиксированы в юго-западном и центральном участках Москвы, где индексы их локализации выросли. По переписи 1923 г. прослеживается дальней-

шее смещение ареала концентрации евреев в западную часть центра города, особенно выраженное в юго-западном направлении. В 1912–1923 гг. значительное снижение индекса локализации евреев на востоке Москвы и ее рост на западе, является не только индикатором вектора их расселения, но и формирования нового ареала их концентрации на юго-западе в центральных участках города. В то же время на юге и юго-востоке индексы локализации евреев сохранялись на уровне ниже среднего городского, что указывает на приоритеты в их расселении, вне которых остались территории Замоскворечья и бывшая Рогожская часть на юго-востоке Москвы.

По материалам переписей населения 1897 и 1912 гг. прослеживается концентрация татар в двух ареалах, основной из которых находился в северных участках центра города, другой в Замоскворечье — месте их первоначального компактного проживания. По данным домовых книг к 1920 г. намечался рост индекса локализации татар на востоке Москвы, при том что в остальных четырех участках существенных изменений не зафиксировано. В период 1912–1923 гг. происходило смещение ареала концентрации татар из северных участков центра города к северо-востоку, а также рост индекса их локализации в Замоскворечье. Таким образом, в начале XX в. ареал концентрации татар смещался в северную часть центра города, однако в 1912–1923 гг. в их расселении намечается обратный процесс.

К 1920 году по данным домовых книг индекс локализации армян в центральном участке снизился, однако на фоне восстановления численности населения Москвы после Гражданской войны их концентрация в центре Москвы снова повышается. В то же время в 1912–1923 гг. прослеживается рост концентрации армян на юго-западе Москвы и ее спад на северо-западе города. Таким образом, если в начале XX в. ареал концентрации армян смещался из восточной части центра Москвы в западную, то миграции периода 1912–1923 гг. привели к дальнейшему его смещению на юго-запад, а также ее росту в центре города, вероятнее всего в месте их первоначального компактного проживания.

Таким образом, данные переписей 1897, 1912, 1920 и 1923 гг., а также сведения из домовых книг 1920 г., дополняя друг друга, позволили проследить тенденции в динамике расселения этнических меньшинств Москвы в период Первой мировой и Гражданской войн, когда миграции населения стали интенсивнее и приняли неестественный характер

в сравнении с мирным временем. Наибольшие изменения в 1912–1923 гг. произошли в четырех крупных районах Москвы, в границах которых до революции существовали участки, расположенные внутри Садового кольца, с традиционно высокой концентрацией этнических меньшинств. В 1912–1923 гг. происходило развитие и ускорение тенденций, наметившихся еще в начале XX в. – смещение концентрации большинства этнических меньшинств с востока и центра города в его западную часть, что особенно выразилось в росте индекса их локализации на юго-западе Москвы. Низкие значения индексов локализации этнических меньшинств сохранялись на юге Москвы в Замоскворечье и особенно на юго-востоке города, в том числе на территории бывшей Рогожской части.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XIX — первой четверти XX вв. миграции населения в Москву оказывали существенное влияние на численность и размещение ее наиболее многочисленных этнических меньшинств. Почти все из них еще до начала Первой мировой войны значительно опережали по темпам прироста численности русское население города. Относительный и абсолютный рост численности этнических меньшинств способствовал образованию новых ареалов их концентрации на территории Москвы. После начала Первой мировой войны темпы миграций этнических меньшинств в Москву повысились на порядок, а их удельный вес в населении города вырос в два раза. Последовавшие революция и начало продовольственного кризиса вызвали отток половины жителей из Москвы. С окончанием Гражданской войны численность горожан снова начала расти, но произошедшие катаклизмы привели к существенным изменениям как в соотношении этнических меньшинств Москвы, так и в их размещении на территории города.

История формирования этнических меньшинств на территории Москвы явилась в настоящем исследовании неотъемлемой составляющей анализа динамики их расселения в конце XIX — первой четверти XX вв. К концу XIX в. наиболее многочисленные этнические меньшинства Москвы прошли разные пути, расселяясь по территории города в течение нескольких столетий. До начала XVIII в. власти селили иноземцев в компактных поселениях, отдельно от местного населения, за городской чертой, однако те в стихийном порядке стремились переселиться ближе к центру, в восточную часть Белого города.

В XVIII в. этнические меньшинства получили возможность свободнее расселяться по всей территории Москвы, наметились новые ареалы их концентрации в центре города, наиболее предпочтительным из которых являлся восток исторической территории Белого города, позже ставший Мясницкой частью. Во второй половине XIX в. численность этнических меньшинств Москвы продолжала расти, более дисперсный характер приобретало их размещение на территории города. Оно менялось от компактного проживания за чертой города в XVII в. до свободного проживания по всей Москве в XIX в. Однако, судя

по образованию новых мест концентрации этнических меньшинств, наиболее предпочтительной территорией их проживания являлся центр города, точнее его Мясницкая часть.

Обращаясь к динамике концентрации этнических меньшинств Москвы в начале XX в., когда наблюдался бурный рост численности ее населения, необходимо учитывать, что в составе большинства из них абсолютно преобладали мигранты. К началу XX в. этнические меньшинства давно расселились за пределы мест своего первоначального компактного проживания, однако за 1897–1912 гг. кучность размещения эстонцев, латышей, татар, евреев, немцев, литовцев и армян повысилась. В отличие от них, поляки и украинцы расселились по территории Москвы равномернее, не имея крупных, выраженных ареалов высокой концентрации.

В целом же прослеживается тенденция к смещению концентрации этнических меньшинств из восточных в западные части центра города за 15 лет. Несмотря на то, что расселение каждого отдельного этнического меньшинства Москвы имело свои особенности, можно говорить о том, что в начале XX в. армяне, евреи, немцы и латыши, предпочитали проживать в центральных городских частях, а украинцы, белорусы, поляки, литовцы, эстонцы и татары концентрировались как в центре, так и на окраинах.

На формирование этнического состава населения Москвы значительное влияние оказали вынужденные миграции, затронувшие значительную часть населения России в период Первой мировой войны. С 1915 г. существенно возрос поток беженцев и вынужденных переселенцев, направлявшихся из западных губерний страны в Москву. По оценке, основанной на анализе конфессионального состава населения города, совокупная доля поляков, литовцев, белорусов, армян, немцев, латышей, эстонцев, евреев и татар к началу 1917 г. повысилась в два раза, русских старообрядцев — в три раза. Наоборот, с 91,6% до 80,4%, снизилась доля православных, абсолютное большинство которых составляли русские, что заметнее всего проявилось в 1915–1916 гг., когда спад их численности в абсолютных цифрах составил около 100 000 человек мужского пола. За те же два года удельный вес немцев снизился настолько, что они перестали быть первым по численности этническим меньшинством Москвы. Продолжение боевых действий на фронтах и отступления русских войск стимулировали новые миграции беженцев, и за полгода доля

евреев в населении Москвы снова возросла 2 раза, составив к концу лета 1917 г. не менее 3,4%.

Максимальная численность беженцев и переселенцев военного времени имела место на территории Москвы в 1917 г. После подписания Брестского мира и выхода России из войны их доля в населении города начала снижаться, а соотношение этнических групп — меняться. По данным из домовых книг численность населения Москвы снижалась с 1918 г. по август 1920 г., после чего начался ее рост. В 1918—1920 гг. суммарный удельный вес немцев, поляков, белорусов, украинцев, латышей, литовцев и эстонцев, проживавших на территории Москвы, снизился в два раза, в 1921 г. этот спад сменился стабилизацией. Изменения удельного веса татарского и армянского населения города были в это время незначительны. Одновременно со снижением общей численности населения Москвы, на ее территории возрастал процент русских и евреев, рост доли первых происходил в 1918—1920 гг. и сменился стабилизацией в 1921 г., рост удельного веса вторых увеличился за четыре года в полтора раза.

Именно в первые годы после окончания Первой мировой войны обозначились новые направления миграций и их объемы, оказавшие значительное влияние на формирование этнического состава населения Москвы в первой половине 1920-х гг. В 1918—1920 гг. при снижении общей численности населения города приезжие убывали быстрее местных жителей, в то же время, динамика удельного веса каждой отдельной этнической группы зависела от региона выхода мигрантов, ее пополняющих. Наибольший вклад в снижение численности выходцев из западных губерний за 1918—1921 гг. внесли поляки и немцы, до войны являвшиеся двумя наиболее многочисленными этническими меньшинствами Москвы.

Среди немцев наибольшая убыль была характерна для выходцев из Прибалтики, среди поляков — из бывшего Царства Польского. На фоне повышения удельного веса русского населения Москвы в 1918—1921 гг. менялось и соотношение среди русских, прибывших в город из ближайших восьми губерний. За четыре года в составе русского населения Москвы выросла доля местных жителей и выходцев из Московской губернии, но наметилась убыль мигрантов из ближайших губерний северо-запада. В 1918—1921 гг. среди еврейского населения Москвы постоянно снижалась доля местных жителей, а также прибывших из других регионов России. В то же время повышался удельный

вес евреев, прибывавших в город из губерний с преобладанием носителей белорусского, литовского и украинского языков.

В первой половине 1920-х гг. процессы формирования этнического состава населения Москвы входили в мирное русло, однако на них продолжало сказываться влияние, оказанное миграциями населения периода Первой мировой и Гражданской войн. Послевоенные миграции продолжали трансформировать этнический состав населения Москвы, в нем снижалась доля немцев, поляков, латышей, литовцев, эстонцев — представителей государств, оставшихся вне границ Советской России, но увеличивалась доля русских, евреев, белорусов, украинцев, татар, армян — этнических групп, входивших в состав СССР. К 1926 г. в Москве наметились две наиболее многочисленные этнические группы, доля которых была на порядок выше, чем у остальных — русские и евреи. Русские сохранили абсолютное большинство в населении города, их удельный вес к 1926 году повысился до 87,5 %, однако не достиг довоенного уровня. Доля евреев увеличилась в населении Москвы до 6,5% вследствие их миграций в Москву как во время, так и после войны.

Если в конце XIX в. максимальный индекс локализации этнических меньшинств имел место на востоке центра Москвы, то к началу 1920-х гг. ареал их наибольшей концентрации сместился в западную часть города. Особое внимание обращает на себя юго-западный район Москвы, где еще в 1912 г. концентрация этнических меньшинств на территории Пречистенской и Хамовнической частей была невысокой, а к 1923 г. значительно увеличилась. В то же время на юге Москвы, даже с учетом роста индекса локализации украинцев, поляков, литовцев, латышей, эстонцев и татар, Замоскворечье все еще оставалось территорией их невысокой концентрации. А бывшая Рогожская часть на юго-востоке города также, как и в начале XX в. не являлась привлекательно для большинства этнических меньшинств Москвы за исключением украинцев, белорусов и поляков.

Таким образом, исследование показало, что в конце XIX — первой четверти XX вв. на территории Москвы существовали ареалы концентрации тех или иных этнических меньшинств, которые не были статичны. Удельный вес большинства из них возрастал в основном за счет мигрантов, прибывавших из своей этнической среды, что способствовало возникновению новых ареалов их концентрации. Вместе с тем, в начале XX в. в характере расселения большинства этнических

меньшинств на территории Москвы все еще отражалось расположение мест их первоначального компактного проживания в XVII–XVIII вв. И наконец, несмотря на существенные изменения в направлениях и объемах миграций этнических меньшинств Москвы во время Первой мировой войны, те тенденции к смещению ареалов их концентрации из восточной в западную часть города, которые имели место еще в начале XX в., сохранились и даже получили свое ускорение в первой половине 1920-х годов.

Необходимо отметить, что вопрос об интерпретации полученных нами новых данных о размещении и численности этнических меньшинств на территории Москвы, потребует отдельного масштабного исследования, основой которого могут стать уже иные исторические источники. Тем не менее, проведенный анализ позволяет поставить вопрос о некоторых факторах, влиявших на этнические меньшинства Москвы в конце XIX – первой четверти XX вв. в качестве гипотез, а также очертить задачи на будущее. Сама по себе концентрация этнических меньшинств в тех или иных районах города могла возникать по причине увеличения темпов миграций в случае, когда мигранты первого поколения испытывали потребность в более тесном общении в рамках своей этнической среды, поселяясь вблизи друг от друга в условиях инокультурного окружения. Тогда логично объясняется рост кучности в размещении большинства этнических меньшинств Москвы, имевший место в начале XX в.

В то же время, расположение ареалов концентрации этнических меньшинств до Первой мировой войны имело различный характер. Одни из них концентрировались преимущественно в центре города (армяне, евреи, татары, немцы), другие – и в центре, и на окраинах (белорусы, украинцы, поляки, литовцы, латыши, эстонцы). Выбор определенной части городского пространства косвенно указывает на готовность меньшинства взаимодействовать с той или иной средой, на предпочтения в выборе этнических контактов. Если учесть, что центральные части Москвы являлись наиболее урбанизированной и толерантной средой, средоточием административного порядка и стабильности, то в таком характере расселения можно увидеть его зависимость от степени культурной близости этнического меньшинства к окружающим большинством.

Несмотря на то, что расселение этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX – начале XX вв. не было статичным,

в характере их концентрации прослеживается смещение из восточной в западную часть города. Причем в результате миграций периода Первой мировой и Гражданской войн данное смещение не только не замедлилось, но и приобрело ускорение. Такое направление расселения этнических меньшинств может объясняться высоким уровнем престижности западных районов Москвы внутри Садового кольца. Если в восточной части центра города концентрировалось купеческое сословие, то в западной — дворянское. Ускорение заселения этническими меньшинствами западных районов Москвы представляется естественным, если учитывать, что после революции 1917 г. происходил отъезд из города значительного числа жителей, принадлежавших к высшим сословиям. Таким образом, в первые годы советской власти, фактор освободившегося жилья действовал наряду с ранее выраженным трендом на смещение этнических меньшинств в западную часть Москвы, а также ростом их численности.

Представляется естественным стремление беженцев на родину с окончанием мировой войны, чему также способствовало становление новых государств на территории бывшей Российской империи. Несмотря на это, процесс возврата на родину в меньшей степени затронул еврейское население Москвы, численность которого, напротив, возрастала в основном за счет притока мигрантов из Белоруссии, Украины, Литвы. Убыль еврейского населения из западных губерний Российской империи имела место и до войны, однако их переезд во внутренние губернии страны был ограничен. Вместе с тем, во второй половине XIX — начале XX вв. доля евреев в Москве возрастала даже несмотря на сложности с легализацией. Таким образом, в результате искусственного сдерживания, росло число евреев, приоритетом миграций которых был переезд в Москву, что также могло способствовать их резкому росту в городе после отмены ограничений в 1917 г. Дополнительным фактором всплеска миграций евреев в Москву как место, удаленное от фронта и центр порядка и государственной власти, мог служить рост дестабилизации на их родине в период оформления национальных республик после 1917 г.

Для дальнейшего развития исследований о размещении этнических меньшинств на территории Москвы в конце XIX — первой четверти XX вв. важным остается вопрос о факторах, влиявших на формирование предпочтений в выборе места жительства как мигрантов, так и местных жителей. В русле этой же проблемы лежит вопрос о сохра-

нении низкой локализации этнических меньшинств на юго-востоке Москвы и, в частности, на территории ее бывшей Рогожской части. Новые сведения по теме может принести дальнейший поиск материалов об этническом составе населения Москвы с распределением по милицейским участкам, которые могут содержаться в архивных материалах ранних советских переписей 1920 г., 1923 г. и 1926 г. Особый интерес вызывают материалы последующих советских и современных переписей, содержащие сведения об этническом составе, в которых население Москвы распределено по дробным административно-территориальным единицам города. Эти данные позволят анализировать динамику расселения этнических меньшинств на территории Москвы за период более чем в 100 лет.

ИСТОЧНИКИ

Центральный государственный архив города Москвы

Ведомости о числе разного рода зданий, о числе жителей по сословиям, о движении населения по уездам Московской губернии. 1908 г. // Ф. 199, Оп. 2, Д. 698.

Ведомости о числе раскольников разных сект, устройстве отставных нижних чинов, о скотоводстве, о пожарах в Московской губернии, о числе жителей по вероисповеданиям, по сословиям, о состоянии пожарной части, о ремесленниках. 1915 г. // Ф. 199, Оп. 2, Д. 977.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Статистические сведения о естественном приросте, плотности населения и о среднем количестве площади, приходящейся на одного человека в г. Москве // Ф. 126, Оп. 13, Д. 21.

Документы (выписка из постановления, приказы, удостоверения, переписка) о запрещении въезда в Москву населения оккупированных территорий. 1920 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 32.

Документы (приказы, должностные инструкции, положения, телеграммы и др.) о работе отделения. 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 548.

Документы (циркуляры, приказ, телеграмма, переписка и др.) о порядке прописки в Москве, выдачи паспортов, розыске разных лиц. 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 4, Д. 364.

Домовая книга дома №10 по Нижне-Лесному переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 8, Д. 122.

Домовая книга дома №14 по Новой Басманной улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 13.

Домовая книга дома №15 по Гороховскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 28.

Домовая книга дома №17 по Пролетарской (4-й Рогожской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 475.

Домовая книга дома №2 по Дурнову переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 8, Д. 104.

Домовая книга дома №2/13 по Большому Рогожскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 476.

Домовая книга дома №23 по Большой Коммунистической (Большой Алексеевской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 454.

Домовая книга дома №23 по Гороховскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 32.

Домовая книга дома №24 по Новой Басманной улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 15.

Домовая книга дома №26 по Школьной (1-й Рогожской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 520.

Домовая книга дома №29 по Большой Красноармейской (Большой Андроньевской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 464.

Домовая книга дома №29 по Пименовской улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 3, Д. 371.

Домовая книга дома №3/5 по Андроньевскому проезду и Съезжинскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 424.

Домовая книга дома №30 по улице Остоженка на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 8, Д. 146.

Домовая книга дома №31 по Долгоруковской улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 3, Д. 315.

Домовая книга дома №37 по Долгоруковской улице на 1917 г. // Ф. 1331, Оп. 3, Д. 316.

Домовая книга дома №4 по Весковскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 3, Д. 301.

Домовая книга дома №4/5 по Козьмодемьяновскому и Петроверигскому переулкам на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 385.

Домовая книга дома №44 по Малой Красноармейской (Малой Андроньевской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 468.

Домовая книга дома №46 по Большой Коммунистической (Большой Алексеевской) улице на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 7, Д. 457.

Домовая книга дома №6 по Басманному тупику на 1917 г. // Ф. 1331, Оп. 6, Д. 12.

Домовая книга дома №8 по Лопухинскому переулку на 1918 г. // Ф. 1331, Оп. 8, Д. 125.

Опубликованные источники:

Букуновский А.Н. Сборник обязательных постановлений и распоряжений по московской городской полиции. М.: кн. маг. И.К. Голубева п./ф. «Правоведение», 1905. VI, 356, XVI с.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1910. № 121.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1911. № 40.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1912. № 62.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1913. № 72.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1913. № 95.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1913. № 114.

Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. 1913. № 268.

Ведомости московского градоначальства. 1911. №3.

Ведомости московского градоначальства. 1911. №16.

Ведомости московской городской полиции. 1882. №67.

Ведомости московской городской полиции. 1882. №76.

Ведомости московской городской полиции. 1894. №194.

Ведомости московской городской полиции. 1894. №195.

Всеобщая перепись 1920 года, демографическо-профессиональная и сельскохозяйственная, с учетом промышленных предприятий. М.: 4-я Гос. тип., 1920. 63 с.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. XXIX, 138 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 2. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. 453 с.

Всесоюзный IV съезд статистиков 1926 г. Постановления съезда по вопросам переписи 1926 г. М.: б. и., 1926. 43 с.

Еврейская неделя. 1917. №30.

Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. №1.

Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1916. №4.

Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №17.

Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №18.

Известия Комитета ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны. 1917. №19.

Исчисление населения г. Москвы в феврале 1907 года. Вып. 1. М.: Стат. отд. Моск. гор. управы, 1907. 15 с.

Керстич И.Г. Алфавитный сборник руководящих приказов и циркулярных распоряжений по московской полиции с 1881 года по 1 сентября 1907 года. Ч. 1. М.: Тип. Русский голос, 1907. XXIV, 613 с.

Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. Т. 2. СПб.: Паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905. LX, 417 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 1. СПб.: б. и., 1901. 52 с.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб.: Т-во Художественной печати, 1904. XXXVIII, 275 с.

Перепись Баку 1913 года. Ч. 3. Вып. 1. Баку: Типография Первого Типографского Т-ва, 1916. LXXI, 103 с.

Перепись Москвы 1882 года. Вып. 1. М.: Городская Типография, 1885. 193, 130 с.

Перепись Москвы 1882 года. Вып. 2. М.: Городская Типография, 1885. 394 с.

Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 1. М.: Городская Типография, 1904. IX, 155 с.

Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 2. М.: Городская Типография, 1906. VII, 227 с.

Перепись Москвы 1902 г. Ч. 1. Вып. 3. М.: Городская Типография, 1906. 247 с.

Перепись населения в г. Риге и Рижском патримониальном округе от 5 декабря 1913 г. Вып. 1. Рига: типография Мюллера, 1914. 35 с.

Петроград по переписи населения 15 декабря 1910 года: население. Ч. 1. Петроград: Городская Типография, б. г. 339 с.

План города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.).

План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. // URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022 г.).

План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.).

Приложение №1 к Протоколу Пленума №5 от 9 февраля // Протокол №5 заседания Пленума IV Съезда статистиков 1926., М.: ЦСУ Союза ССР, С. 5–6.

Результаты однодневной переписи населения города Варшавы в 1882 году. Ч. 1. Варшава: Типография К. Ковалевского, 1883. 85 с.

Результаты однодневной переписи населения города Варшавы в 1882 году. Ч. 3. Варшава: Типография Владислава Шульца, 1885. 216 с.

Россия. Департамент полиции. О преобразовании Московской городской полиции. 28 февраля 1881 года. М.: б. и., 1881. 134 с.

Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1900 года. Вып. 1. СПб.: Издание Городской Управы по Статистическому Отделению, 1903. VIII, 201 с.

СЗРИ. Т. 14: Свод уставов благочиния. Ч. 3, 4, 5. СПб.: Тип. Второго отделения Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. 186, 112, 351 с.

СЗРИ. Т. 14: Устав о паспортах. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1903. 126 с.

Систематический сборник декретов, постановлений Московского Совета и распоряжений правительственной власти по жилищному вопросу. М.: Тип. М.К.Х., 1923. 106, IV с.

СНК РСФСР «Положение об управлении домами» от 8 августа 1921 года. // URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1043.htm (дата обращения: 02.09.2022 г.).

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате за 1917 г. Отдел 1-й. №141. 20 июня 1917 г. Ст. 754. С. 1221.

Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 года. М.: Типография при Канцелярии Обер-Полицеймейстера, 1874. XXVI, 89 с.

Статистический атлас Москвы и Московской губернии. Вып. 1. М.: Типо-Литогр. М.С.Н.Х., 1924. 30 с.

Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. 2. М.: б. и., 1922. XXVIII, 377 с.

Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914–1925 гг. М.: Стат. отд. Моск. совета, 1927. XIV, 279 с.

Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 1. 1906–1907. М.: Городская Типография, 1908. XVII, 181 с.

Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 3. 1909–1910. М.: Городская Типография, 1913. 265 с.

Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М.: Городская Типография, 1916. 316 с.

Статистический справочник г. Москвы и Московской губернии 1927 г. М.: Городская Типография, 1928. XI, 282, VIII с.

ЛИТЕРАТУРА

Абецедарский Л.С. Белорусы в Москве XVII в. Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1957. 61 с.

Акуневич В.В. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. как источник для изучения этно-конфессиональных процессов (на примере Витебской губернии) // На пути к гражданскому обществу. 2018. № 3 (31). С. 73–76.

Александрова Т.М. Материалы церковно-приходского учета как этнографический источник // Этнография Петербурга–Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб: МАЭ РАН, 2004. С. 32–60.

Алешина Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных антропонимических системах // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. №1. С. 60–62.

Амирьянц И.А. Армяне Москвы // Москва. Народы и религии. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 134–144.

Андреев А.Н. Динамика конфессиональной жизни лютеранской общины Святого Михаила в Москве в 1690-х – 1760-х гг. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16. №1. С. 6–10.

Андрианов Б.В. Население Африки (Этностатистический обзор). М.: Наука, 1964. 276 с.

Антышев А.Н. Имена. Немецкие антропонимы. Уфа: Изд-во Башк. гос. аграр. ун-та, 2001. 238 с.

Аргудяева Ю. В. Этнодемографическая история сельских семей Приморья: по материалам метрических и домовых книг // Материалы Всероссийского научного симпозиума по исторической демографии «Этнодемография и этнокультурные процессы на Севере Евразии в прошлом и настоящем: источники изучения и методы их анализа»: сб. ст. Вып. 4, ч. 1. Сыктывкар, 2007. С. 128–134.

Арутюнян Ю.В. Москвичи: этносоциологическое исследование. М.: Наука, 2007. 271 с.

Арутюнян Ю.В. Опыт социально-этнического исследования (по материалам Татарской ССР) // Советская этнография. 1968. №4. С. 3–13.

Бартеле Т.М., Шалда В.А. Латыши в Москве. Вторая половина XIX века – 1917 год // Отечественная история. 2002. №4. С. 50–63.

Бархударян В.Б. История армянских колоний Москвы и Петербурга (половина XVIII – начало XX века). Ереван: Изд-во «Гитутюн» НАН РА, 2015. 428 с.

Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.

Бахурин Ю. А. Вынужденные переселенцы из западных окраин Российской империи в Москве и Московской губернии (1914–1917 гг.) // Великая война: сто лет. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 170–190.

Белова И.Б. Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М.: АИРО-XXI, 2014. 432 с.

Берджесс Э.У. Рост города: Введение в исследовательский проект // Чикагская социология: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 20–34.

Билотас В. Католики Южной Сибири и Центральной Азии: места проживания и численность согласно церковным регистрам второй половины XIX в. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016. №9. С. 182–192.

Бирилло Н.В. Белорусская антропонимия: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Минск: Ин-т языкознания им. Якуба Коласа, 1969. 47 с.

Богословская З.М., Малкова Р.А., Щеголихина Ю.В. Личные имена как проявление исторической памяти российских немцев // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 336–347.

Борzych Н.П. Распространенность межнациональных браков в республиках Средней Азии и Казахстане в 1930-х годах // Советская этнография. 1970. № 4. С. 87–96.

Борщик Н.Д. История Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: на примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Курск, 2003. 24 с.

Брук С.И., Кабузан В.М. Этнический состав населения России (1719– 1917 гг.) // Советская этнография. 1980. №6. С. 18–34.

Бугай Н.Ф., Дизендорф В.Ф., Иларионова Т.С., Петров Ю.А., Чеботарева В.Г. Немцы: 250 лет в России. Т. 1. М.: Гриф и К, 2012. 485 с.

Былов Г.В. Пространственная сегрегация сословий Москвы на рубеже XIX – XX веков // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. Сургут, 2015. С. 324–335.

Ванагас. А. Принципы и структура словаря современных литовских фамилий // Ономастика и норма. М.: Наука, 1976. С. 71–79.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Ермакова М.А. Места резидентной концентрации мигрантов в российских городах: есть ли паттерн? // Социологическое обозрение. 2020. № 2. Т. 19. С. 225–253.

Васильева Э.К. Этнодемографическая характеристика семейной структуры населения Казани в 1967 г. (По материалам социологического исследования) // Советская этнография. 1968. № 5. С. 13–24.

Васченко В. О специфике фамилий липован (русских старообрядцев в Румынии) // Этнография имен. М. Наука, 1971. С. 85–92.

Вендина О.И., Панин А.Н., Тикун В. С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия РАН. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик, и сапиентемы. М.: «Индрик», 2005. 1037 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // Вирт Луис. Избранные работы по социологии: Сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2005. С. 89–113.

Витковский Т. Немцы ГДР // Системы личных имен у народов мира. М. Наука, 1989. С. 229–233.

Вишневский В.В. Еврейские метрические книги в объединенном государственном архиве Челябинской области // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы региональной научно-практической конференции. Челябинск: Государственное учреждение “Объединенный государственный архив Челябинской области”, 2018. С. 93–98.

Воблый В.К., Пустоход П.И. Переписи населения: (Их история и организация). М.-Л.: Соцэкгиз, 1940. 160 с.

Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.–Л.: Гос. изд-во, 1930. 272 с.

Волкова Н.Г. Изменения в городском населении Закавказья в конце XIX–XX века // Советская этнография. 1968. № 6. С. 39–51.

Воробьев Н.Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Госстатиздат, 1957. 107 с.

Выдро М.Я. Население Москвы: (По материалам переписей населения 1871–1970 гг.). М.: Статистика, 1976. 54 с.

Гаврилова И.Н. Население Москвы: исторический ракурс. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 2001. 480 с.

Ганцкая О.А. Этнос и семья в СССР // Советская этнография. 1974. № 3. С. 20–30.

Гапоненко Л.С., Кабузан В.М. Материалы сельскохозяйственных переписей 1916–1917 гг. как источник определения численности населения России накануне Октябрьской революции // История СССР. № 6. 1961. С. 97–115.

Гарагуля С.И. Имя личное в иноязычной среде // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 66. С. 33–38.

Гастарбайтерство. Факторы адаптации / Сост. Н.А. Дубова. Под общей ред. М.Н. Губогло. М.: Старый сад, 2008. 387 с.

Гозулов А.И. Местные переписи населения до революции (1861–1917) // Ученые записки РФЭИ. Т. 1. Ростов-на-Дону: б. и., 1941. С. 249–307.

Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран. М.: изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «Союзоргучет», 1936. 588 с.

Гончарова Н.С. Татары в Москве: Опыт историко-статистического исследования: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.07. М., 2003. 24 с.

Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914–1917 гг. в России // Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. Вып. 1. М.-Пг.: Государственное Изд-во, 1923. С. 7–46.

Григорян А.В. Из истории армянской колонии Москвы (XIV – первая половина XIX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М.: МФГО, 1987. 49–58.

Григорян Г.Ш. Домовые книги как этнодемографический источник изучения населения Москвы (1918–1921 гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 4. С. 1042–1057.

Григорян Г.Ш. Изменения этнического состава населения Москвы во время Первой мировой войны // Вестник антропологии. 2021. № 3. С. 304–319.

Гудаувичус А. Природа в системе литовских личных имен // Вопросы ономастики. 2013. № 2(15). С. 137–145.

Демидович Д.М. Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение. 2014. № 9-3. С. 83–88.

Деминцева Е.Б. Мигранты в постсоветском городе // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 1. С. 5–14.

Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 3. С. 88–97.

Деннингхаус В. Московские немцы в зеркале дореволюционной статистики // Немцы России и СССР, 1901–1941 гг.: Материалы международной научной конференции. М.: Готика, 2000. С. 31–41.

Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. 504 с.

Дерябин А.В. Некоторые аспекты проведения Всесоюзной переписи населения 1926 года // Телескоп: Научный альманах. Вып. 3. Самара: Научно-технический центр (НТЦ), 2003. С. 23–31.

Дзарасова И.В. История воспроизводства населения столицы // О населении Москвы. М.: Статистика, 1980. С. 23–38.

Дробижева Л.М. Этносоциологическое изучение современности // Расы и народы. М.: Наука, 1976. Вып. 6. С. 64–73.

Дроздова С.А., Антилогова К.А. Процесс формирования украинских фамилий // Диалог культур: лингвокультурологическая база гуманитарного образования. Сборник научных статей V международной научно-практической конференции. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2017. С. 63–67.

Дьячков В. Л., Канишев В. В., Орлова В. Д. Место метрических книг в комплексе источников по исторической демографии России XVIII — начала XX в. // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. С. 48–84.

Евсеева Е.Н. Жилищные условия рабочих (по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) // Социальная политика советского государства и рабочий класс. Вопросы методологии, историографии, источниковедения: Сборник трудов. М.: МГИАИ, 1988. С. 102–113.

Евстигнеев Ю.А. Национально-смешанные браки в Махачкале // Советская этнография. 1971. № 4. С. 80–85.

Жеребцов И.Л., Жеребцов Л.Н. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края

(XVI–XVII века): Доклад на заседании президиума Коми науч. центра УрО АН СССР 5 июля 1990 г. Сыктывкар: КНЦ СО АН СССР, 1990. 24 с.

Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов: История подготовки и проведения // История СССР. №3. 1990. С. 84–104.

Замзаре Д.Э. Латышские личные имена // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 65–68.

Кабо Е.О. К вопросу о естественном движении населения в пореформенной Москве // Ученые записки по статистике. Т. 10. М.: Наука, 1966. С. 323–333.

Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858–1917 гг.) // Источниковедение отечественной истории. М.: Наука, 1982. С. 100–117.

Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр “БЛИЦ”, 1996. 347 с.

Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года: Критико-статистический этюд. СПб.: С.-Петербург. политехн. ин-т, 1909. 110 с.

Казьмина О.Е. Вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения России и СССР // Этнографическое обозрение. № 5. 1997. С. 156–161.

Калимуллина А. Татарские мусульманские метрические книги в фондах национального архива Республики Татарстан // Восточный архив. М., 2009. № 1(19). С. 90–92.

Карпенко Б.И. Перепись населения г. Петрограда 2 июня 1918 года // Вопросы статистики. №6. 1998. С. 84–93.

Келлер А. Немцы в Москве XVI – начала XX вв.: их культурная и общественная жизнь // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М. б. и., 1997. С. 53–105.

Кириллова Е.А. Петроградские жилтоварищества в начале 1920-х гг.: организация, состав и «классовая линия» городских властей // Новый исторический вестник. 2013. № 3(37). С. 72–79.

Кисель О.В. Коннотативный аспект семантики личных имен // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. №19. С. 356–362.

Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы XVII–XVIII вв. // Немцы Москвы: исторический вклад в культуру столицы. М.: б. и., 1997. С. 4–7.

Козлов В.И. Население Москвы (Историко-демографический обзор) // Москва: народы и религии. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 7–9.

Козлов В.И. Этническая демография. М.: Статистика. 1977. 240 с.

Комарова Р.А. Немецкая антропонимика. М.: Издательство Саратовского университета, 1979. 36 с.

Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: материалы VI Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2016. С. 374–378.

Котельников А.Н. История производства и разработки всеобщей переписи населения 28-го января 1897 г. СПб.: кн. маг. «Наша жизнь», 1909. 124. с.

Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН, 2005. 51 с.

Куповецкий М.С. Еврейское население Москвы (XV–XX вв.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М.: МФГО, 1987. С. 58–71.

Курило О.В. Католики в Москве // Москва. Народы и религии. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 52–66.

Курило О.В. Лютеране в Москве // Москва. Народы и религии. М.: Ин-т этнологии и антропологии, 1997. С. 52–66.

Курцев А. Н. Беженство // Россия и Первая мировая война. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 129–146.

Курцев А. Н. Военные беженцы в городах России (1914 - 1917 гг.) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX-XX веков. СПб.: Европейский Дом, 2009. С. 323–335.

Курцев А.Н. Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Т. 2. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 127–135.

Кюршунова И.А. Отражение процессов этнического взаимодействия в антропонимике Карелии донационального периода // *Carelica*. 2014. № 1(11). С. 22–30.

Лахарева Н.В. Реэвакуация беженцев Первой Мировой войны с территории Курской губернии (1918-1925 гг.). Курск: б. и., 2001. 204 с.

Левин Ю.А. Демографическая перепись 1920 года в Орловской губернии: особенности организации и проведения // Стратегия статистического и демографического развития: роль науки и образования. Материалы статей международной заочной научно-практической конференции. Орел: Орловский государственный университет, 2014. С. 25–31.

Литвак К.Б. Перепись 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. № 1. 1990. С. 114–126.

Лихачева Т.Н. Беженцы-поляки из Царства Польского на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: причины появления // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Т. 2. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 119–126.

Лобовская М. Путеводитель по еврейской Москве // Москва еврейская. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 7–114.

Мадиева Г.Б., Супрун В.И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 6(50). С. 96–102.

Маккензи Р.Д. Экологический подход к изучению человеческого сообщества // Чикагская социология: Сб. переводов. М: ИНИОН РАН., 2015. С. 35–51.

Малькова В.К. Новое этнопространство современной Москвы / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2014. Вып. 235. 107 с.

Мартынова М.Ю. Миграционные процессы и повседневная культура москвичей // Молодежь Москвы: адаптация к многокультурности / под ред. М.Ю. Мартыновой, Н.М. Лебедевой. М.: РУДН, 2007. С. 274–304.

Массальский В.И. Однодневные переписи г. Москвы // Народное хозяйство. Книга VII. 1902. С. 68–111.

Мацяеускене В.В. Формирование литовских фамилий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15. Вильнюс, 1981. 22 с.

Мезенка Г.М. Беларуская анамастыка: Навуч дапаможник для студэнтаў універсітэтаў. Минск: Выш. шк., 1997. 119 с.

Миронов Б.Н. Исповедный и метрический учет в имперской России // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2007. С. 8–47.

Миронов Б.Н. История в цифрах. Математика в исторических исследованиях. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1991. 165 с.

Мкртчян Н.В. Демографическая ситуация и этнические процессы в России как базисные условия формирования перспективной миграционной политики // Научные труды: Институт народнохозяйственно-го прогнозирования РАН. 2005. Т. 3. С. 418–439.

Моногарова Л.Ф. Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения // Советская этнография. 1972. № 6. С. 52–63.

Моссаковская В.П. Латышские антропонимы в ономаσιологическом аспекте: структурный и семантический анализ // STEPHANOS. 2016. № 6(20). С. 235–240.

Назарова Е. Латышская интеллигенция в России вторая половина XIX века // Россия и Балтия. Народы и страны. Вторая половина XIX в. — 30-е гг. XX века. М.: Наука, 2000. С. 16–33.

Недзельюк Т.Г. Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2011. № 3(15). С. 129–135.

Никонов В.А. География фамилий. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 200 с.

Никонов В.А. Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.

Никонов В.А. Поляки // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 255–257.

Никонов В.А. Русские // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 262–269.

Никонов В.А. Этнография и ономастика (на материале Украины) // Советская этнография. 1971. №5. С. 25–36.

Новожилов А.Г. Этническая ситуация на северо-западе Новгородской земли XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2004. № 1–2. С. 79–92.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом? / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: РУДН, 2007. 353 с.

Павлов Г.А. Советские переписи населения (1920–1959) // Советская статистика за полвека (1917–1967 гг.). Вып. 2. 1972. С. 9–34.

Парк Р. Э. Город: предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде // Парк Р. Э. Избранные очерки: сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2011. С. 19–56.

Перинов В.В. Метрические книги Верхнеудинской татарской мечети как исторический источник // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 117. С. 77–83.

Пешкова В.М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5(287). С. 24–49.

Покшишевский В.В. Этнические процессы в городах СССР и некоторые проблемы их изучения // Советская этнография. 1969. № 5. С. 3–15.

Плоских В.В. Источниковедческий анализ всеобщей переписи населения 1926 г. // Вопросы Истории Кыргызстана. № 2-3. 2012. С. 245–263.

Пландовский В.В. Народная перепись. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса погран. стражи, 1898. 378 с.

Понуждаев Д.Н. Деятельность органов милиции Беларуси по учету, регистрации и документированию населения в первой половине 20-х гг. XX в. // Вестник Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова. Серия А. Гуманитарные науки: история, философия, филология. № 2(48). 2016. С. 32–36.

Приблуда А.С. Фамилии-аббревиатуры евреев // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 138–146.

Природина У.П. Этнокультурное пространство антропонимов в языке: на материале шведских личных имен, фамилий, прозвищ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. 222 с.

Пучков П.И. Население Океании. Этногеографический обзор. М.: Наука, 1967. 258 с.

Пучков П.И. Этническое развитие Австралии. М.: Наука, 1987. 194 с.

Птуха М.В. Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX в. Киев: ЦСУ Украины, 1928. 58 с.

Раянди Э. Эстонцы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 354–357.

Редфилд Р. Народное общество // Личность. Культура. Общество. 2008. Т. 96. № 5–6 (44–45). С. 99–113.

Решетов А.М. Антропонимические трансформации в инонациональной среде // Этнография имен. М.: Наука, 1971. С. 59–65.

Римша В.П. Белорусы // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 75–77.

Роднов М.И. Население Уфимской губернии по переписи 1920 года: этнический состав (Бирский, Златоустовский и другие уезды). М.: ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 2014. 178 с.

Розенберг Л.И. Татары в Москве XVII – середины XIX века // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М.: МФГО, 1987. С. 16–26.

Савин И.С. Практики локальной интеграции разнوکультурных сообществ как поле экспериментов (на примере Москвы) // Вестник антропологии. 2019. № 1(45). С. 54–66.

Садур В.Г. Татарское население Москвы (1860–1905 гг.) // Этнические группы в городах Европейской части СССР: (Формирование, расселение, динамика культуры). М.: МФГО, 1987. С. 26–39.

Салеева Л.В. Из истории проведения первой Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. // Шестые Гродековские чтения: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы исследования российской цивилизации на Дальнем Востоке». Т. 2. Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2009. С. 79–83.

Саттаров Г.Ф. Татары // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 299–302.

Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011. 284 с.

Семенова Е.А. Этническая информация в материалах переписей населения (источниковедческий аспект) // Этнокогнитология. Вып. 1. Подходы к изучению этнической идентификации. М.: Российский НИИ культурного и природного наследия, 1994. С. 78–90.

Скрипина И.В. Материалы Всесоюзной переписи 1926 г. как источник о численности и социальном составе населения (на материалах Тобольского округа Уральской области) // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 7. № 7. Ч. 2. 2015. С. 79–83.

Смирнова С. С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX — начале XX в. Опыт компьютерного анализа метрических книг: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. СПб., 2002. 268 с.

Снегирев В. Московские слободы. М.: Московский рабочий, 1947. 156 с.

Соколовский С.В. Этническая идентичность в переписях населения: классификационные принципы и подходы // Доклад на международном семинаре “Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России в XX веке” Института этнологии и антропологии РАН и Центра демографии и экологии человека, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, 27–28.02.2002 (место депонирования http://old.iea.ras.ru/topic/census/doc/sokol_paper2002-1.htm, дата обращения: 02.09.2022 г.).

Соловей Л.С. К вопросу о национально-смешанных семьях в Молдавии // Советская этнография. 1969. № 5. С. 88–90.

Солопова О.В. Белорусы Москвы: Очерки этносоциальной истории XVII – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07. М., 2005. 26 с.

Солопова О.В. Этапы и истоки становления белорусского национального сознания в российских белорусских диаспорах // В едином историческом пространстве. Сб. научн. статей. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2009. С. 469–493.

Сталтмане В.Э. Латыши // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 191–194.

Сталтмане В.Э. Латышская антропонимия. Фамилии. М.: Наука, 1981. 228 с.

Старовойтов М.И. Белорусские беженцы в российских городах и губерниях в 1915–1918 гг. // Экстремальное в повседневной жизни населения России: региональный аспект (к 100-летию Русской революции 1917 г.). СПб.: Культурно-просветительское товарищество, 2017. С. 232–238.

Старовойтова Г.В. Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки. Л.: Наука, 1987. 174 с.

Суперанская А.В. Имя – через века и страны. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 192 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

Сухорукова А.С. Петербургский доходный дом как элементарное звено городской административно-полицейской системы // Петербургские исследования: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 181–189.

Тер-Саркисянц А.Е. Армяне // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 59–61.

Тициан А. Московские приходы конца XIX – начала XX в.: соотношение между православными жителями города, участвовавшими и не участвовавшими в таинствах исповеди и причастия // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. Т. 36. № 2. С. 315–342.

Торпусман А.Н. Евреи // Системы личных имен у народов мира. М.: Наука, 1989. С. 115–120.

Трифонов А.А. Формирование населения Москвы в дореволюционный период // Русский город. Вып. 7. М.: Изд-во Московского университета, 1984. С. 189–198.

Ульянов О.М. Население Москвы в конце XIX в.: пространственно-типологическая характеристика по данным переписи Москвы 1882 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2006. № 3. С. 293–298.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 440 с.

Федорец А.И. Проблема информационной ценности исповедных ведомостей как исторического источника (на примере московских материалов XVIII в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2013. № 1. С. 64–73.

Хазиева-Демирбаш Г.С. Репрезентация социальной модели мира в татарских личных именах // Вестник Южно-Уральского государственного университета, серия «Лингвистика». 2017. Т. 14. № 1. С. 17–20.

Халимова Э.С. Социальная типология городского населения Сибири по материалам демографической переписи населения 1923 года // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источники. Вып. 1. 1991. С. 188–215.

Холмогоров А.И. Интернациональные черты советских наций: (На материалах конкретно-социологических исследований в Прибалтике). М.: Мысль, 1970. 222 с.

Хрущев С. А. Этнические аспекты демографических процессов в странах Балтийского региона // Балтийский регион. 2010. № 4(6). С. 91–102.

Худаш М.Л. К вопросу о возникновении украинских фамилий // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 121–125.

Худаш М.Л. Украинская антропонимия XIV – начала XIX вв. (мужские наименования): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. Ужгород, 1980. 45 с.

Чичагов В.К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий: вопросы русской исторической ономастики XV–XVII вв. М.: Госучпедгиз, 1959. 128 с.

Шабает Ю.П., Жеребцов И.Л. Введение // Антропология города. Выпуск 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 3–9.

Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия: эпоха перемен (1914–1924). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 60–87.

Шмелева О.Б. Английские, татарские и русские фамилии: типология, словообразовательный аспект // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 250–253.

Юхнева Е.Д. Жилище как элемент бытовой культуры городского населения: на материалах Петербурга конца XIX века: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02. СПб., 2004. 267 с.

Юхнева Н.В. К методике использования петербургских переписей населения конца XIX – начала XX вв. в этнографических исследованиях // Этнография Петербурга-Ленинграда: Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 60–73.

Юхнева Н.В. Об этнических аспектах изучения населения дореволюционного Петербурга // Советская этнография. 1980. №1. С. 20–33.

Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – начало XX века. Л.: Наука, 1984. 223 с.

Cressey, P.F. (1938) Population Succession in Chicago: 1898–1930. American Journal of Sociology, vol. 44, no 1, pp. 59–69.

Prato G.B., Pardo I. Anthropology in the City: Methodology and Theory. Surrey: Ashgate, 2012. 242 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ
Картосхемы концентрации
этнических меньшинств на территории Москвы
в 1897 г., 1912 г. и 1923 г.

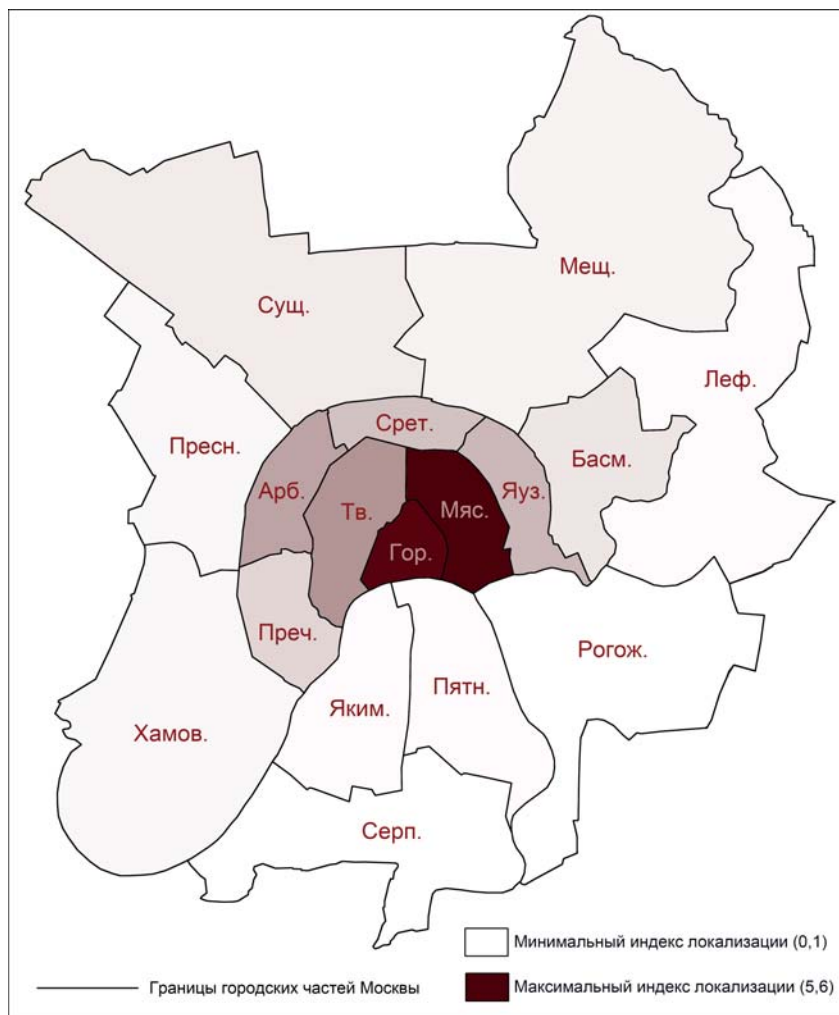

Рисунок 16. Степень концентрации армян в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

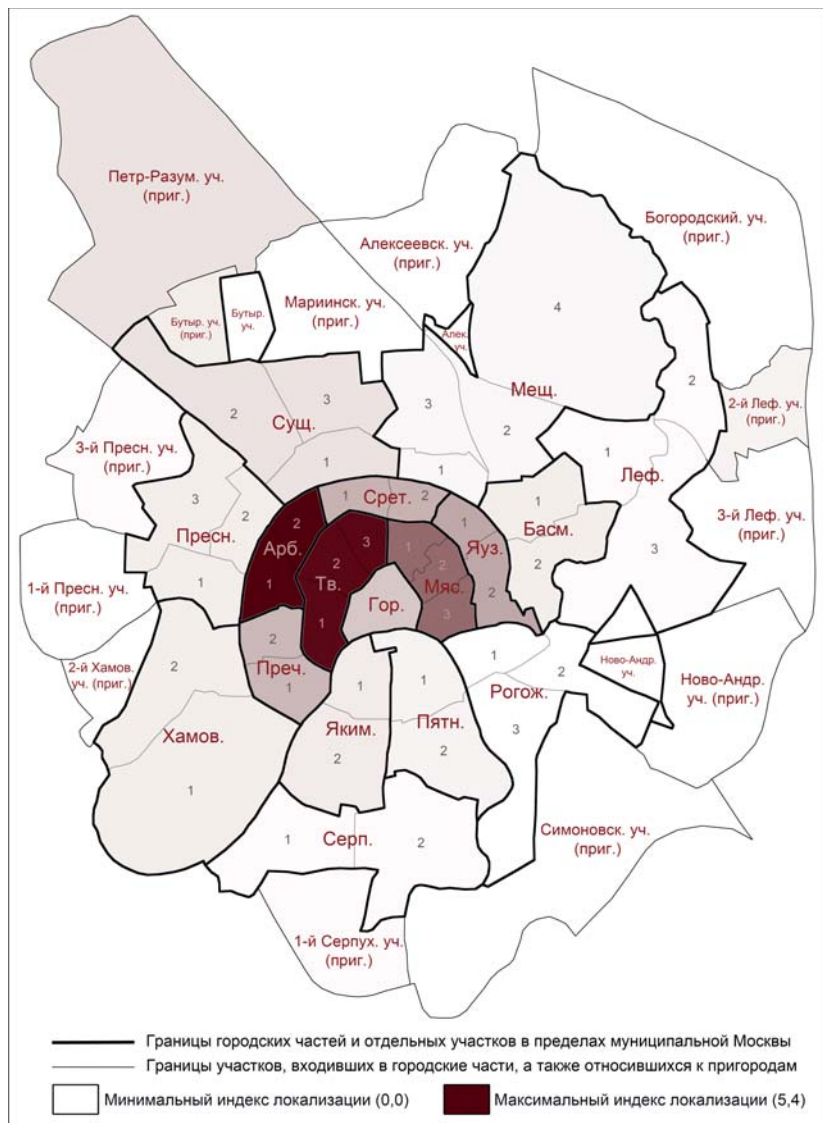

Рисунок 17. Степень концентрации армян в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы (даты с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

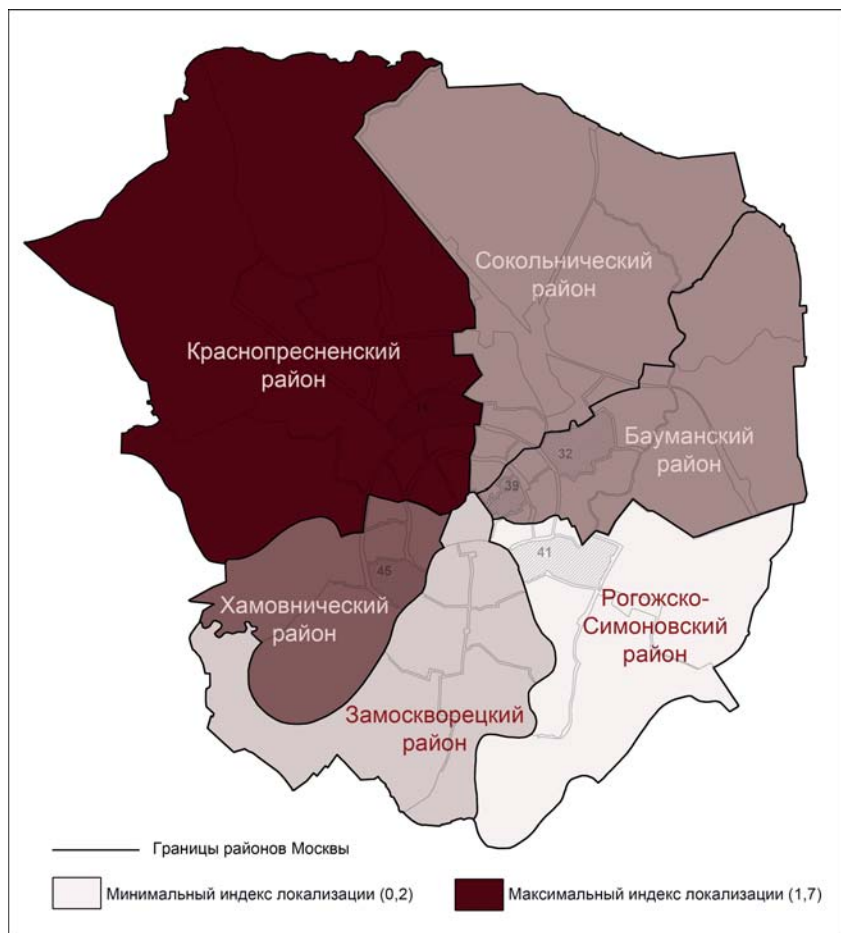

Рисунок 18. Степень концентрации армян в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

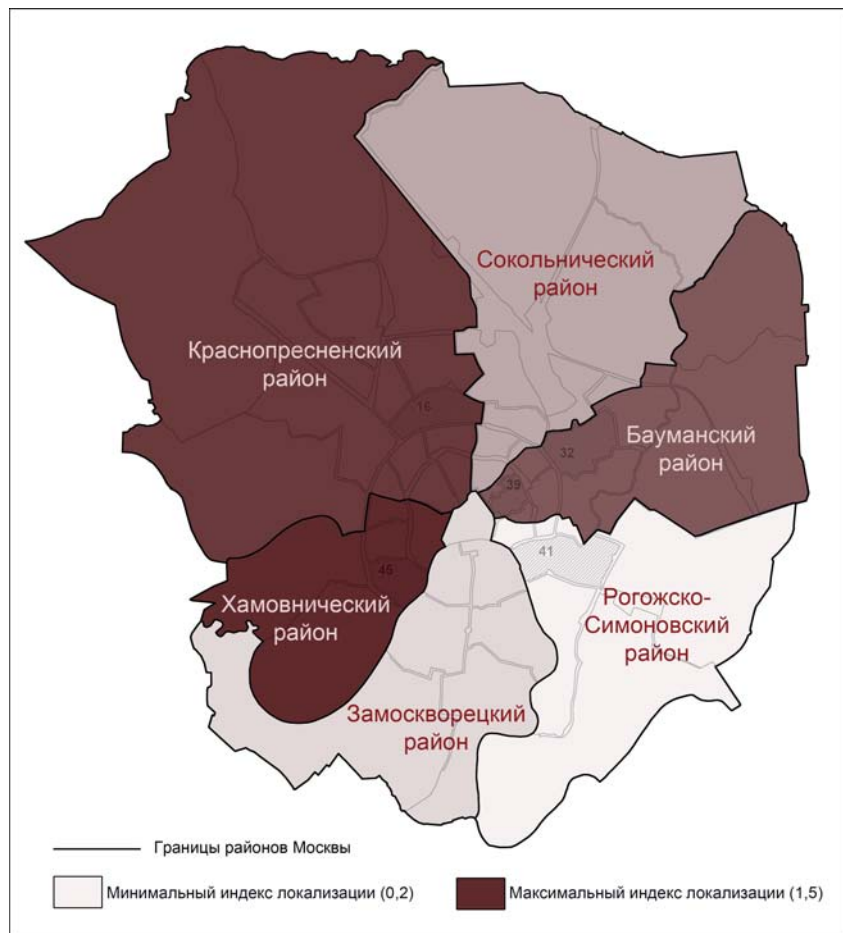

Рисунок 19. Степень концентрации армян в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

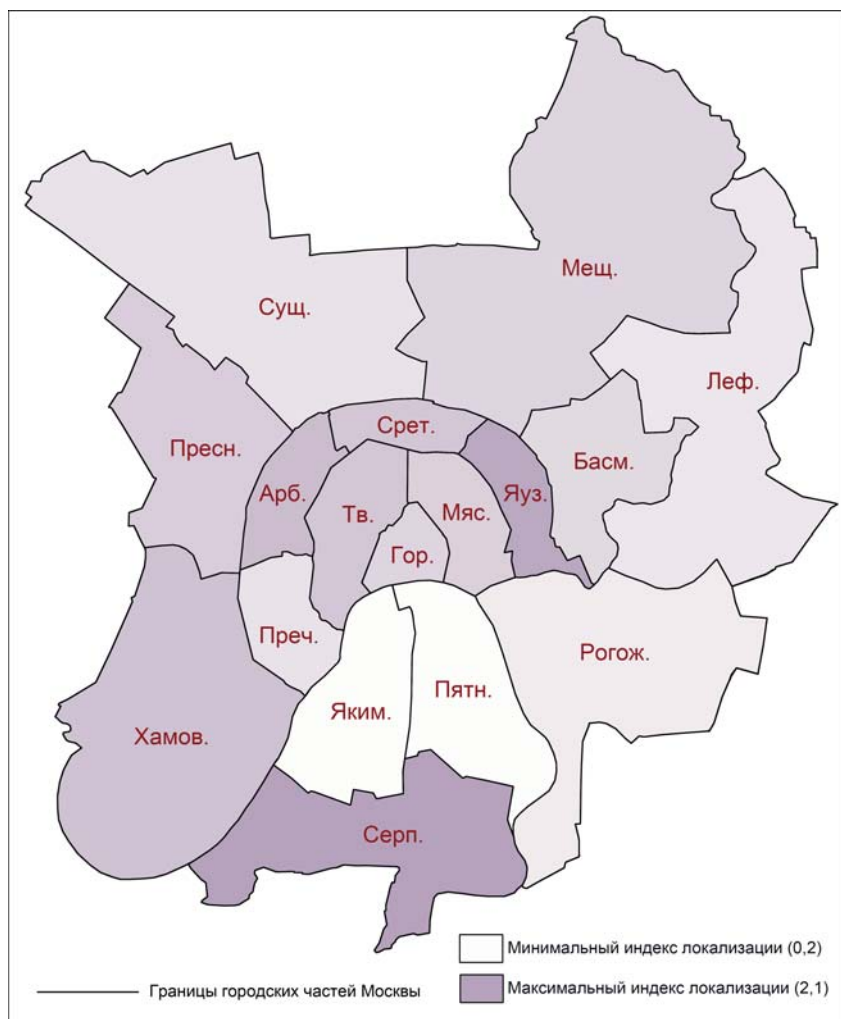

Рисунок 20. Степень концентрации поляков в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

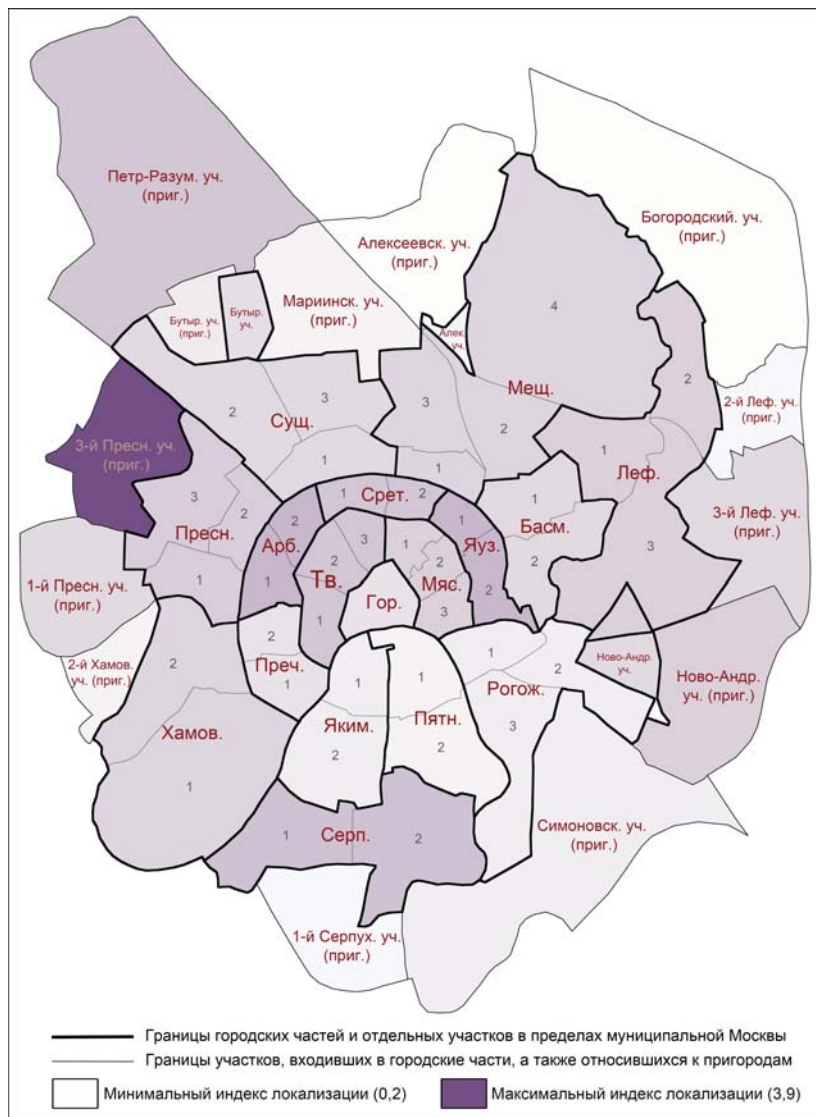

Рисунок 21. Степень концентрации поляков в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

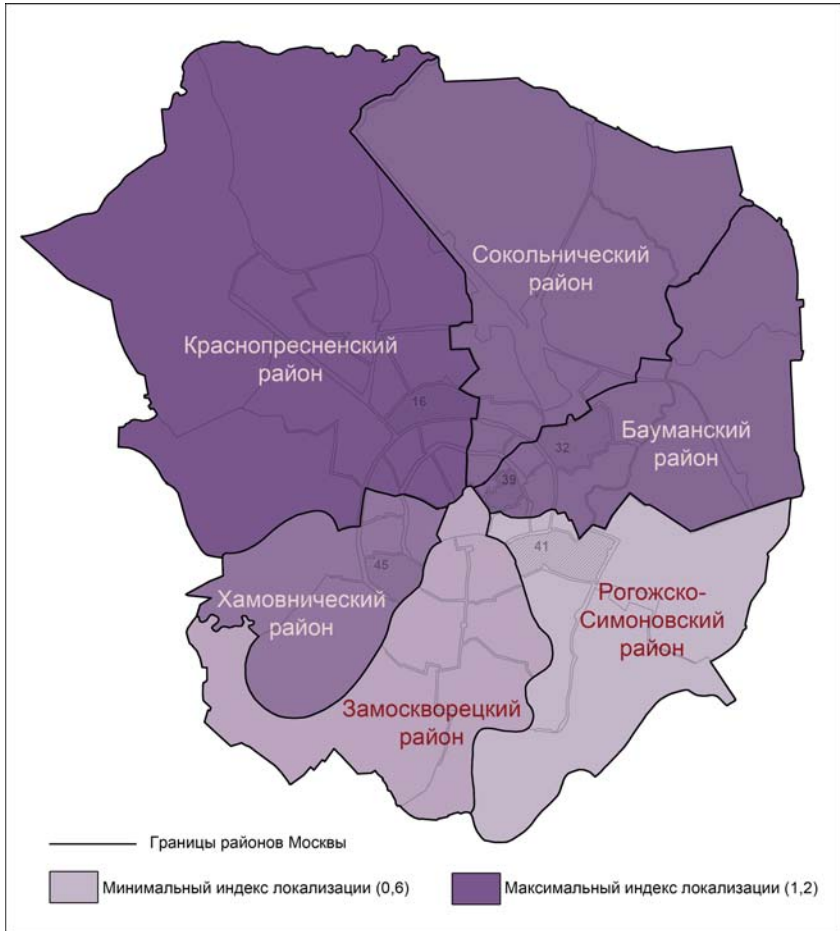

Рисунок 22. Степень концентрации полей в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

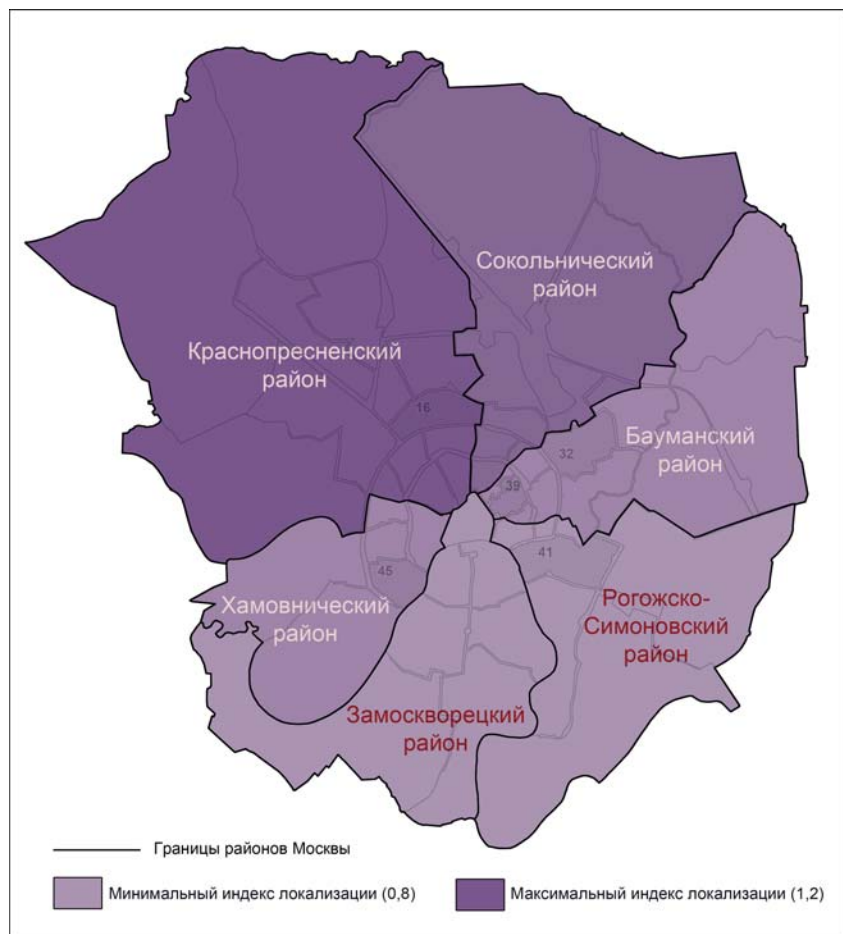

Рисунок 23. Степень концентрации полей в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

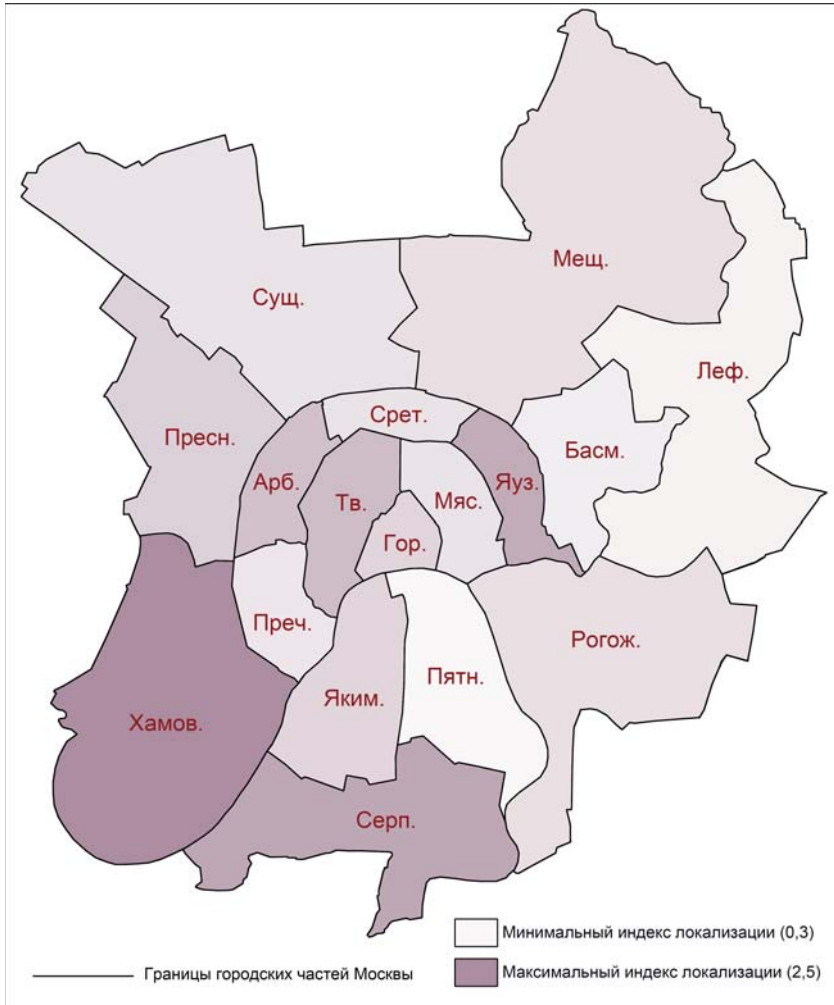

Рисунок 24. Степень концентрации литовцев в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65;
Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

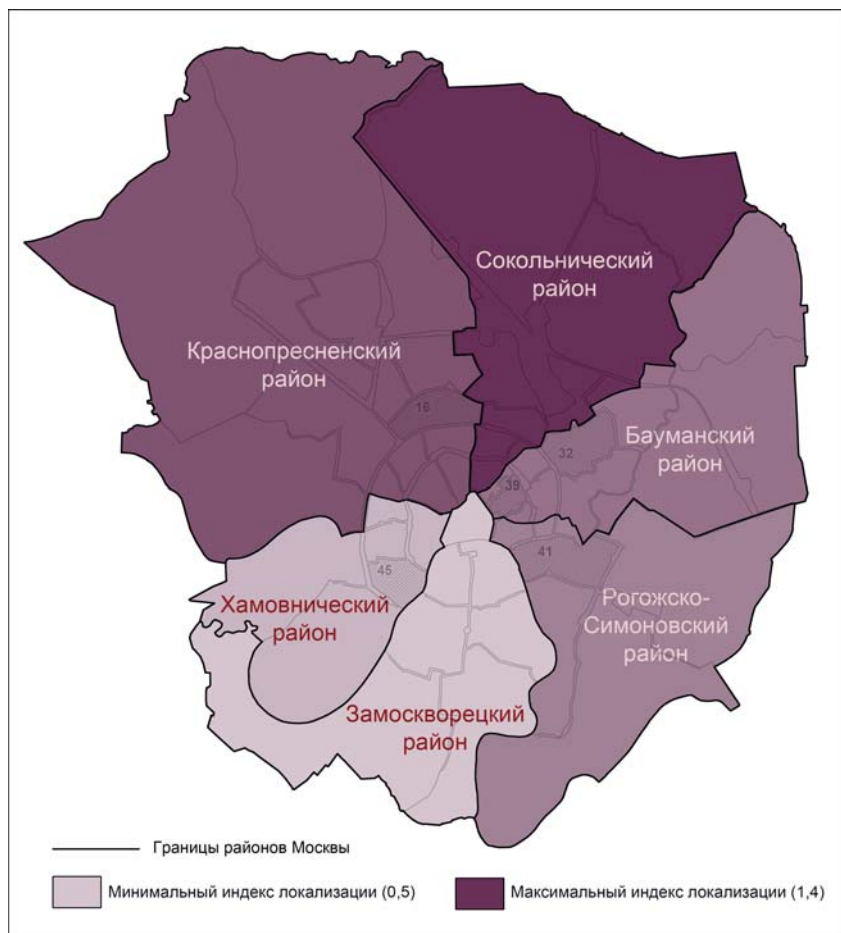

Рисунок 26. Степень концентрации литовцев в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

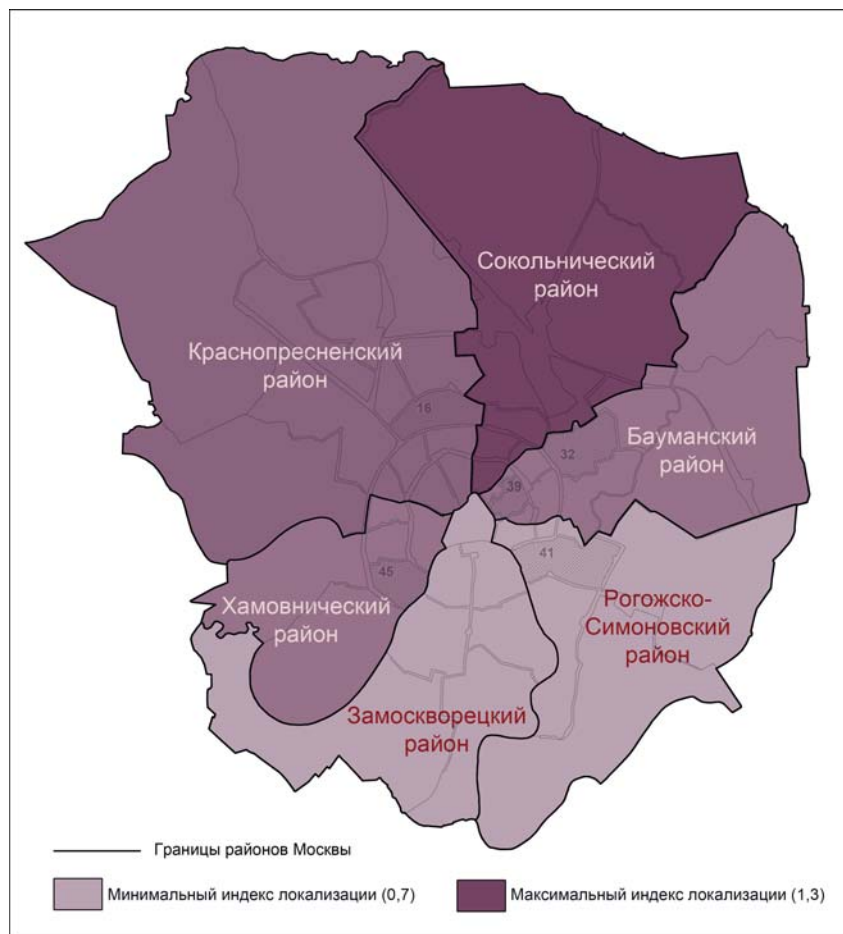

Рисунок 27. Степень концентрации литовцев в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

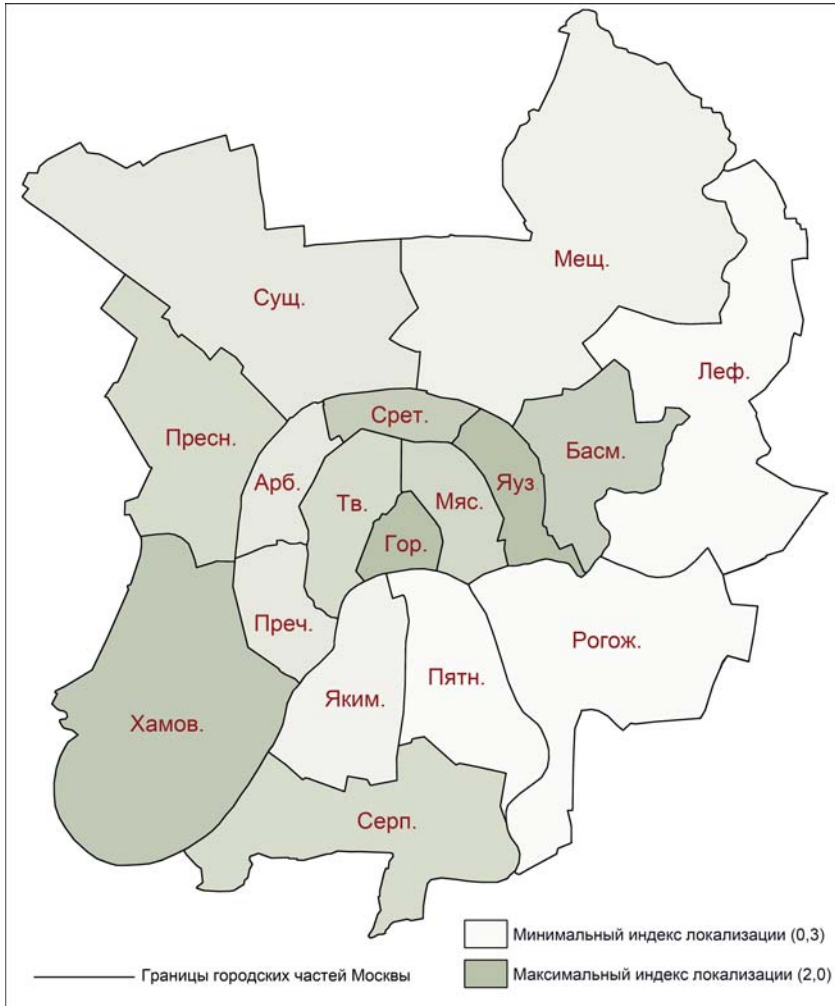

Рисунок 28. Степень концентрации латышей в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

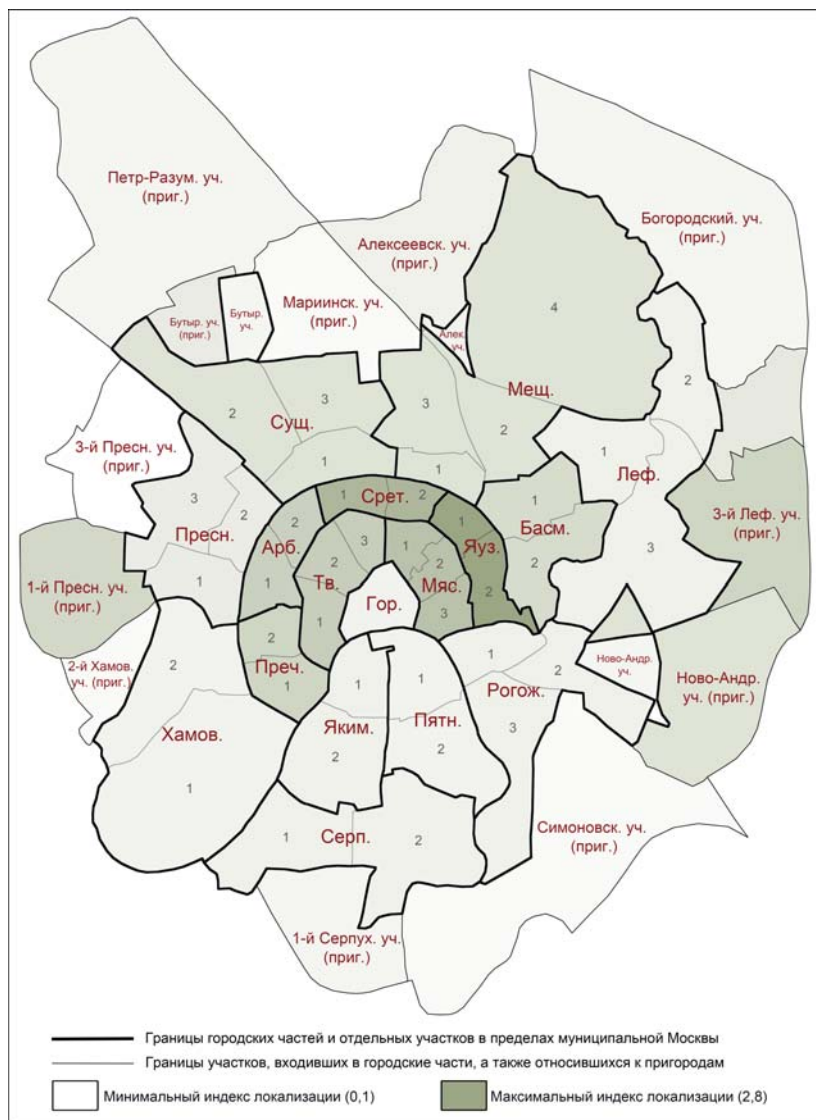

Рисунок 29. Степень концентрации латышей в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

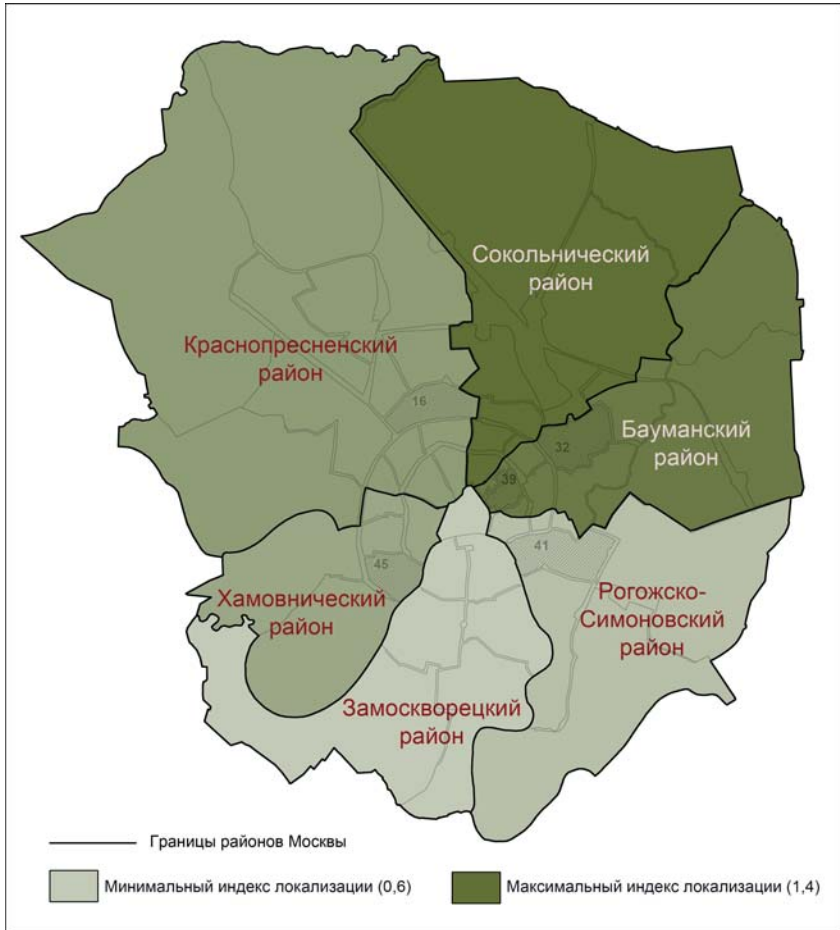

Рисунок 30. Степень концентрации латышей в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

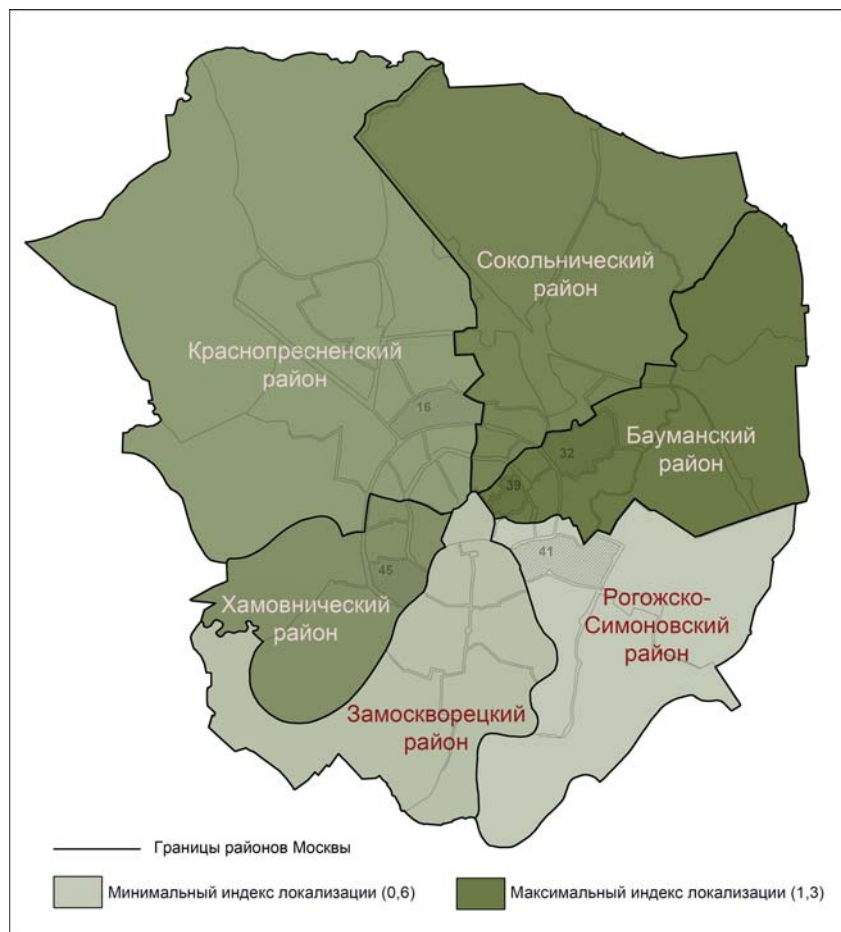

Рисунок 31. Степень концентрации латышей в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

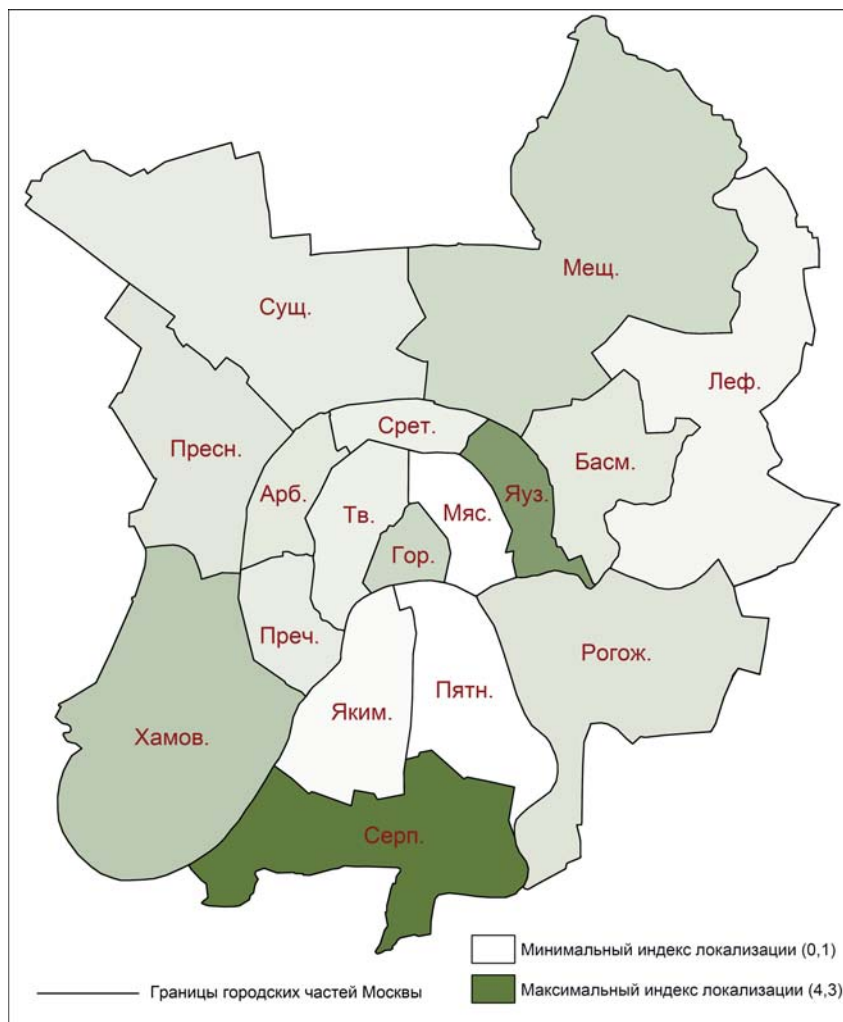

Рисунок 32. Степень концентрации украинцев в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

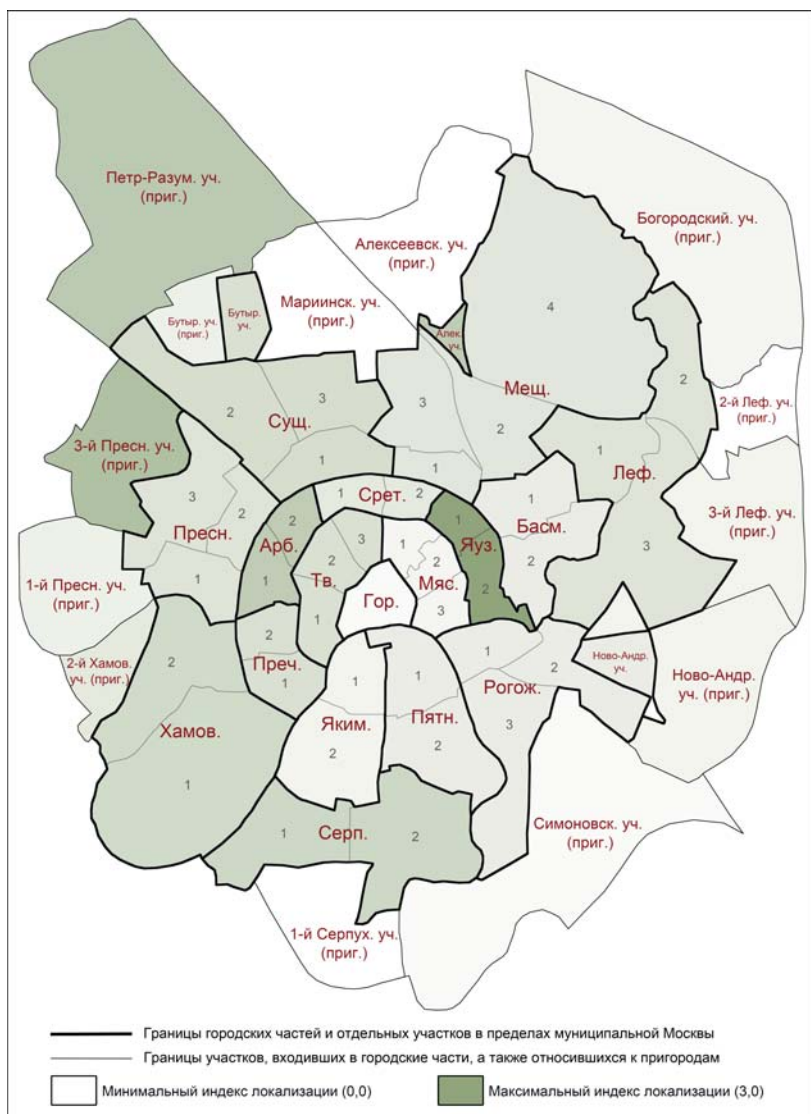

Рисунок 33. Степень концентрации украинцев в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

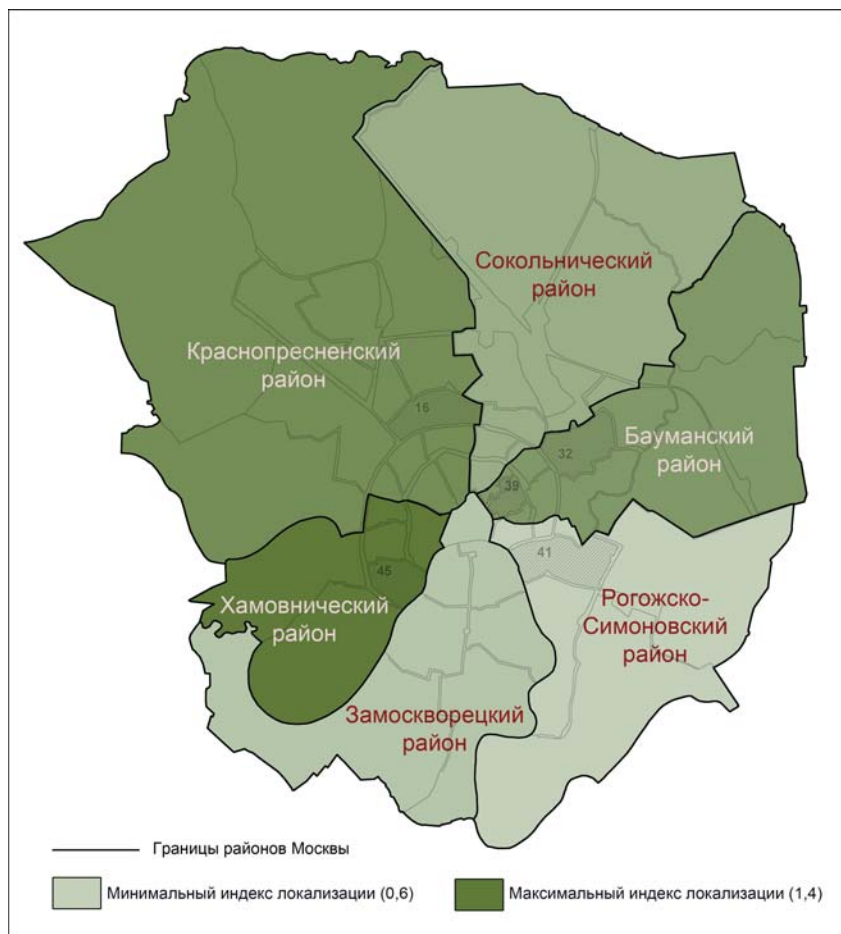

Рисунок 34. Степень концентрации украинцев в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

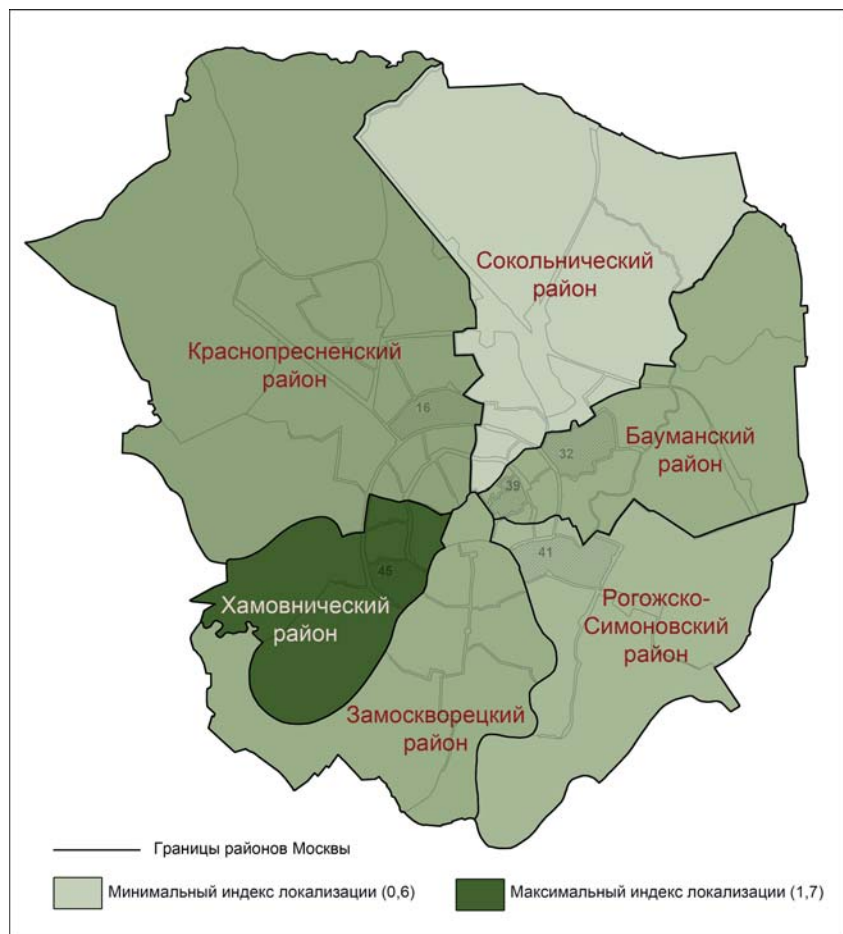

Рисунок 35. Степень концентрации украинцев в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

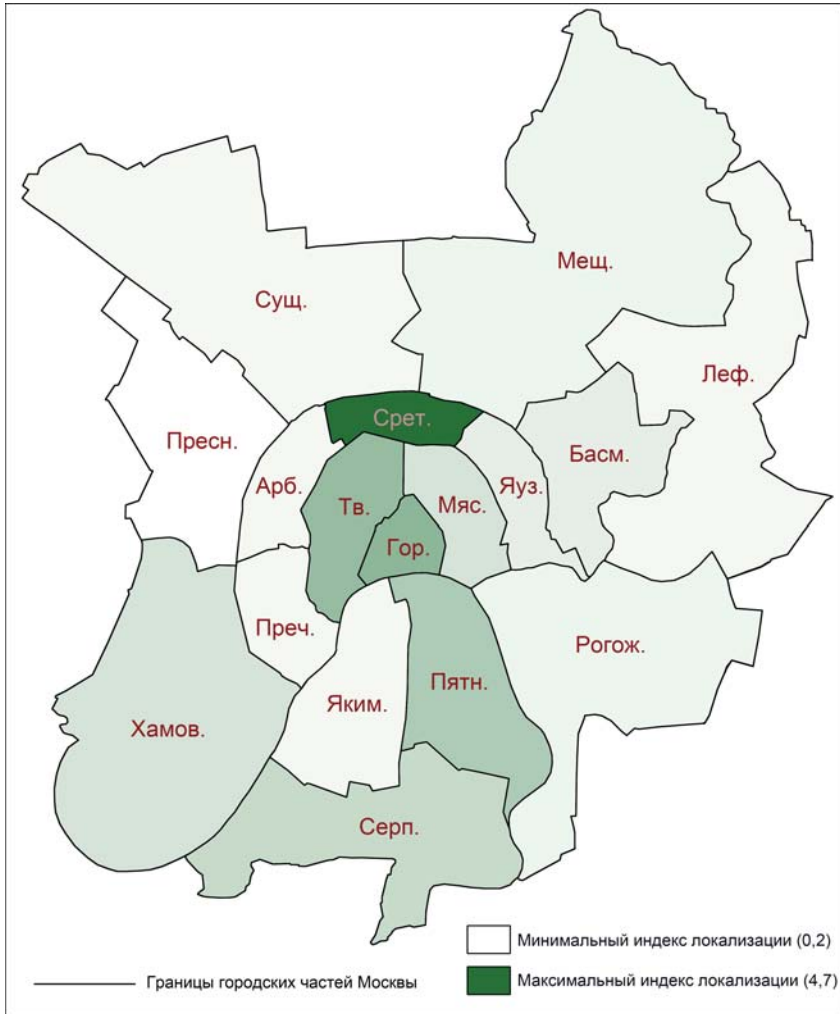

Рисунок 36. Степень концентрации татар в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

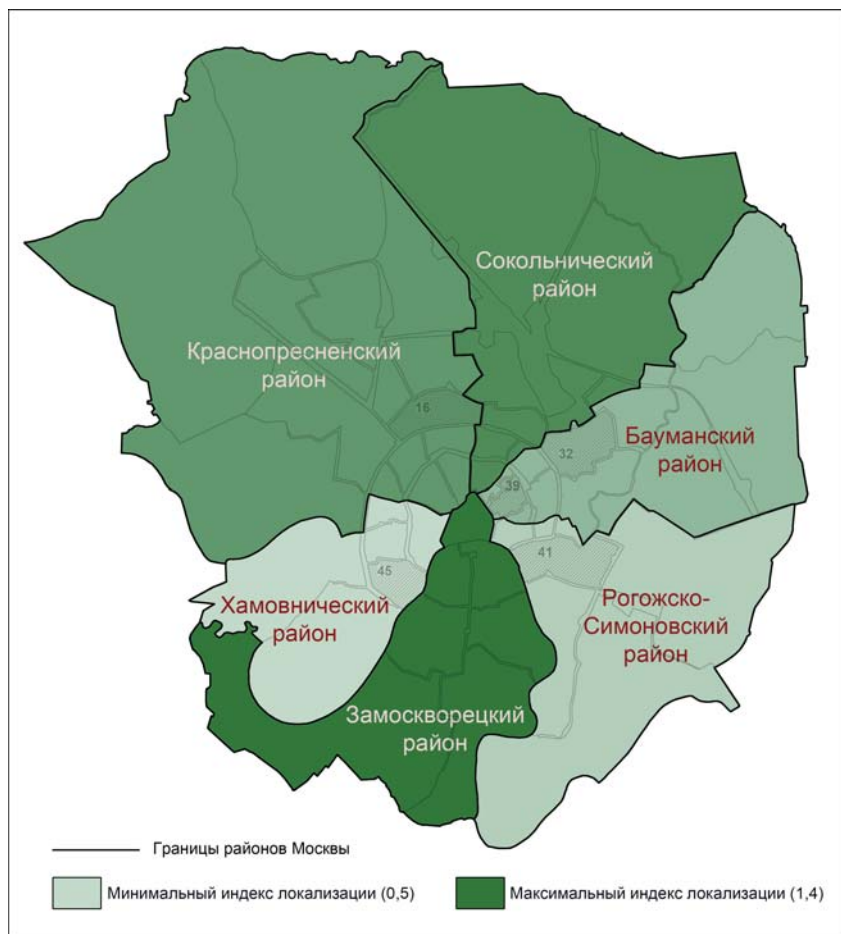

Рисунок 38. Степень концентрации татар в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милиейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911—1913. М., 1916. С. 21, 26—27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

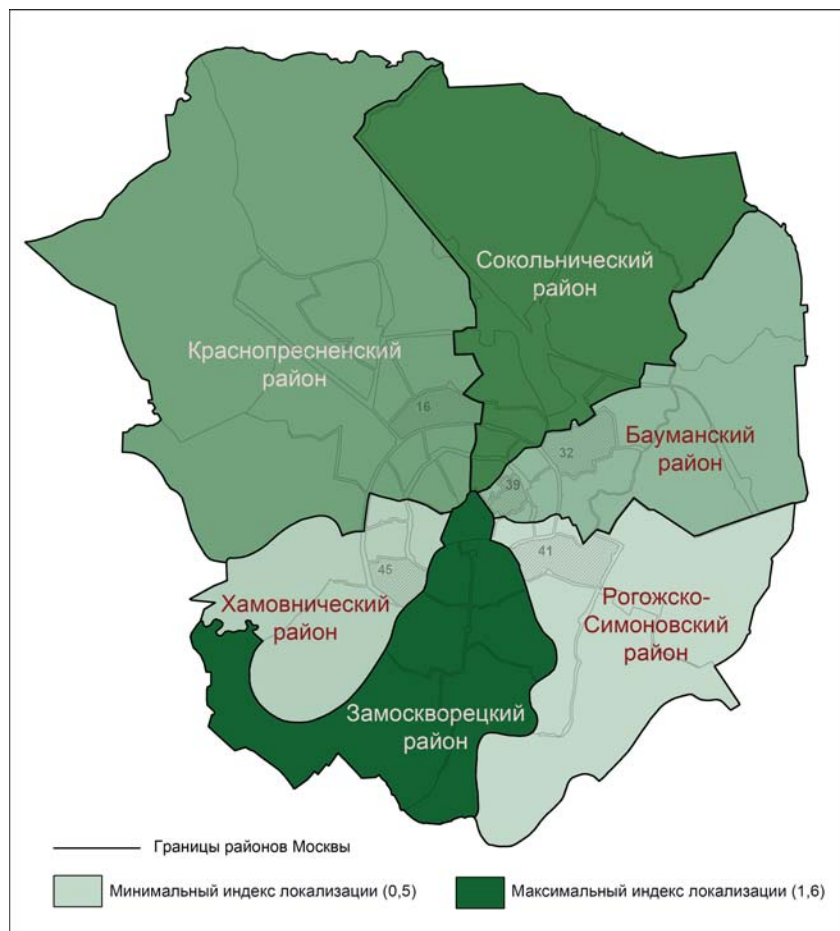

Рисунок 39. Степень концентрации татар в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

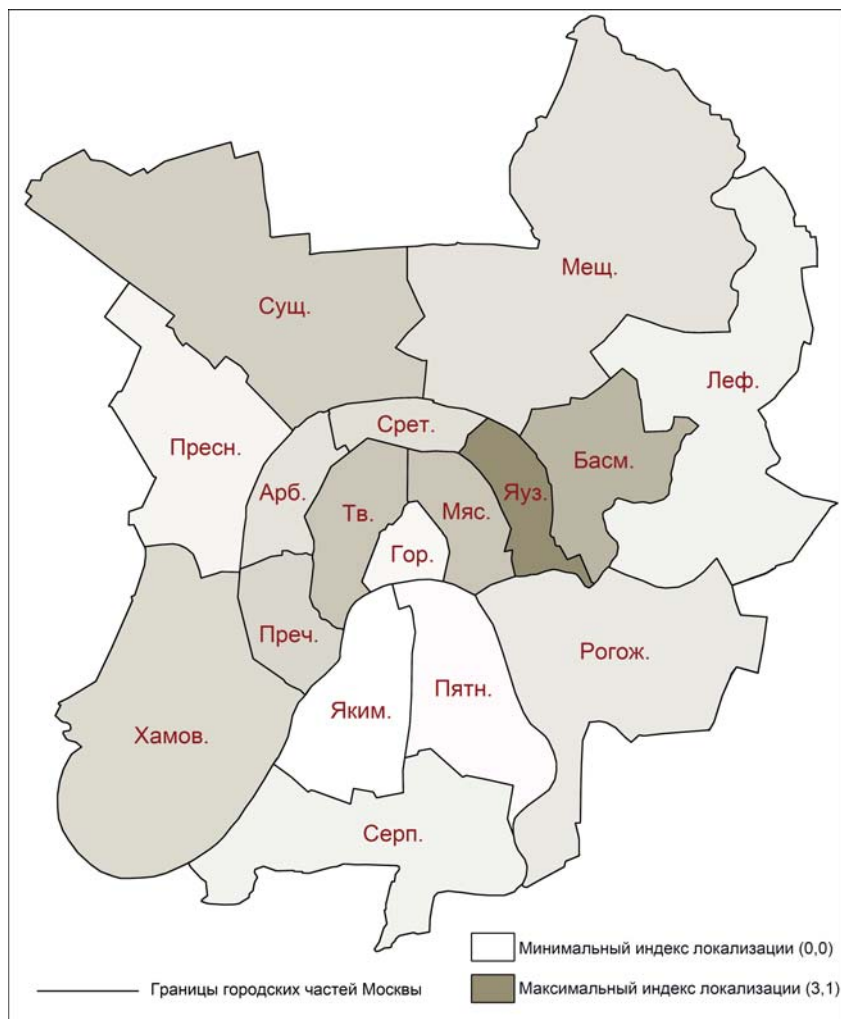

Рисунок 40. Степень концентрации эстонцев в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

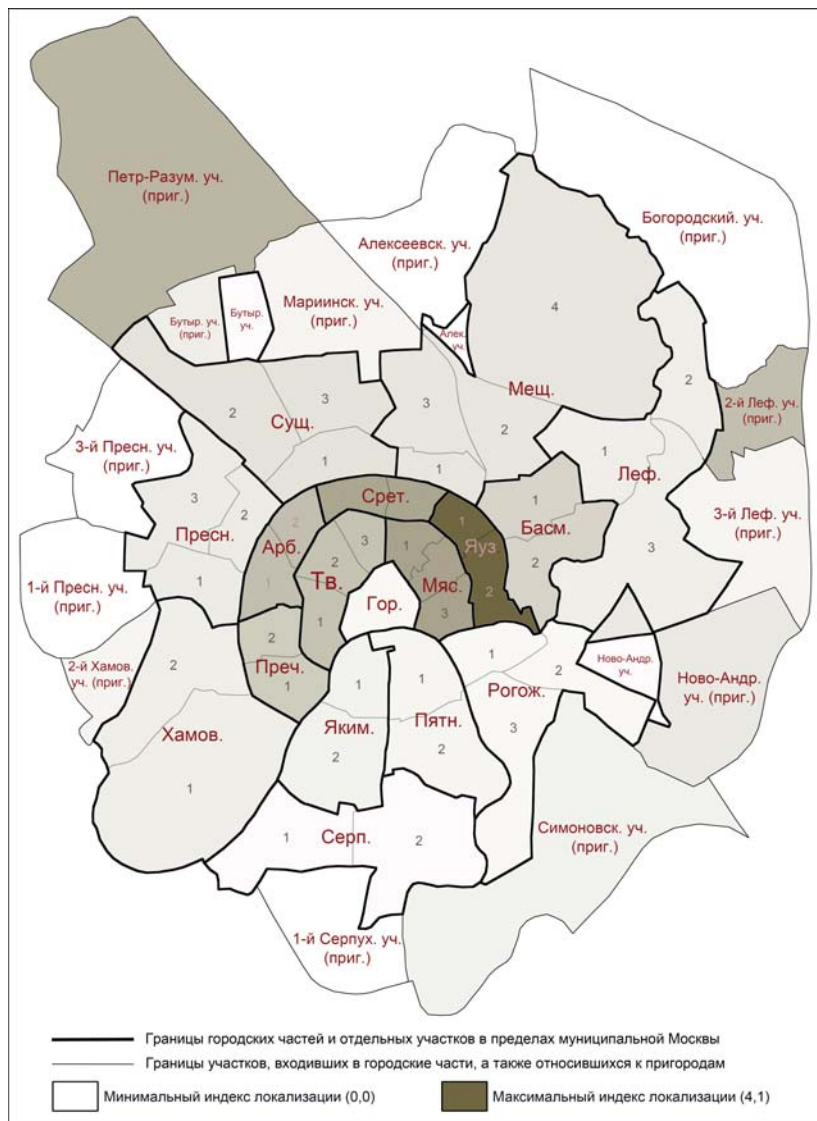

Рисунок 41. Степень концентрации эстонцев в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

Рисунок 42. Степень концентрации эстонцев в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

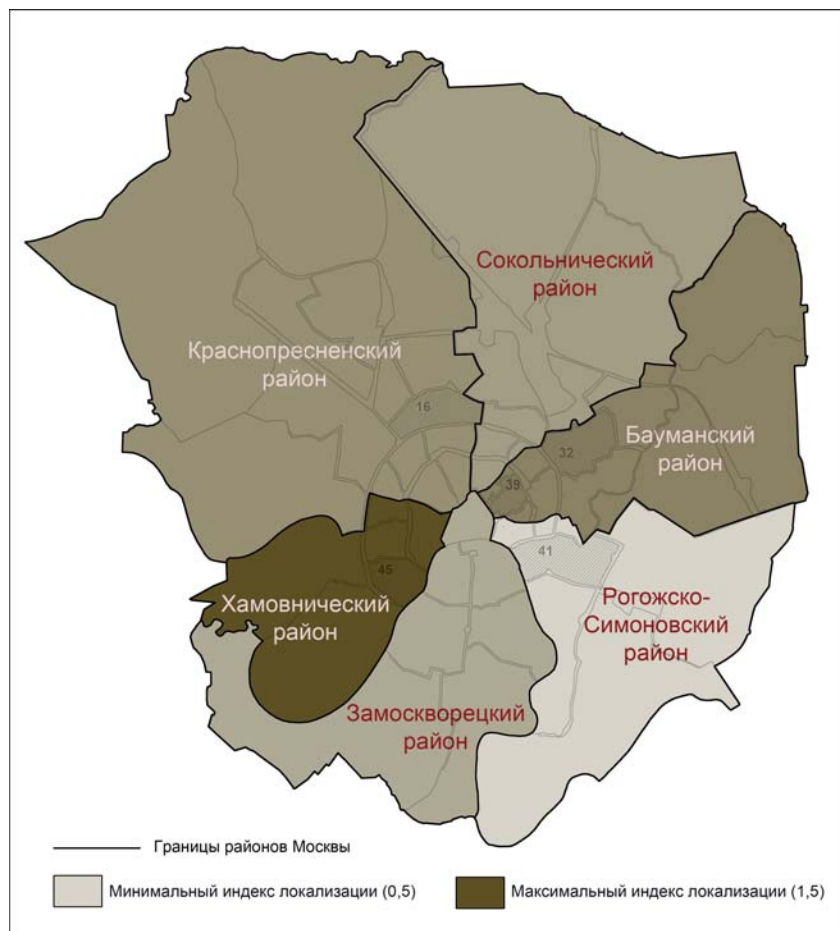

Рисунок 43. Степень концентрации эстонцев в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

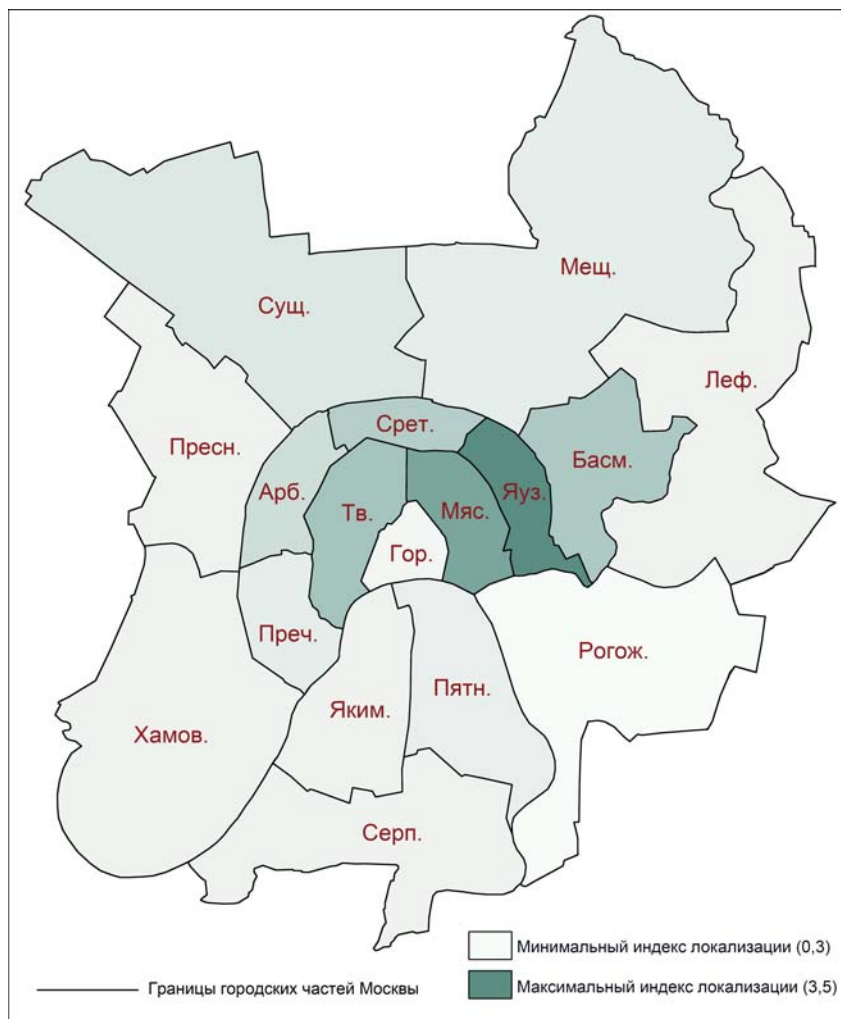

Рисунок 44. Степень концентрации немцев в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

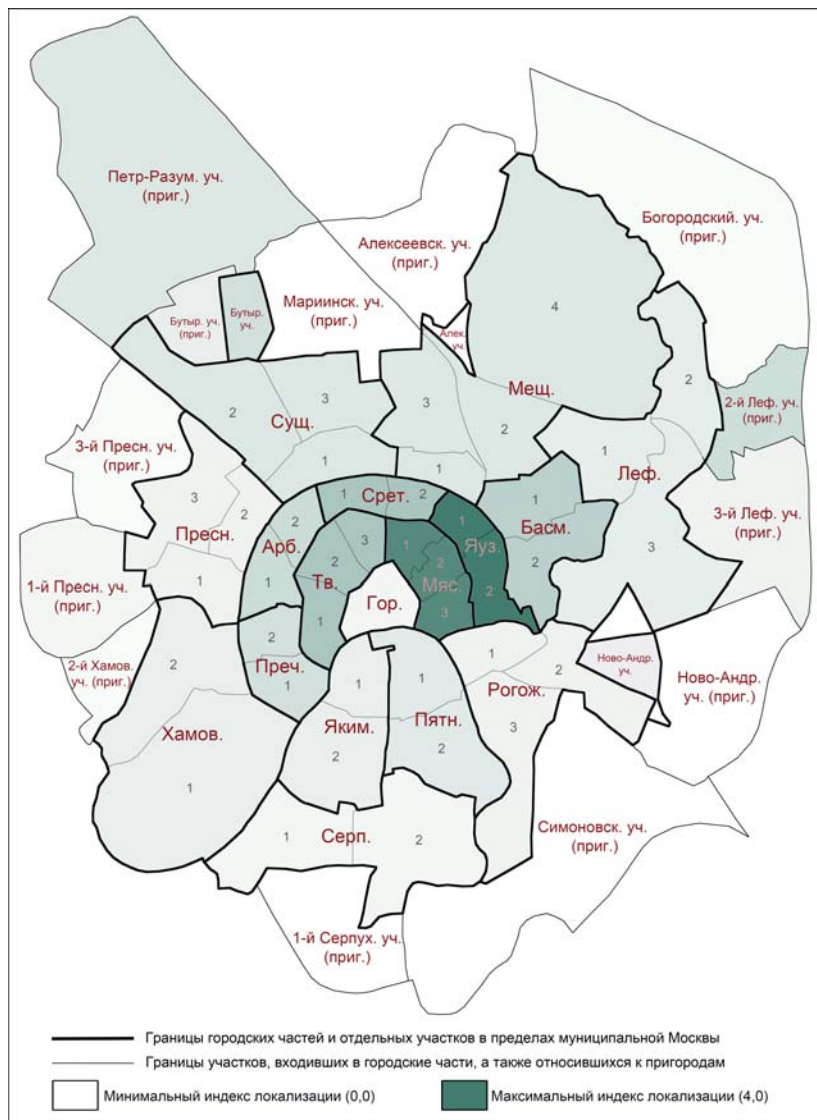

Рисунок 45. Степень концентрации немцев в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

Рисунок 46. Степень концентрации немцев в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

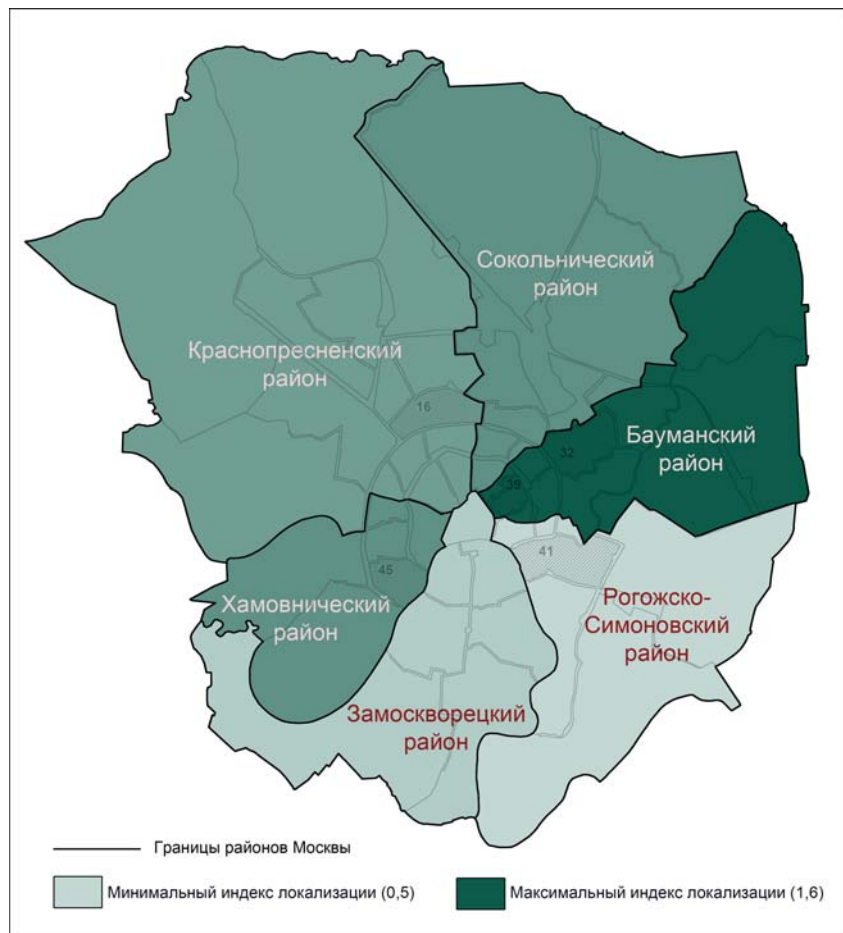

Рисунок 47. Степень концентрации немцев в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицйских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

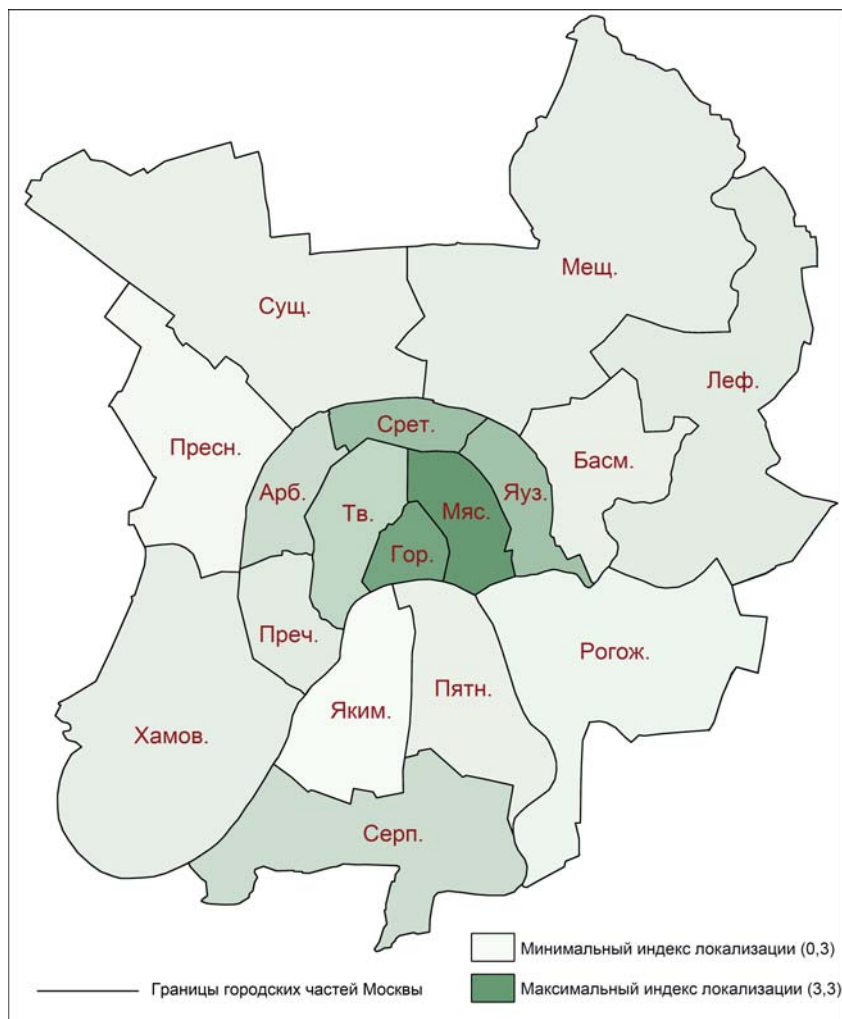

Рисунок 48. Степень концентрации евреев в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

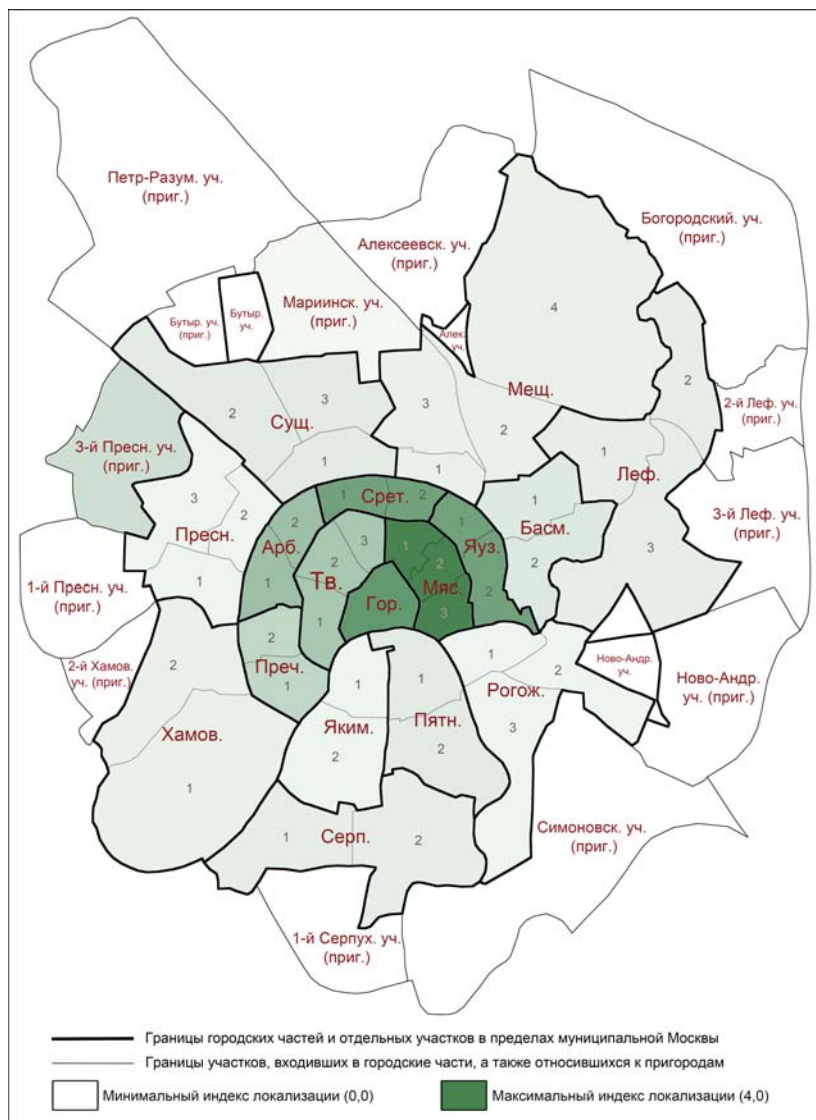

Рисунок 49. Степень концентрации евреев в городских частях и участках Москвы в 1912 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План города Москвы с пригородами. // URL: <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65; Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27.

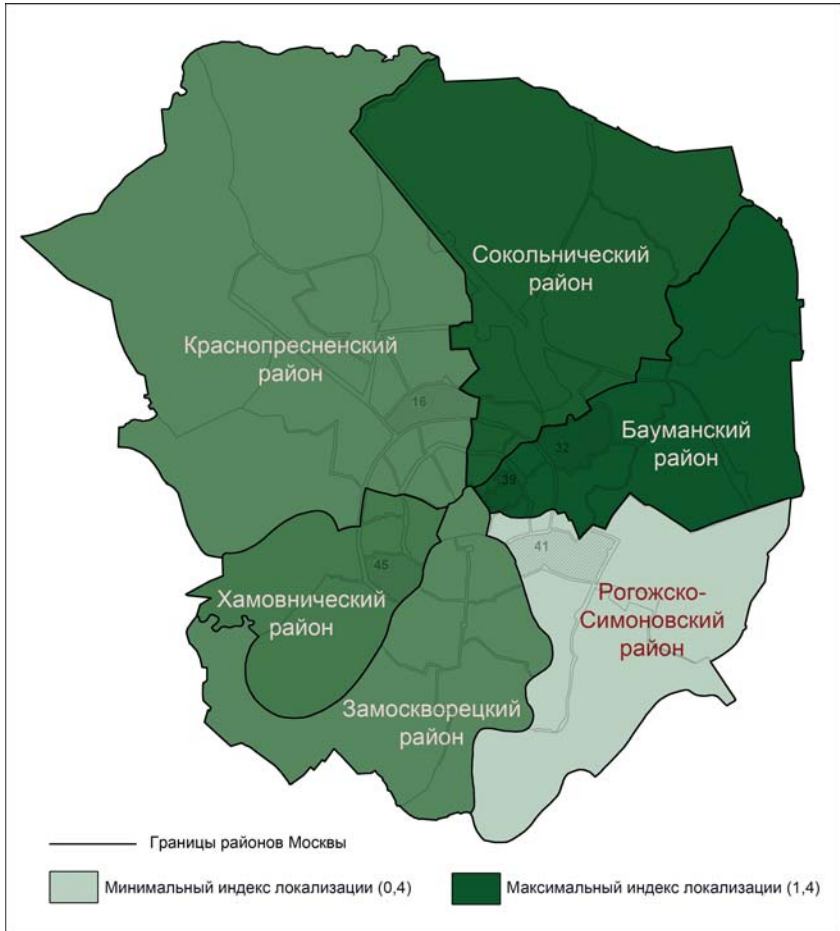

Рисунок 50. Степень концентрации евреев в границах советских районов Москвы в 1912 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистический ежегодник города Москвы. Вып. 4. 1911–1913. М., 1916. С. 21, 26–27; план города Москвы с пригородами 1913 г. <http://www.etomesto.ru/map-karta-moskvy-suvorina-1913/> (дата обращения: 02.09.2022).

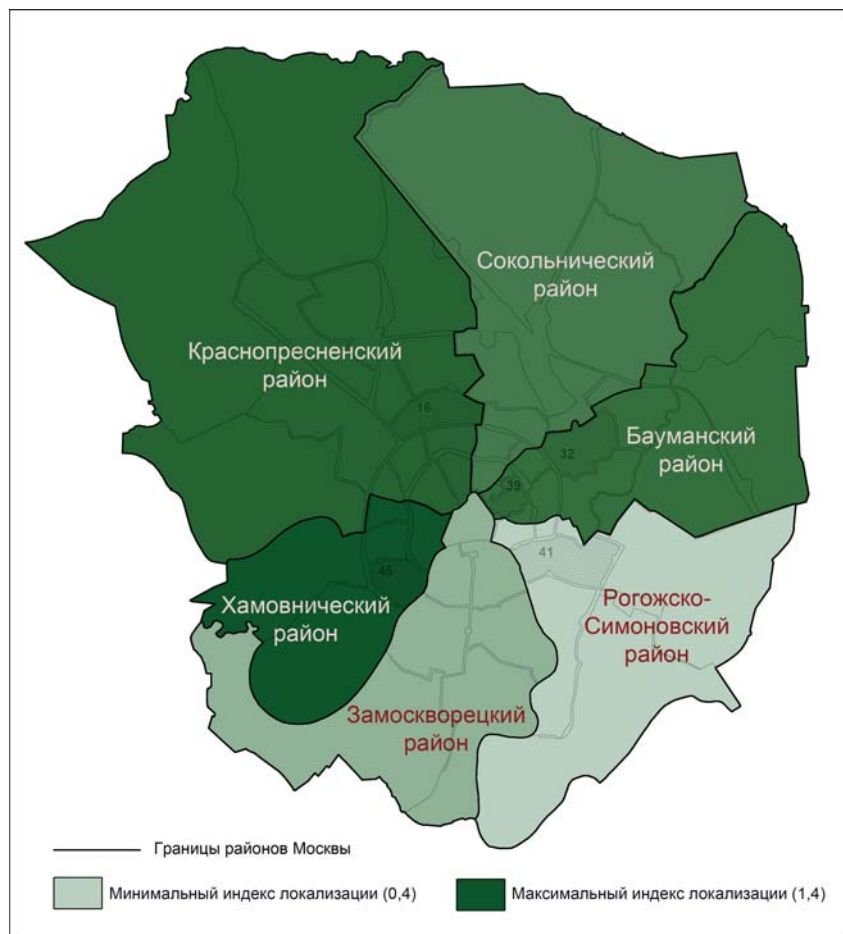

Рисунок 51. Степень концентрации евреев в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицеских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

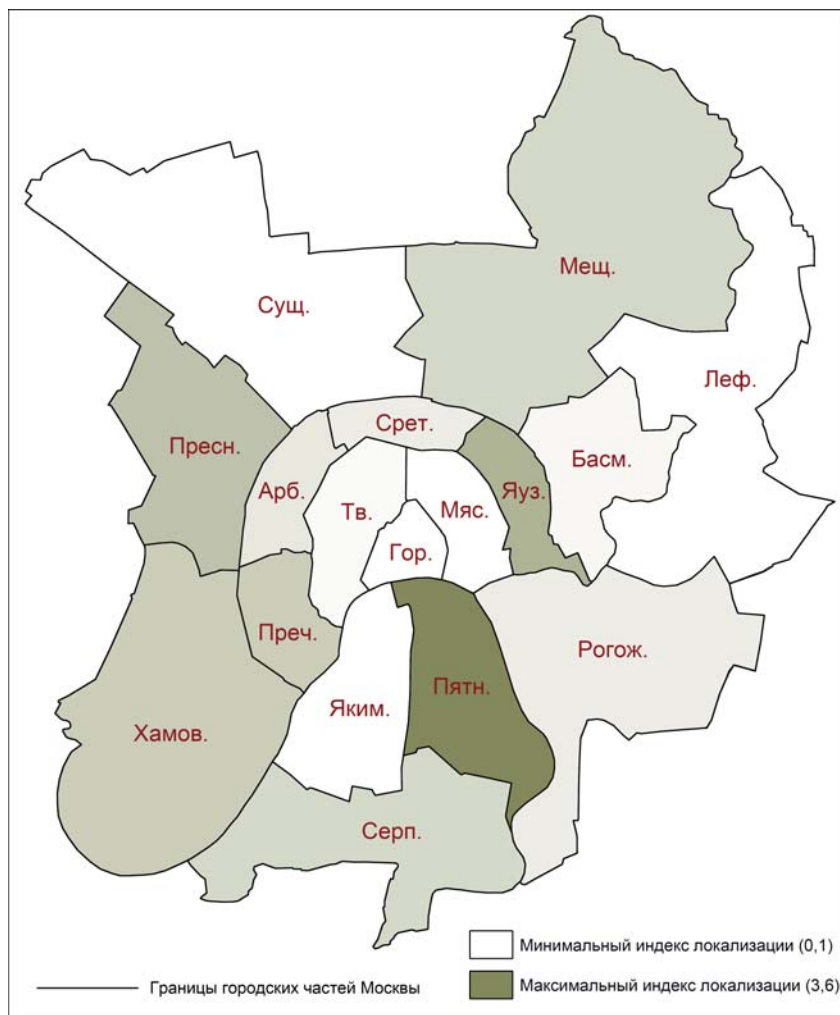

Рисунок 52. Степень концентрации белорусов в городских частях Москвы в 1897 г., по разным источникам.

Составлено автором на основании: План столичного города Москвы. Приложение к «Адрес-справочнику г. Москвы» на 1897 г. // URL: http://www.etomesto.ru/map-moscow_1897-adres-spravka/ (дата обращения: 02.09.2022 г.); Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 24. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 60–65.

Рисунок 53. Степень концентрации белорусов в районах Москвы в 1923 г. (передний план) и схема милицейских участков (задний план).

Составлено автором на основании: План Москвы исправленный и дополненный по новейшим данным изд. 1925 г. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=93> (дата обращения: 02.09.2022); План Москвы, составлен по новейшим данным 1927 г. URL: http://retromap.ru/0619271_55.863584,37.629117 (дата обращения: 02.09.2022); Статистические сведения по переписи 1923 г. // ЦГАМ. Ф. 126. Оп. 13. Д. 21. Л. 18.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ:

1-й Пресн. уч. (приг.) — 1-й Пресненский участок (пригородный)
1-й Серпух. уч. (приг.) — 1-й Серпуховской участок (пригородный)
2-й Леф. уч. (приг.) — 2-й Лефортовский участок (пригородный)
2-й Хамов. уч. (приг.) — 2-й Хамовнический участок (пригородный)
3-й Леф. уч. (приг.) — 3-й Лефортовский участок (пригородный)
3-й Пресн. уч. (приг.) — 3-й Пресненский участок (пригородный)
Алек. уч. — Алексеевский участок
Алексеевск. уч. (приг.) — Алексеевский участок (пригородный)
Арб. — Арбатская часть
Басм. — Басманная часть
Богородский уч. (приг.) — Богородский участок (пригородный)
Бутыр. уч. — Бутырский участок
Бутыр. уч. (приг.) — Бутырский участок (пригородный)
Гор. — Городская часть
Леф. — Лефортовская часть
Мариинск. уч. (приг.) — Мариинский участок (пригородный)
Мещ. — Мещанская часть
Мяс. — Мясницкая часть
Ново-Андр. уч. (приг.) — Ново-Андроньевский участок (пригородный)
Ново-Андр. уч. — Ново-Андроньевский участок
Петр.-Разум. уч. (приг.) — Петровско-Разумовский участок (пригородный)
Пресн. — Пресненская часть
Преч. — Пречистенская часть
Пятн. — Пятницкая часть
Рогож. — Рогожская часть
Серп. — Серпуховская часть
Симоновск. уч. (приг.) — Симоновский участок (пригородный)
Срет. — Сретенская часть
Суш. — Сушевская часть
Тв. — Тверская часть
Хамов. — Хамовническая часть
Яким. — Якиманская часть
Яуз. — Яузская часть

Grigoryan G.S. Ethnic Minorities in the Territory of Moscow: Allocation and Population Numbers in the Late 19th – First Quarter of the 20th Centuries / Eds.: Aleksey G. Novogilov, Anatoly N. Yamskov. Moscow: Staryi Sad, 2022. 249 p.

ISBN 978-5-89930-172-8

DOI: 10.33876/978-5-89930-172-8/1-249

The monograph is dedicated to the analysis of population numbers and settlement patterns of the most numerous Moscow's ethnic groups from the beginning of 19th century to 1923: Germans, Poles, Jews, Ukrainians, Tatars, Armenians, Belorussians, Latvians, Lithuanians, Estonians. Author traced back changes in ethnic minorities' settlement in the territory of Moscow and defined areas of their concentrations. Those areas were unstable, and during a quarter of a century, their localizations and directions of spatial shifts changed. That happened because of many factors, including the growth of proportions of most ethnic minorities, which in turn was a result of migrants' influx from their ethnic regions. At the same time, in the beginning of the 20th century settlement patterns of most of ethnic minorities in the territory of Moscow still reflected their initial localization in 17th –18th centuries. The book contains a detailed analysis of the impact of the First World War and post-war migrations on the population numbers and settlement patterns of the city's ethnic minorities. Changes in the ethnic and confessional composition of Moscow's population during the First World War were assessed. The author traced the tendencies in decline or growth of different ethnic groups' proportions in the city's population in 1918–1921, as well as correlations of those changes with the regions where the migrants came from. The analysis of house registers resulted in detailed description of the structure of their form, these records' contents, the distinctive features of record-keeping after 1917, and also in assessment of the number of source's extant specimens. The house registers were also evaluated as a potential anthroponymic source. The main quantitative data for the research came from the censuses of 1897–1926, which included the population of Moscow, as well as house registers' data for 1918–1921 from a number of city's districts. This is the first time that the data from house registers is presented in an academic publication as a mass statistic source.

CONTENTS

INTRODUCTION	5
--------------------	---

CHAPTER 1

Data sources on ethnic composition of Moscow in the end of 19th – first quarter of 20th centuries	23
--	-----------

Russian national and Moscow's censuses as a basis for determination of ethnic composition of the city population	23
---	----

Linguistic, confessional and ethnic composition of Moscow's population according to Russian national and local censuses	34
---	----

House books for residents' registration as a new mass data source on Moscow's population	46
---	----

House books' data on residents in five police districts of Moscow	60
---	----

CHAPTER 2

House books as an anthroponymic source	68
---	-----------

Discussion about correlation between anthroponymic and ethnic data in mass sources	68
---	----

Linguistic and cultural specifics of anthroponymic models' among Moscow's ethnic groups	73
--	----

Anthroponyms in Moscow's house books as a basis for determination of the ethnic composition of residents	87
---	----

CHAPTER 3

Spatial distribution of ethnic minorities on the territory of Moscow before the First World War	96
--	-----------

Ethnic minorities on the territory of Moscow in the 17 th –19 th centuries	96
---	----

Ethnic minorities' concentrations on the territory of Moscow in 1897–1912	106
--	-----

CHAPTER 4

Influence of migrations during the war and post-war periods on population numbers and localization of Moscow's ethnic minorities in 1915–1923.....	131
---	------------

Refugees in the population of Moscow during the First World War.....	131
---	-----

Specific dynamics of Moscow population's ethnic composition in the first years of Soviet rule (1918–1921)	143
--	-----

Trend in Moscow's ethnic minorities' localization at the beginning of 1920s	158
--	-----

CONCLUSION	179
-------------------------	------------

SOURCES	186
----------------------	------------

LITERATURE	192
-------------------------	------------

APPENDIX

(Schematic maps of ethnic minorities' concentration on the territory of Moscow in 1897, 1912 and 1923).....	206
--	------------

LIST OF ABBREVIATIONS	245
------------------------------------	------------

Научное издание

Генрих Шамильевич Григорян

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ

**Размещение и численность
в конце XIX — первой четверти XX вв.**

Научные редакторы

Алексей Геннадьевич Новожилов
Анатолий Николаевич Ямсков

Рецензенты

д.и.н. Ольга Евгеньевна Казьмина,
д.и.н. Татьяна Алексеевна Титова

Утверждено к печати

Ученым советом Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Москва
ООО Старый Сад
2022
249 с.

ISBN 978-5-89930-172-8
DOI: 10.33876/978-5-89930-172-8/1-249

Подписано к печати 21.09.2022. Формат 60х84/16
Усл.-печ. л. 12,5 Тираж 500 экз. Заказ № 345

ISBN: 978-5-89930172-8

9 785899 301728